

с е т е в о й н а у ч н ы й ж у р н а л ISSN 2408-932X

НАУЧНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ

RESEARCH RESULT

Том 2 | № 4
Volume 2 |

СОЦИАЛЬНЫЕ
И ГУМАНИТАРНЫЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ

SOCIAL STUDIES
AND HUMANITIES

Сайт журнала:
research-result.ru

сетевой научный рецензируемый журнал
online scholarly peer-reviewed journal

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации средства массовой информации Эл. № ФС77-67557 от 31 октября 2016 г.

The journal has been registered at the Federal service for supervision of communications, information, technology and mass media (Roskomnadzor)
Mass media registration certificate El. № FS 77-67557 of October 31 2016

Том 2. № 4. 2016

СЕТЕВОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
Издается с 2014 г.
ISSN 2408-932X

Volume 2. № 4. 2016

ONLINE SCHOLARLY PEER-REVIEWED JOURNAL
First published online: 2014
ISSN 2408-932X

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор: Ольхов П.А., доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и теологии социально-теологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Заместитель главного редактора – выпускающий редактор: Мотовникова Е.Н., доктор философских наук, доцент кафедры философии и теологии социально-теологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Редактор английских текстов: Ляшенко И.В., кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации, Институт межкультурной коммуникации и международных отношений Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Ответственный секретарь: Ряпухина В.Н., кандидат экономических наук, доцент, директор Сербского ресурсного центра, доцент кафедры стратегического управления Белгородского государственного технологического университета им. В.Г. Шухова, Россия

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Болгов Н.Н., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории и зарубежного регионоведения историко-филологического факультета Педагогического института Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Буксикова О.Б., доктор искусствоведения, профессор, заведующая кафедрой теории и методики хореографического искусства факультета режиссуры, актёрского искусства и хореографии Белгородского государственного института искусств и культуры, Россия

Быстраницев С.Б., доктор социологических наук, профессор кафедры истории и политологии Санкт-Петербургского государственного экономического университета, Россия

Волкова О.А., доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой социальной работы социально-теологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Жиров М.С., доктор педагогических наук, профессор кафедры социальной работы социально-теологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Липич В.В., доктор филологических наук, профессор кафедры филологии историко-филологического факультета Педагогического института Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Липич Т.И., доктор философских наук, доцент, заведующая кафедрой философии и теологии социально-теологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Лобанов К.Н., доктор политических наук, доцент, профессор кафедры административно-правых дисциплин Белгородского юридического института МВД России, Россия

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Пружинин Б.И., доктор философских наук, профессор, главный редактор журнала «Вопросы философии», Россия – *председатель*

Антанасиевич И., доктор филологических наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой славистики филологического факультета государственного Белградского университета, Республика Сербия

Аронов А.А., доктор культурологии, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой истории, истории культуры и музееведения Института культурологии и музееведения Московского государственного университета культуры и искусств, Россия

Атлагиц С., доктор политических наук, доцент факультета политических наук государственного Белградского университета, Республика Сербия

Быкова М.Ф., доктор философских наук, профессор, Университет Северной Каролины, США

Вендт С., доктор наук, профессор, заместитель руководителя факультета психологии, социальной работы и социальной политики, старший научный сотрудник Центра гендерных исследований Университета Южной Австралии, Австралийский Союз

Вересов Н.Н., доктор философии, профессор, университет Монаша, Австралийский Союз

EDITORIAL TEAM:

Editor-in-chief: PAVEL A. OLKHOV, Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Philosophy and Theology, Faculty of Theology and Social Sciences, Belgorod National Research University, Russia

Deputy chief – make-up editor: ELENA N. MOTOVNIKOVA, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Department of Philosophy and Theology, Faculty of Theology and Social Sciences, Belgorod National Research University, Russia

English text editor: IGOR V. LYASHENKO, Ph.D. in Philology, Associate Professor, Department of English Philology and Intercultural Communication, Institute of Intercultural Communication and International Relations, Belgorod National Research University, Russia

EXECUTIVE SECRETARY: VICTORIA N. RYAPUKHINA, PhD in Economics, Associate Professor, Director of the Serbian Resource Center, Associate Professor of Strategic Management, Belgorod State Technological University named after V.G. Shukhov, Russia

EDITORIAL BOARD

Nikolai N. Bolgov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of World History and Foreign Area Studies, History and Philology of Pedagogical Institute, Belgorod National Research University, Russia

OLGA B. BUKSIKOVA, Doctor of Art study, Head of the Department of Theory and Methodology of Choreography, Producing, Dramatics and Choreography Faculty of Belgorod State Institute of Arts and Culture, Russia

SERGEY B. BYSTRYANTSEV, Doctor of Sociology, Professor, Department of History and Political Sciences, St. Petersburg State University of Economics, Russia

OLGA A. VOLKOVA, Doctor of Sociology, Professor, Head of the Department of Social Work, Faculty of Theology and Social Sciences, Belgorod National Research University, Russia

MIKHAIL S. ZHIROV, Doctor of Education, Professor of the Department of Social Work, Faculty of Theology and Social Sciences, Belgorod National Research University, Honored Worker of Culture of the Russian Federation, Russia

VASILY V. LIPICH, Doctor of Philology, Professor of the Department of Philology, History and Philology of Pedagogical Institute, Belgorod National Research University, Russia

TAMARA I. LIPICH, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Head of the Department of Philosophy and Theology, Faculty of Theology and Social Sciences, Belgorod National Research University, Russia

KONSTANTIN N. LOBANOV, Doctor of Political Sciences, Professor of the Department of Administrative Law, Belgorod Law Institute of the Russian Interior Ministry, Russia

CONSULTING EDITORS:

BORIS I. PRUZHININ, Doctor of Philosophy, Professor, Editor-in-chief of "Voprosy Filosofii", Russia – *Chairman*

IRINA ANTANASIEVIĆ, Doctor of Philology, Professor, Faculty of Philology, University of Belgrade, Republic of Serbia

ARKADY A. ARONOV, Doctor of Cultural Studies, Doctor of Education, Head of History, History of Civilization and Museum Management Studies Department, Institute of Cultural Studies and Museum Management Studies of Moscow State University of Arts and Humanities, Russia

SINIŠA ATLAGIĆ, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Department of Political Sciences, State University of Belgrade, Republic of Serbia

Marina F. Bykova, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy and Religion North Carolina State University, USA

SARAH WENDT, Doctor of Science, Professor, Deputy Head of the Faculty of Psychology, Social Work and Social Policy, Chief Researcher at the Center for Gender Studies, the University of South Australia

NIKOLAI N. VERESOV, Doctor of Philosophy, Professor, The Monash University, Australia

LORENZO VINCIQUERRA, Professor of Philosophy and Aesthetics at the University of Picardie Jules Verne, Amiens, director of the Center for Research in Arts and Aesthetics – professeur de

Винчигуэрра Лоренцо, профессор философии и эстетики, Пикардийский университет Жюль Верна (Амьен), директор Центра искусствознания и эстетики, Франция

Денич (Михаилович) Сунчица М., доктор филологических наук, профессор, декан Педагогического факультета государственного Нишского университета, Республика Сербия

Исаев И.Ф., доктор педагогических наук, профессор, Почетный профессор Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Капицын В.М., доктор политических наук, профессор, профессор кафедры социологии и политологии Института переподготовки и повышения квалификации Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Россия

Кожемякин Е.А., доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой коммуникативистики, рекламы и связей с общественностью факультета журналистики Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Короchenский А.П., доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики факультета журналистики Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Майданский А.Д., доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и теологии социально-теологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Максимович Г., доктор филологических наук, профессор, декан философского факультета государственного Нишского университета, Республика Сербия

Маркович Д., доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка и литературы философского факультета государственного Нишского университета, Республика Сербия

Микешина Л.А., доктор философских наук, профессор, Почетный профессор Московского педагогического государственного университета, Россия

Ойтinen Веса, доктор философии, профессор-исследователь, Хельсинкский университет – Александровский институт, Финляндская Республика

Окладникова Е.А., доктор исторических наук, профессор, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Россия

Пенской В.В., доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры философии и теологии социально-теологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Порус В.Н., доктор философских наук, профессор, руководитель Школы философии, ведущий научный сотрудник Лаборатории исследования философии Центра фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Россия

Романова А.П., доктор философских наук, профессор, директор Гуманитарного института Астраханского государственного университета, Россия

Талига Х., кандидат философских наук, директор Taliga Consulting (Таллинн), эксперт Международной организации труда, Эстония

Фёдорова М.М., доктор политических наук, главный научный сотрудник, руководитель сектора истории политической философии Института философии Российской академии наук, Россия

Хамидов А.А., доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан

Харченко В.К., доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой филологии историко-филологического факультета Педагогического института Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Чжу Цзяньган, доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой филологического факультета Университета Сучжоу (провинция Цзянсу), Китайская Народная республика

Шувакович У., доктор политических наук, профессор кафедры социологии Филологического факультета государственного Приштинского университета с временным местонахождением в Косовска-Митровице, Республика Сербия

Щедрин Т.Г., доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии Московского педагогического государственного университета, Россия

Юбара Анет, доктор философии, доцент Майнцского университета Иоганна Гуттенберга (земля Рейнланд-Пфальц), Федеративная Республика Германия

Philosophie et d'Esthétique à l'Université de Picardie Jules Verne d'Amiens, directeur du Centre de Recherches en Arts et Esthétique, France

SUNČICA M. DENIĆ (MIKHAILOVIĆ), Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of Education, State University of Nis, Republic of Serbia

ILYA F. ISAEV, Doctor of Education, Professor, Emeritus Professor of Belgorod National Research University, Russia

VLADIMIR M. KAPITSYN, Doctor of Political Sciences, Professor of the Department of Sociology and Political Sciences, Institute for Professional Development, Lomonosov Moscow State University, Russia

EUGENE A. KOZHEMYAKIN, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Head of the Department of Communication, Advertising and Public Relations, Faculty of Journalism, Belgorod National Research University, Russia

ALEXANDER P. KOROSHENSKY, Doctor of Philology, Professor, Faculty of Journalism, Belgorod National Research University, Russia

ANDREY D. MAIDANSKY, Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Philosophy and Theology, Faculty of Theology and Social Sciences, Belgorod National Research University, Russia

GORAN MAKSIMOVIĆ, Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of Philosophy, State University of Nis, Republic of Serbia

DEJAN MARKOVIĆ, Ph.D., Professor, Head of the Department of Russian Language and Literature, Faculty of Philosophy, State University of Nis, Republic of Serbia

LYUDMILA A. MIKESHINA, Doctor of Philosophy, Professor, Emeritus Professor of Moscow State Pedagogical University, Russia

VESA OITINEN, Doctor of philosophy, Professor, University of Helsinki (Aleksanteri Institute), Finland

ELENA A. OKLADNIKOVA, Doctor of Historical Sciences, Professor, Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russia

VITALY V. PENSKOY, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Philosophy and Theology, Faculty of Theology and Social Sciences, Belgorod National Research University, Russia

VLADIMIR N. PORUS, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the School of Philosophy, a Leading Researcher of the Laboratory of Research of Philosophy, Center for Basic Research of the National Research University "Higher School of Economics", Russia

ANNA P. ROMANOVA, Doctor of Philosophy, Professor, Director of the Humanities Institute, Astrakhan State University, Russia

HARRI TALIGA, PhD in Philosophy, Director of Taliga Consulting (Tallinn), International Labour Management Expert, Estonia

Maria M. Fedorova, Doctor of Political Sciences, Head of the Department of History of Political Philosophy, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Russia

ALEXANDER A. KHAMIDOV, Doctor of Philosophy, Professor, Senior Researcher, Institute of Philosophy, Political Science and Religious Science, Committee of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan

VERA K. KHARCHENKO, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Philology, History and Philology of Pedagogical Institute, Belgorod National Research University, Russia

ZHU TSZYANGAN, Doctor of Philology, Associate Professor, Head of the Department of Philology at the University of Suzhou, the People's Republic of China, Jiangsu Province

Uros Suvakovic, Doctor of Political Sciences, Professor, Department of Sociology Faculty of Philosophy of State University of Pristina with temporary located in Kosovska Mitrovica, Republic of Serbia

TATIANA G. SHCHEDRINA, Doctor of Philosophy, Professor of Moscow State Pedagogical University, Russia

ANNETT JUBARA, Doctor of Philosophy, Docent, The Johannes Gutenberg University of Mainz, Germany

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»

Издатель: НИУ «БелГУ». Адрес издателя: 308015 г. Белгород, ул. Победы, 85. Журнал выходит 4 раза в год

Founder: Federal state autonomous educational establishment of higher education «Belgorod National Research University»

*Publisher: Belgorod National Research University
Address of publisher: 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia
Publication frequency: 4 /year*

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

ИССЛЕДОВАНИЯ	RESEARCHES
Братина В., Братина Б. Гипертрофированное Я: ego cogito à la Serbe <i>Перевод В.Н. Ряпухиной</i> 4	Bratina V., Bratina B. Hypertrophied Ego: ego cogito à la Serbe 4
Окладникова Е. А., Марсадолов Л. С. Наскальные образы быка и хищника горы Калбак-Таш: к вопросу об информационной проточности древних культурных ландшафтов Евразии 14	Okladnikova E. A., Marsadolov L. S. Rock images of the bull and the predator of mount Kalbak-Tash: information about the flowage of the ancient cultural landscapes of Eurasia 14
Меринов В. Ю. «Сквозь магический кристалл»: карикатура и карикатуризация реальности в советской центральной прессе 1920-х годов (на примере газеты «Правда») 27	Merinov V. Yu. «Through the magic crystal»: caricature and caricaturization of reality in Soviet central press in the 1920s (on the example of "Pravda") 27
Бардыкова И. В. Проблема преступления в романах «Бесы» Ф. М. Достоевского и «1984» Дж. Оруэлла 40	Bardykova I. V. The problem of crime in Fyodor Dostoevsky's novel "Demons" and George Orwell's "1984" 40
Бурлакова Е. В., Качалова С. М. Особенности формирования и продвижения бренда высшего учебного заведения (на примере Липецкого государственного технического университета) 49	Burlakova E. V., Kachalova S. M. Peculiarities of formation and promotion of the brand of a higher educational institution (example of Lipetsk State Technical University) 49
MISCELLANEOUS: СООБЩЕНИЯ, ДИСКУССИИ, РЕЦЕНЗИИ	MISCELLANEOUS: MESSAGES, DISCUSSIONS, REVIEWS
Шералиева М. И. О типизации героев иронических произведений 58	Sheraliyeva M. I. On typification of heroes of ironical literary works 58
Кантарык Е. А. Люди с ограниченными физическими возможностями в православном храме (опыт церковно-культурологической герменевтики безбарьерной среды) 63	Kantariuk E. A. People with disabilities are in the orthodox church: the church and cultural hermeneutics of barrier-free environment 63

ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 130.2(930.85)

DOI: 10.18413/2408-932X-2016-2-4-4-13

Братина В.¹,
Братина Б. Р.²

ГИПЕРТРОФИРОВАННОЕ Я: EGO COGITO À LA SERBE¹

¹Институт философских исследований, Философский факультет, Белградский университет, Студенческая пл., д. 1,
г. Белград, 11000, Республика Сербия. E-mail: ubuntera@mail.ru

²Философский факультет, Университет в Приштине с временным пребыванием в Косовска-Митровице,
Филипа Вишњича бб, г. Косовска-Митровица, 38220, Республика Сербия. E-mail: bokibor@yahoo.com

Аннотация. В статье представлено историко-философское и историко-культурное исследование творчества мало известного современному академическому сообществу сербского мыслителя Владимира Дворниковича (1888–1956). Основное внимание уделено его наиболее значительной и оригинальной философской работе «Характерология южных славян», в которой автор провозглашает необходимость отхода от кантовско-гегелевской традиции и выдвигает на место «чистого Я» как субъекта мироустройства и миропонимания – Я конкретного индивида, в единстве его национальных и социальных характеристик, формирующихся в историческом опыте и передающихся по наследству. Излагаются основные положения анализа В. Дворниковичем сербского национального характера в широком историческом и культурном контексте, в динамике становления и разрушения его отдельных черт. Делается вывод о правоте Дворниковича в указании на главную тенденцию «кристаллизации формы гипертрофированного Я», которое стало доминирующей моделью во взаимоотношениях внутри сербского общества и в отношениях сербского общества с другими. Показано, как проявления инерции этой тенденции в настоящее время препятствуют формированию адекватного современного сербского национального самосознания.

Ключевые слова: национальный характер; южнославянская психика; характерология; гипертрофированное Я.

Bratina V.¹,
Bratina B. R.²

HYPERTROPHIED EGO: EGO COGITO À LA SERBE

1) Institute for Philosophy of Faculty of Philosophy, University of Belgrade, 1 Studentski trg, Belgrade, 11000, Serbia.
E-mail: ubuntera@mail.ru

2) University of Prishtina (Kosovska Mitrovica), Filipa Visnjic bb, Kosovska Mitrovica, 38220, Serbia.
E-mail: bokibor@yahoo.com

Abstract. The article presents a historical, philosophical, and cultural research into the creative work of Vladimir Dvorniković (1888–1956), a Serbian thinker, who is not generally known in the modern academic world. The research focuses on his most prominent and creatively different philosophical work «The Characterology of the Southern Slavs». In this work, the author declares a necessity to withdraw from the tradition of Kant and Hegel and proposes to replace «the pure ego» as a subject of the world order and world perception with the ego of a concrete individual in the unity of his/her national and social characteristics, developing through historical experience and passing from one generation to another. The author discusses the main aspects of Dvorniković's analysis of the Serbian national character in a broad historical and cultural context, in the dynamics of development and obliteration of some of its traits. The author concludes that Dvorniković was right when pointing at the main trend of «crystallizing the form of the hypertrophied ego», which had become a dominant model of interaction of the Serbian society with others. The article demonstrates how this trend, as a result of inertia, is currently challenges the development of contemporary Serbian national identity.

Key words: national character; South Slavic psyche; characterology; hypertrophied ego

¹ Окончание. Начало статьи см.: Сетевой журнал «Научный результат». Серия «Социальные и гуманитарные исследования». Т. 2. No. 1 (7), 2016. С. 20-29.

Психологические характеристики южных славян

Дворникович, среди прочих направлений, разрабатывал в своих трудах проблему выявления психологических особенностей сербов: их жизненной силы, боевого духа, этических ориентиров, чувственной и эротической природы, интеллигентности, воли и отношения к труду, социального характера и других. На основе этих характеристик исследователь выделил несколько психотипов: сербского селянина, горожанина, интеллектуала, политика, деятеля искусства. Все указанные особенности, как и психотипы, существуют и сегодня и бывают довольно ярко выражены. Более того, знакомство с работами Дворниковича производит на каждого современного читателя сильное впечатление, показывая, как мало изменилась психология сербов не только по сравнению с 1939 годом, когда была опубликована «Характерология», но и с более ранними периодами сербской истории! Какой бы критике ни подвергались работы этого автора, это чувство удивления при их прочтении продолжает возникать. Анализ психологических особенностей сербов и характерных типов, классифицированных Дворниковичем, важен не только для знакомства с психологией сербского народа в целом, но и для лучшего понимания того, что, в соответствии с именовани^{ем}, данным этим автором, мы называем *гипертрофированным сербским эго*, и что, по нашему мнению, представляет собой ядро сербской психологии и главный источник ее проблематики. Поэтому исследование психологических характеристик сербского народа мы начнем с рассмотрения его жизненной силы, затем психологической ритмики, патриархальной морали, интеллекта, отношения к труду и других, для того чтобы постепенно подготовить фундамент для понимания так называемого «сербского Я». При этом отдельные психологические особенности, такие как духовность или эротизм, мы вынуждены оставить за рамками нашей работы; мы сосредоточим свое внимание на тех характеристиках, которые находятся в непосредственной связи с гипертрофированным Я.

Если говорить о жизненной силе, то Дворникович отмечает, что сербский народ – «один из тех народов, который может терпеть, терпеть и терпеть – в этом проявляется его самый выдающийся и самый непреходящий героизм», который дает начало всякому другому проявлению героизма [4, с. 322]. Эта безграничная сила терпения, присущая и древним славянам, с биологической точки зрения обусловлена постоянной борьбой за выживание на территории Динарской возвышенности или в пределах Паннонской низменности – в ходе

истории горцы населяли равнины, там начинался процесс их окультуривания (в качестве примера Дворникович приводит южнославянскую этническую группу буневцев). Однако мы считаем, что решающее значение всё же оказали исторические условия. Невероятно развитая сила терпения много раз сыграла решающую роль в сербской истории: благодаря ей сербы пережили Османское иго, прославились как воины в Первой мировой войне и как партизаны во Второй мировой войне, прошли испытание санкциями 1990-х годов. Это качество также способствовало формированию характерной для славян «стратегии выживания»: когда они бывают окружены превосходящим по силе противником, они покорно молчат, «погруженные в себя». Отсюда проистекает и в некоторой степени грубая выносливость, апатия, часто даже резигнация, и преимущественно меланхолическое настроение. Однако эта граничащая с отупелостью терпеливость одновременно создает благоприятную среду для постепенной особой «закалки духа», отголоски которой мы можем встретить в сербской музыке и в народной культуре. Дворникович указывает, что и в рудиментарном виде песни, так называемом «ойканье» (плаче), и в изысканных традиционных фольклорных песнях севдалинках «освобождается душа»: они дают выход долго, можно сказать, веками накапливаемым тяготам и тоске. Эту тоску (жалость, сожаление, другие чувства и настрои, характерные для такой музыки) необходимо избыть, однако освобождение происходит посредством переживания еще большей грусти, навешиваемой песней. Все элементы боснийских севдалинок соответствуют этой цели: бемольная тональность, неэкономное (так называемое глубокое) дыхание, острые ритмические фигуры, мелизматическое опевание, импровизация – всё это нужно, чтобы дать выход «неизбывной, охваченной грустью и вечно неудовлетворенной южнославянской натуре», которая «по своей сути ностальгична» [4, с. 387]¹. В другой части работы Дворникович снова отмечает, что чувственная ритмика сербов имеет широкую амплитуду колебания: от героической душевной борьбы, которая мобилизует все жизненные силы, до крайней апатии; и тут дело не в каком-то исконно ориентальном духе, а скорее в славянских корнях, что находит выражение не только в народных мелодиях, лирике, эпосе и искусстве в целом, но

¹ Детально этот вопрос Дворникович рассмотрел в своей более ранней работе [5], где именно на основе анализа музыкальных произведений выдвинул тезис о меланхолической природе сербской психологии.

также и в отношении к труду – от нечеловеческих усилий до тотальной лени [4, с. 388, 667].

Важная предпосылка чувства конца, по мнению Дворниковича, заключается в древнеславянской вере в так называемый Усуд (неизбежность судьбу, рок), которая имеет схожесть с дельфийским оракулом *Gvōthi σ'αυτόν* и предполагает веру в то, что всё, что случится, уже предрешиено, и нужно лишь узнать это и принять¹. «Славянский фатализм» как явление хорошо знаком всем славянам, но также, к сожалению, и их неприятелям. Когда у отдельных людей или целого народа начинается «черная полоса», славяне редко способны из нее выбраться. До сих пор лишь русские продемонстрировали способность сделать такое *salto mortale* в позитивном смысле – в отличие от западных славян, и особенно в отличие от сербов. Вышеупомянутые славяне, кроме русских, если только не оказывались полностью истреблены или ассимилированы, часто в XIX и XX веках имели судьбу феникса. Отсюда и то, что современного серба характеризует некая историческая обреченность, как героя античной трагедии. Она проявляется в часто встречающейся склонности сербов даже над самыми обыденными жизненными проблемами задумываться подобно героям «Антигоны».

В соответствии с сербской народной мудростью, воля Усуда и Бога являются двумя высшими регулятивными принципами [4, с. 616]. И природа, и мораль рассматриваются с позиции принципа Усуда, и это находит отражение в народных пословицах и поговорках: «ничего из полученного тобой своим не называй» (из сказания о человеке со злой судьбой, у которого сгорало всё, что он называл своим); «это всё потому, что он не почитает отца и мать своих»; «он на крещенную славу заколет самого худого барана» (обычай на день святого покровителя семьи – крещенную славу – закалывать самого лучшего ягненка, поросенка или теленка); в реке рыба не ловится потому, что она «еще подати не взяла (не утопила человека), но не шути, не говори ей этого, пока не окажешься на берегу, ведь если скажешь ей – она сразу свое возьмет».

¹ Хотя, судя по народным сказаниям об Усуде, на собственную судьбу можно повлиять. Наличие такой возможности предполагает и психоанализ, в отличие от античной парадигмы – может быть, потому, что в ее рамках такая ситуация просто не имеет места? Интересно, что произошло бы в случае, если бы Лай и Иокаста спросили прорицательницу о том, как они могут избежать своей судьбы. Навлекли бы они на себя в этом случае гнев богов или получили бы не лишенный смысла ответ?

Бог – это всё-таки бог истины². Стойкое сербское мужество имеет глубокие моральные корни: ожидание справедливости, которая обязательно свершится; когда же несчастья и невзгоды переполнят чашу терпения, начинается борьба («и залется земля кровью / пришел враг – бери оружие / проливать кровь за святой крест / каждый для отпущения своих грехов»).

В целом, в качестве важных особенностей сербского характера можно выделить свободолюбие и правдолюбие, как и жертвенность и готовность к страданиям во имя высшей цели, что наилучшим образом (*par excellence*) нашло свое выражение в Косовской битве 1389 года. Выбрав свободу и правду, сербы сознательно пожертвовали собой в ходе Косовской битвы и так вошли в круг народов, ставших оплотом основополагающих идей Европы. В силе и способности выносить боль до конца и в способности сербов сознательно жертвовать собой ради высшей цели, по Дворниковичу, заключается выдающееся мужество и истоки героического характера. Искривление этого характера приводит к гипертрофии личностного Я, иногда уже во втором поколении. Сербов никогда не были агрессорами и завоевателями, но всегда были готовы к самозащите и борьбе за свободу. Если и можно говорить о некой «феминности» сербов как народа, то это качество проявляется лишь в склонности оберегать и защищать тех, кто слабее, в чем, напротив, как раз и заключается суть маскулинной силы. Это, в свою очередь, может быть обусловлено лишь ярко выраженной и четко определенной моралью, делающей справедливость стержнем национального самосознания.

Именно тут Дворникович видит позитивную роль сербской патриархальной морали, которая определяет черты, противоположные терпеливости: героический боевой дух, дух наступления. По его мнению, вся динамика внутреннего противоречия характера серба строится на символической антитезе «народ – гайдуки», причем народ воплощает в себе пассивное ожидание и терпение, а гайдуки – сопротивление, восстание и месть. Здесь мы снова можем наблюдать у Дворниковича влияние психоанализа и теории психодинамики по Фрейдю. Всё указывает на то, что Дворникович был многогранным теоретиком, который уже тогда знал, что «здесь и сейчас» иногда имеет эпохальное значение. Наверняка любой опытный философ оценит масштаб проблемы, с которой Дворникович схватился врукопашную, и это

² Поэтому можно утверждать, что древнеславянская вера была по своей сути монотеистична: верховным и единственным богом древних славян был Сварог, а все остальные так называемые боги были всего лишь его инкарнацией.

обуславливает важность его места в истории сербской философской мысли.

Для выживания в тяжелых исторических и жизненных условиях нужна была твердая патриархальная мораль, суть которой, возможно, лучше всего выражает императив, который Дворникович формулирует следующим образом: «Все, кто выживут, станут героями!» Он отмечает, что моральное давление среды с самого раннего детства участвовало в формировании этого идеала [4, с. 329; 3, с. 116, 118]. В сербской и (южно)славянской истории в целом над периодами мирной свободной жизни доминируют периоды порабощения, борьбы и освобождения, которых было несоизмеримо больше. В качестве негативного эффекта это привело к развитию гипертрофированного героизма, что, в свою очередь, повлекло за собой определенную гипертрофию героизма и борьбы – как говорит Дворникович, своего рода принцип «войны ради войны», в котором героизм превращается в позу и театральность, что находит свое выражение в том, что сербы, если им не с кем больше воевать, воюют сами с собой. Культ борьбы выродился, как и сербское Я: исторически привыкнув к постоянной борьбе и защите, подвергшись нападкам по любому поводу или же просто при подозрении на нападение, оно готово на борьбу до последней капли крови. Другим словами, как отмечает Дворникович, тяжелые исторические условия произвели эффект эксперимента исторической изоляции, который, с одной стороны, создал человека героического типа, но с другой, как *verso*, привел в конце концов к солипсизму. Рефлекс самозащиты у сербов является реактивным инстинктом. Серб всегда «на чеку», даже когда никакая реальная опасность ему не угрожает. Тут гипертрофия героического самосознания проявляется хвастовством до абсурда, к чему мы еще вернемся. В условиях реальной угрозы, в коих он и возник, этот инстинкт делает серба храбрым и выносливым воином-защитником. Дворникович делает вывод о том, что сербское «ярко выраженное, часто до фанатизма <...> возбужденное, свободолюбие привносит в <...> стиль борьбы некоторое особенное упорство и горечь. Есть народы и нации, известные в определенные моменты более сильной стремительной борьбой, но тяжело найти борцов настойчивее, в сопротивлении основательнее» [4, с. 333; 3, с. 120].

Говоря о сербском интеллекте, Дворникович отмечает, что сербы являются одним из природно одаренных европейских народов; причем это утверждение не базируется только лишь на его собственных наблюдениях и оценках, но и на мнении его современников (в основном немцев),

например, Х. Гюнтера, Р. Хупфельда, Г. Геземанна и других. Серб скор и находчив в поиске ответов, схватывает всё на лету, быстр и проницателен в наблюдениях, точен в заключениях и мастер выпутываться из сложных ситуаций. «Духовное око его, как глаз гайдука, всегда настороже и в ожидании опасности» [4, с. 613]. Сербский интеллект носит преимущественно прагматичный характер. Об этом свидетельствует и известная манера сербских селян, особенно жителей Шумадии (региона Центральной Сербии), хитро притворяться неумелым, непонимающим, только для того чтобы в нужный момент продемонстрировать всю свою скорость и сноровку. Теоретическое мышление также не чуждо сербам. Доказательство этому – Никола Тесла, Михайло Пупин или Руджер Бошкович и другие, большинство из которых рождены в сельских семьях. В целом, самоучка как явление и то, что в наше время принято называть *self-made man*, верно в контексте интеллектуальных характеристик серба: «уже в первом поколении серб способен подняться в наивысшие сферы мыслительного творчества; это свидетельствует о врожденных интеллектуальных и культурных диспозициях; этот факт доказан опытом множества примеров» [4, с. 615]. Главными характеристиками сербского стиля мышления и интеллектуального сознания, по Дворниковичу, являются: ассоциация, быстро и метко подмеченная аналогия, с последующим их красочным изображением (объяснение конкретного абстрактными законами и объяснение абстрактного путем соотнесения с конкретными ситуациями, в основном из обыденной жизни). В принципе, из-за этой особенности мы можем говорить о том, что сербский народ до сих пор в большей степени является народом писателей и художников, чем философов с развитой дедукцией. С другой стороны, те же упомянутые особенности Дворникович определяет как характеристики народной мудрости, хотя можно задать вопрос: чья народная мудрость иная? в фольклорном мышлении какого народа присутствует дедукция? В научном смысле она является выражением культуры и дисциплины, а не выражением фольклорного духа.

Дворникович отмечает, что славяне в силу исторических причин относительно поздно появились на философской сцене. Здесь мы можем с уверенностью дополнить, что последние сорок лет сербская философия в поколении так называемых молодых мыслителей, в основном, была имитацией. В этой сербской «молодой» философской среде кипучую деятельность вели подражатели Маркса, Бодрийяра, Фуко, Хайдеггера, Гегеля и прочих. В их

стиле было «ухватиться» за определенного философа и всю жизнь подражать ему. Мы вынуждены согласиться с выводом Дворниковича о том, что несмотря на природную одаренность, сербы в очень редких случаях давали миру людей, безусловно и самоотверженно преданных науке (и философии), которых ничто не могло отвратить от нее. Существенные научные парадигмы в этом смысле создали Вук Стефанович Караджич и Никола Тесла, а в области философии – Светозар Маркович и позднее Михайло Маркович, которые представляют собой редкие примеры креативной и плодотворной мысли. Для нас к этой категории относится и автор, которому посвящена данная работа.

Еще Йован Цвийич, на которого Дворникович часто ссылается, отмечал, что сербскому интеллектуалу не хватает начального импульса, чтобы довести до конца большинство дел, и потому ни одну мысль он не разрабатывает до конца. Для сербов (и черногорцев, которые не отличаются от них) особенно характерна так называемая ленивая или вымышленная «гениальность», из-за которой многие сербы ничего не достигли в жизни¹. В целом, у сербов

труд и трудолюбие находятся в обратной зависимости от реального уровня интеллекта и одаренности. «Южный славянин – это не человек доброй воли», – говорит Дворникович; центр его личности не укреплен и не кристаллизован: он – боец, а не работник. Даже больше, «труд – это погибель для любого вида героизма и мужества» (Дворникович это изречение приводит как сущность черногорской патриархальной трагикки) [4, с. 651-652]². Он хорошо подметил, что серб поверхностен в работе, что ему не хватает не только концентрации и настойчивости, но и тяги к труду; в целом, чувство моральной ответственности недостаточно развито у сербов – как в отношении труда, так и в отношении другого человека. Чем объяснить сербскую лень? Дворникович объясняет ее, по нашему мнению, вполне оправданно ссылаясь на исторические условия, когда серб был осужден на тяжелую, до кровавого пота работу, выполнение трудовой повинности («батрачество») у иностранных завоевателей и на отхожие работы («заработок») за границей; поэтому ему и сегодня ненавистен любой труд. Именно это, по его мнению, причина того, что у сербов не произошло субъективизации труда, что они не воспринимают труд как собственную потребность и благо. Дополняя данное положение, мы можем сослаться на понимание субъективизации раба Гегелем³. (Хотя, не представляет ли собой такое реакционное отношение сербов к труду на самом деле пример, опровергающий верность теории о субъективизации сознания раба посредством труда?) Таким образом, мы согласны с Дворниковичем в том, что «южнославянская лень» представляет собой не какую-то исконно народную особенность, а форму реакции, средство приспособления, которое посредством длительной практики вошло в привычку, а вместе с тем стало и чертой сербского характера. Однако это можно изменить, и реализация такого изменения является важной национально-

¹ К этому вопросу Дворникович часто обращается в таких своих работах, как «Характерология», «Психология южных славян» и даже в произведении «Борьба идей». Насколько мы можем судить, отдельно в качестве предмета исследования данная проблема рассмотрена в статье «Мания "гениальности" среди сербских учеников старших классов» (*Наставни весnik*, Ч. 23 (1914/15), № 1–10), но, к сожалению, нам не удалось получить доступ к данному тексту. Поэтому приведем только то, что нам удалось найти в «Психологии южных славян»: «В центре моего внимания <...> отдельные представители <...> молодежи, с которыми мне приходилось сталкиваться во время моей работы в должности учителя средней школы. Мне бросились в глаза некоторые особенности их поведения, изучение которых заставило меня допустить и некоторый расовый характер его причин. Если абстрагироваться от трудностей переходного подросткового возраста, то и помимо этого отмечается некая особенная неуравновешенность психики одного четко выраженного и очень интересного типа этой молодежи, который я начал изучать более обстоятельно. Это были *своего рода* гениоманы с необычно гипертрофированным сознанием собственного интеллекта с одной стороны, но при этом с атрофированной потребностью в труде с другой. Действительно способные, а иногда даже очень способные молодые люди из-за этого страдали в период своей учебы и создавали много забот и нежелательных проблем всему учительскому коллективу. Национальный аспект непрестанно и притом произвольно приходил мне на ум, потому что почти все они были детьми из села... В работе [имеется в виду текст «Мания "гениальности"...» – *Прим. автора*] обширно представлен изученный материал, дано описание типажей и конечного

результата» [5, с. 93] (курсив автора. – В. Б., Б. Б.). В «Характерологии» Дворникович не без сожаления отмечает, что многие из этих «гениоманов» из-за пустого самомнения не обладали достаточной трудовой энергией, чтобы соответствовать рядовым требованиям науки и профессии, и всю жизнь прожили, уверяя себя, что они «могли» или что они «могли бы»: «Это "бы" – классическая и характерная южнославянская предположительная возможность» [4, с. 659].

² Здесь же он упоминает и «пресловутое южнославянское завтра», понятие, которое не только остается в обиходе в наши дни, но также было широко известно даже иностранцам во времена Дворниковича (*das berühmte jugoslawische завтра* – у немцев).

³ См.: Гегель Г. В. Ф. Феноменология духа. СПб.: «Наука». С. 105-106. – *Прим. ред.*

педагогической проблемой, решение которой отвечает интересам всего сербского общества [4, с. 664–669, особенно 667–669].

Дворникович делает весьма интересный, даже больше – и сегодня актуальный, анализ сербских социальных чувств и типажей. При этом в качестве эмпирической базы своего исследования он определяет основные социальные формы, некогда существовавшие у сербов: общину (задругу) и племя. О понимании сербской задруги Светозаром Марковичем мы писали в другой нашей статье [см.: 6, с. 143–180]. Здесь же мы приведем те положения Дворниковича, которые значимы для нашей работы. Так, например, мы согласны с ним, что задруга не является каким-то исконным видом объединения у сербов и в целом у славян. Нет никаких историографических доказательств этому. Напротив, всё указывает на то (и это совпадает с точкой зрения Дворниковича), что задруга представляет собой временный, возникший в неблагоприятных условиях вид родового объединения, когда нужно было защищаться от неприятеля и выживать. Поэтому сербские задруги были доминирующим видом социальных организаций в период турецкой оккупации – как единственная возможность, обеспечивающая существование и индивида, и объединения. Дворникович отмечает, что если внешняя опасность миновала, то большинство задруг постепенно шло к распаду. По его мнению, в этих обстоятельствах возникало индивидуалистическое побуждение, которое выражалось в стремлении к расширению, а часто и в страсти к неограниченному управлению своей жизнью и имуществом, пускай даже ценой гибели [4, с. 691]. Мы видим, что эта «страсть» и сегодня управляет сербами, и вероятно, можно было бы привести десятки тысяч примеров, когда ближайшие родственники готовы вести тяжбу и ругаться «в пух и прах» всего лишь из-за раздела собственности, к которой они до спора о наследстве никогда не проявляли интереса. Этот «индивидуализм», как мы увидим дальше, имеет глубокие психологические корни и противодействует всякому усилию по объединению сербов, являясь по своей сути антисоциальным.

Эта антисоциальная черта характера особенно сильно выражена в племенном пережитке, который и сегодня присутствует в сербском обществе. В частности, Дворникович приводит Черногорию как «классический пример территории, где и сегодня сохранились племена». Это суждение было насколько же верно в его время, как верно и сегодня, спустя более семидесяти лет, несмотря на все прогрессивные достижения. Достаточно посмотреть, как функционируют так называемые черногорское государство и общество, чтобы увидеть, что они полностью организованы на

отсталых племенных принципах. К сожалению, подобный взгляд на организационно-политическую ситуацию Сербии оставляет не лучшее впечатление: над теми, кто управляет Сербией, всё еще тяготеет племенное сознание. Племенной характер глубоко аполитичен, если под политическим понимать общие интересы общества и частный интерес в объединении общества. (Так, например, В. Вундт различает племенное и политическое общество как противоположные типы обществ.) По Дворниковичу, племенное представление об общности начинается и заканчивается племенем. Моральные основания такой идентичности лежат на фундаментальной и фиктивной вере в общее происхождение и кровное родство между членами племени, при этом индивид имеет ценность только как представитель своего племени и братства, в то время как в другом контексте вообще не рассматривается как человек [см.: 4, с. 700-701]. Эта связь игнорирует все другие ценностные меры. Так, например, вообще не важно, плох или хорош конкретный индивид, нарушает ли он закон, важно только то, что он из племени («наш», как говорит Дворникович). Также, если какой-то представитель племени поднимется по социальной лестнице или обогатится, то считается, что этот подъем ему обеспечили братья / соплеменники, уже занявшие какое-то положение в социальной структуре, при этом от него ожидают, что он оплатит долг и тем же способом поможет другим членам своего племени (своячничество, кумовство).

Нет необходимости говорить о последствиях, которые данное явление влечет за собой в области функционирования общества и формирования его производственного процесса, этической картины и политического сознания в целом. Мы могли бы сказать, что партийное сознание, ярче всего выраженное у трудоустроенных по партийной линии, представляет собой современный вид того самого племенного сознания. По Дворниковичу, родоплеменное сознание проявляется и в региональных и местных чувствах к «землякам», «людям из твоего края» и тому подобном – по его мнению, всё это следы старой привычки возлагать ожидания безопасности и жизненного процветания только на поддержку «своих», а не на государство или закон. «Вместо единого коллективного *Мы* всё еще присутствует противопоставление *Мы* и *Вы*, *Мы* и *Они*» [4, с. 711]. Эта разобщенность, которая заставляет делить всех на «своих» и «чужих», по Дворниковичу (и в этом мы с ним согласны), представляет собой главную причину того, что развитие социального чувства сербов в основном не выходит за пределы биологически-родственной плоскости.

В ходе исследования сербских психологических особенностей нельзя обойти

вниманием анализ Дворниковичем социальных типов, большую часть которых он описал в своем произведении «Борьба идей». Он рассматривает сербского селянина и горожанина как типажи социального характера, затем исследует революционера и интеллектуала, а среди социальных типов, которые могут встретиться в повседневной жизни, им выделяются теплые и холодные типажи (прирожденные политики vs. природные созидатели), так называемые пауки, всезнайки и карьеристы. Сравнивая типажи селянина и горожанина, Дворникович противопоставляет, с одной стороны, субъективное inferнальное чувство селянина по отношению к горожанину, а с другой, чувство превосходства горожанина по отношению к селянину. Классическое недоверие селянина горожанину, которое прогрессирует до недоверия любой власти и в целом государству как таковому, является последствием того, что «селянин <...> хорошо знает, что городской человек на дух его не выносит и терпит только тогда, когда ему что-то от него нужно – прежде всего его избирательный голос на партийных выборах»; он «чувствует тяжесть <...> господского презрения... и потому... как господин к нему, так и он к господину» [4, с. 721-722]. Известны сельские «коса на камень», «лукавство» и политическая индифферентность, по поводу которых Дворникович отмечает, что их, по сути, провоцирует горожанин своим надменным поведением в отношении селян. Если же речь идет о самом горожанине, то Дворникович в качестве главных его особенностей приводит скудость духа («горизонт его мышления не простирается дальше порога дома и ограды двора»), безобразное нагромождение материального («психоз накопления») и потребность в личном самоутверждении, не смотря ни на кого и ни на что («недостаток понимания того, что уважение к другим является сущностью любой <...> культуры») [4, с. 725]¹.

¹ Это особенно актуально для Белграда: «люди, которые даже свое имя написать не могут, строят <...> дворцы; приобретают капитал и имущество, в отношении которого никто не знает ответа на вопрос: откуда и как? В то же время многие интеллектуалы, ученые, литераторы, художники <...> уже после пятого или десятого числа месяца задаются вопросом о том, что они будут есть <...> Неквалифицированные отнимают рабочие места и заработок у квалифицированных, а целые группы <...> объединяются на основе родственных связей, кумовства, племенных, партийных или иных связей и взаимно поддерживают друг друга...» [4, с. 729]. Дворникович ничуть не менее критичен и когда речь идет о Загребе («загребское "великоградское" самомнение», красивые фасады, которые прикрывают «духовную нищету общества» и узколюбость), Любляне и Дубровнике. Мы

О сербских интеллигентах мы уже говорили. Добавим еще несколько черт: Дворникович отмечает полное отсутствие независимой интеллигенции у сербов; сербскую интеллигенцию почти полностью составляют чиновники [4, с. 747]². Такой интеллигент-чиновник забился, по его словам, в «скорлупу апатии», подло скрывая под маской истинный характер. Дворникович обращает внимание, что классовое (а мы можем добавить: и социальное) сознание никогда не являлось отличительной чертой сербской интеллигенции, и это относится как к ангажированным интеллигентам, так и к так называемым независимым. Всё это мы можем наблюдать и сегодня на примере разных «независимых» интеллигентов, которые числятся в партийных «платных» списках или в списках иностранных неправительственных организаций (или надеются когда-нибудь в эти списки попасть); они полны «оригинальных» суждений, которые очень часто готовы сразу «скорректировать» в зависимости от изменений политической ситуации в стране. Парадигмальными примерами являются «интеллигенты», которые собственные диссертации «защищали» в Будапеште, не блиставшем научными знаниями, но известном практическими тренингами по «демократии», финансируемыми Дж. Соросом; затем разные «директора» солидных национальных учреждений культуры, которые поставлены на руководящие должности без соответствующей квалификации, чтобы с этих позиций открыто высказывать слова ненависти (или поддерживать подобные высказывания) во имя мнимой свободы слова и мысли; также это разные «интеллектуалы» (их около сотни), которые во имя защиты демократии просили бомбить свою страну, и так далее. Нет, сербская интеллигенция ни в коей мере не независима. Она молчит, или подкупленная несколько большей заработной платой в разных проектах, институтах, на факультетах, или же просто-напросто из страха остаться без средств к существованию. Это молчание оспаривает ее право называться интеллигенцией. Вместо развития традиции независимой интеллигенции у сербов развилась привычка рвать на куски тех, кто на самом деле

не можем привести все аналитические описания городов, данные в его работе; отметим лишь их актуальность, что ясно говорит о том, что в городской жизни крупнейших мегаполисов так называемой бывшей Югославии мало что изменилось с 1939 года.

² Анализ социального слоя чиновников много внимания в своих исследованиях уделил и сербский социалист XIX века Светозар Маркович.

является интеллектуально независимым.

Говоря о психологическом типаже революционера, Дворникович с полным правом выделяет боевой, революционный «нерв» сербского народного характера, который, по его мнению, исторически связан с наследием древних балканских народов, славянским свободолюбием и, возможно, с так называемым богомилством¹. Также он указывает, что сербские революции XIX века, прежде всего первое сербское восстание и бунт в Тимокском крае, по своей сути были одновременно и национальными, и социально-экономическими. Однако, говоря о социализме у сербов, Дворникович замечает, что за исключением Светозара Марковича, речь идет скорее об «идейной моде и революционном снобизме», чем об искреннем разделении идей и истинном рвении, что выражается в некритическом подходе и догматическом, почти сектантском следовании западному социализму. Светозар Маркович выделяется как исключение именно из-за его попытки адаптировать западный социализм к сербскому характеру и национально-государственному устройству. В наше постсоциалистическое время мы возвращаемся к условиям жизни в рыночной экономике и тем самым возрождаем и старые общественные пережитки. Все социальные типажи Дворниковича живут и здравствуют и в наши дни, кроме, пожалуй, личности революционера. Вместо этого мы имеем еще больше, чем во времена Дворниковича, салонных коммунистов, полицейских анархистов и иностранных агентов.

¹ «Из уст серба – под влиянием *богомилства* – прозвучало первое в Европе революционное слово, что определило начальные контуры движения итальянских катаров, французских вальденсов и альбигойцев, Уиклифа, Гуса и Лютера» (курсив Дворниковича. – В.Б., Б.Б.) [4, с. 741]. Последователей этой ереси, которые себя называли не какими-то богами, а христианами, и которые создали автокефальную боснийскую церковь, Неманичи изгнали как «проклятых бабуинов». Здесь особенно выделяется Вукан Неманич, который в послании Папе Иннокентию III в 1199 г. обвинил бана Кулина, его жену (сестру Стефана Немани), сестру, других родственников и еще «больше десяти тысяч подданных» в том, что они «соблазнены этой ересью». Иначе выражение «богомил», которое придумал сербский историк Васо Глушац – как название для жителей территории современной Боснии и Герцеговины – не имеет никаких исторических предпосылок [см.: 1, 2]. Известно, что секта попа Богомила находилась в Болгарии, как известно и то, что в Средиземноморье того времени было более тысячи разных дуалистических ересей. То, что часть народа Боснии и Герцеговины приняла ислам, было следствием его решимости никакой ценой не принимать католическую веру.

Но, как говорил Кант: однажды вкусив свободы, ее не забудешь уже никогда. Именно, как поколения до социализма боролись за свободу (и за социализм как за свободу), так и новые глобальные условия неравноправия и неоимпериалистической власти наверняка вызовут к жизни новых революционеров; некоторые из них, возможно, уже рождены.

В «галерее патологий сербских социальных типажей» Дворникович выделяет «наброски и силуэты», которые могут нам встретиться и сегодня. Это так называемые холодные типажи, от которых нас «пробирает дрожь», «психологические пиявки», прирожденные политики (так называемые управленцы), которые всегда расчетливо ведут какие-то игры и как паразиты присасываются к противоположному им типу – «теплым», прирожденным созидателям. Принцип психического поведения первых заключается в том, чтобы брать как можно больше и давать как можно меньше себя другим, а принцип психического поведения вторых – в том, чтобы делиться и отдавать себя другим; первые – закрыты, себялюбивы и имеют злой умысел; вторые – открыты, великодушны и доброжелательны. Дворникович, однако, отмечает, что холодный типаж способен «чувственно выйти из себя», но только когда дело касается его самого или его интересов. «Наверное, нет отвратительнее и безвкуснее социального явления, чем бешеное проявление трогательных чувств таких в обычной обстановке холодных и мирных людей в моменты, когда задеты струны их эгоизма» [3, с. 170]; или когда такой холодный тип начинает излучать теплоту и сочувствие по отношению к тому, кто ему по каким-то причинам нужен. Это, по Дворниковичу, «полуобщественный тип человека», который другого человека в сущности воспринимает только как врага, который ему угрожает, или как средство достижения своих интересов («параноидальная мономания»); он член социума только когда это идет на пользу ему самому, тогда он притворяется «теплым». Следуя логике Дворниковича, мы можем добавить комментарий о всех тех «настоящих друзьях», опыт общения с которыми у многих имеется, которые дружат с кем-то до тех пор, пока получают от этого выгоду, и перестают быть с ними друзьями и говорят о них плохо тем, от общения с которыми могут получить еще большую выгоду, и всех тех великих «влюбленных», которые клянутся в верности, а предадут на каждом шагу, и так далее. Также, с точки зрения философии, «холодными» являются все те философы, которые страстны только на бумаге и на трибуне; частная жизнь которых не содержит ни следа от философии. В этой связи Дворникович говорит о том, что человек

должен быть идентичен с философией, которую исповедует, что она должна «войти в плоть и кровь», а человек должен стать «ее собственным воплощением» [3, с. 194]. Ту же холодную манеру мы можем узнать и в выступлениях современных сербских политиков, когда они определенные политические мероприятия называют просто-напросто «работой», что было позаимствовано на Западе еще Зораном Джинджичем. Сутью такой «работы» является уничтожение другого, с целью убрать его из игры. Это безотчетное желание власти преобладает над любым социальным чувством.

Среди всех разновидностей холодного типажа Дворникович особенно выделяет «паука»: «паук, это человек, который своего брата, попавшего в беду другого человека, не выручает, а пьет его кровь» [3, с. 182]. Это все те, кто с помощью своего «положения» или «положеньица» пользуется несчастьем тех, кто им подчинен или каким-то другим образом от них зависит. Мы узнаем этот типаж в личностях ростовщиков, заимодавцев, хозяев, шефов, работодателей, директоров, предпринимателей, а также и великих современных банкиров, как, например, Дж. П. Морган, Ллойд Бланкфейн, Джеймс Даймон. Еще интереснее то, что существуют и народы-«пауки» и организации-«пауки». Это все те народы и организации, которые поработают другие народы или ставят их в зависимое положение, чтобы потом «высасывать из них кровь». МФФ является современным примером такой прагматичной организации, а колониальные и империалистические народы-«пауки» хорошо описываются поэтом и революционером Бобом Марли в его песне «Rat race»¹. Также интересен типаж так называемого карьериста, всё существование и сущность которого базируются только на связях, целях получения богатства, общественного признания или положения (родоплеменное сознание). Дворникович говорит, что если убрать связи, титулы, ранги, место или положение, то от этого типа личности не останется никакого Я. Он – «полный ноль», его Я лишь «пустой отблеск» социальных связей, «на искривленных и нездоровых рычагах общества поднятая вверх проекция *ничто*» [3, с. 194].

Социальный тип, который весьма приближен

¹ Альбом *Rastaman Vibration* (1976), а также в песне «Them Belly Full (But We Hungry)», (*Natty Dread*, 1974). В целом, он показал в своих песнях многие характерные типажи, о которых говорит и Дворникович, например, в «Survival» («теплый» и «холодный» тип, альбом *Survival*, 1979), «Who the Cap Fit» (*Rastaman Vibration*, 1976), «We and Dem» (*Uprising*, 1980).

к «пауку», это демагог. В «Борьбе идей» мы находим одно из, возможно, самых выразительных определений данной социальной патологии: «демагогия – это ядовитое растение, которое произрастает на почве полукультурных демократий» [3, с. 157]². Вам это ничего не напоминает? Особенно если принять во внимание и последующее предостережение Дворниковича о том, что демагоги в прежние времена могли использовать только исключительные, критические исторические моменты (кризисы, бунты, революции), в отличие от современных демагогов, когда всё играет им на руку и нормативно-правовая система массово производит их на государственном и общественном уровне. Психологический портрет демагога Дворникович вполне оправданно изображает как криминальный, патологический и антиобщественный. В свете анализа поведения масс Фрейда и Лебона он утверждает, что демагог льстит эгоизму и тщеславию масс, одновременно непрерывно разжигая чувство ненависти и зависти в ней. Он следует культу ненависти и эгоизма, предавая все культурные ценности индивида – на этом базируется его криминальное и антиобщественное поведение [3, с. 159]. При этом демагог является циником в вопросах морали, так как сам сдержан в отношении масс и не отождествляет себя с ними; ему важны не настоящие интересы масс, а то, как массы могут послужить его интересам. С этой целью он использует пустые обещания и оскорбление чужого достоинства и ценностей, которые «разоблачает» как ложные. По Дворниковичу, с психологической точки зрения это значит, что у демагога нет достоинства и системы ценностей – речь идет о психопатическом уровне развития личности, которая больна «агораманией» (одержимость публичностью), с идефикс вождя, пророка, реформатора и тому подобным. Сколько современных сербских политиков мы можем узнать в описаниях Дворниковичем жажды публичности у демагогов, которая столь велика, что только он должен все видеть и знать, о всем делать заявление и давать оценку («психопат-болтун»): «Пойдет дождь, он сделает заявление; чихнет политический противник, он даст оценку и заключение; промелькнет что-то за границей, он выразит мнение и поспешно охарактеризует людей и народы...» [3, с. 163].

Наконец, последний социальный типаж, который выделяет Дворникович, это так называемый южнославянский всезнайка. Это тот,

² Там же на с. 140 он говорит: «век демократии и всеобщего избирательного права – это одновременно и век демагогии...».

«кто всё знает и всё может», начиная от поэтического творчества и драматургии, затем медицины, военного дела, философии и кинематографии, заканчивая наукой, биоэнергетикой, кукольным театром, техникой и судостроением. По сравнению с таким «универсальным гением» Леонардо да Винчи, Лейбниц и Гёте существенно ограничены, поскольку есть области знания, в которых они были некомпетентны, и проекты, которые они не могли осуществить. Этот типаж мы узнаем в юмористических рассказах Симе Шобайича, которого цитирует Дворникович и который говорит, что «нет такого дела и не такого подвига, на который бы не был способен любой черногорец: "каждый черногорец мог бы это сделать, если бы только захотел!"» Однако это не только особенность черногорцев, но, по мнению Дворниковича, качество, которое характерно для южнославянской психологии в целом; это то, что часто можно встретить от южных до северных югославских границ. Типаж «южнославянского всезнайки» по Дворниковичу характеризуется, с одной стороны, отсутствием основной академической культуры и понимания ценностей созидательной деятельности, а с другой – совершенно беспочвенной бескрайней самонадеянностью и верой в собственную творческую гениальность. Однако формированию данного типа во многом способствовала и атмосфера культурного и интеллектуального кризиса. Как и у карьеристов, если поглубже попытаться заглянуть в душу «всезнайки», найдешь там одно большое ничто: «пока они живы – они везде и всюду <...> а после, когда ищешь следы <...> и результаты <...> их существования, ничего не находишь <...> в этом трагикомичность их иррационального существования: их нет, так как их и было слишком много» [3, с. 181-182]. Тяжело придется той нации, где каждый всё знает и каждый всё может.

Перевод В. Н. Ряпухиной

Литература

1. Глушац, В. «Богомилско питање» // Летопис Матице српске. Т. 101, Ч. 312, № 2/3 (май-июнь) 1927. С. 413–418.
2. Глушац, В. Средњовековна „босанска црква”. Прилози за књижевност, језик, историју и фолклор. Књига IV. Свеска 1/2. Београд: б. и., 1924. С. 1-55.
3. Дворникович, В. Борба идеја. Белград: Просвета. 1937, 323 с.
4. Дворникович, В. Карактерологија Југославањинауа Белград: Просвета, 1939. 881 с.
5. Дворникович, В. Психа југославањинске меланхолије. Загреб: Изд-во З. и В. Васича, 1925.

6. Деретич, И. (ур.) История српске филозофије. Vol. I. Белград: Евро Чунти, 2011.

References

1. Glušac, V. "Bogomilska question". (in Serb.) *Letopis Matica Serbian*. Vol. 101. Part 312, No. 2/3 (May-June) 1927. Pp. 413-418
2. Glušac, V. *Medieval "Bosnian Church". Contributions to the Literature, Language, History and Folklore*. Book IV, No. 1/2. Beograd. 1924. Pp. 1-55. (in Serb.)
3. Dvorniković, V. *The Battle of Ideas*. Belgrade: Prosveta. 1937. 323 p. (in Serb.)
4. Dvorniković, V. *Characterology of the Yugoslavs*. Belgrade: Prosveta. 1939. 881 p. (in Serb.)
5. Dvorniković, V. *Psiheya of Yugoslav Melancholy*. Zagreb: Publ. house of Z. and V. Vasich. 1925. (in Serb.)
6. Deretić, I. (ed.) *History of Serbian Philosophy*. Vol. 1. Belgrade: Evro Chunti. 2011. (in Serb.)

ОБ АВТОРАХ:

Братина Вишня, доктор философских наук, Институт философских исследований, Философский факультет, Белградский университет, Студенческая пл., д. 1, г. Белград, 11000, Республика Сербия. E-mail: ubuntera@mail.ru

Братина Борис Рудолфович, доктор философских наук, доцент, Философский факультет, Университет в Приштине с временным пребыванием в Косовска-Митровице, Филипа Вишњича бб, г. Косовска-Митровица, 38220, Республика Сербия. E-mail: bokibor@yahoo.com

ПЕРЕВОДЧИК:

Ряпухина Виктория Николаевна, кандидат экономических наук, доцент, директор Сербского ресурсного центра, доцент кафедры стратегического управления Белгородского государственного технологического университета им. В.Г.Шухова, ул. Костюкова, д. 46, г. Белгород, 308012, Россия. E-mail: viktorer_r@mail.ru

ABOUT AUTHORS:

Višnja Bratina, Doctor of Philosophy, Institute for Philosophical Studies, Faculty of Philosophy, University of Belgrade, 1 Studentski Trg, Belgrade, 11000, Serbia. E-mail: ubuntera@mail.ru

Boris R. Bratina, Doctor of Philosophy, Associate Professor, University of Prishtina (Kosovska Mitrovica), Filipa Visnjic bb, Kosovska Mitrovica, 38220, Serbia. E-mail: bokibor@yahoo.com

TRANSLATOR:

Victoria N. Ryapukhina, PhD in Economics, Associate Professor, Director of the Serbian Resource Center, Associate Professor of Strategic Management, Belgorod State Technological University named after V. G. Shukhov, 46 Kostyukova St., Belgorod, 308012, Russia. E-mail: viktorer_r@mail.ru

УДК 903.2

DOI: 10.18413/2408-932X-2016-2-4-14-26

Окладникова Е. А.¹,
Марсадолов Л. С.²

**НАСКАЛЬНЫЕ ОБРАЗЫ БЫКА И ХИЩНИКА ГОРЫ КАЛБАК-ТАШ:
К ВОПРОСУ ОБ ИНФОРМАЦИОННОЙ ПРОТОЧНОСТИ ДРЕВНИХ
КУЛЬТУРНЫХ ЛАНДШАФТОВ ЕВРАЗИИ**

¹Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Наб. Мойки, д. 48, г. Санкт-Петербург, 193000, Россия. E-mail: okladnikova-ea@yandex.ru

²Государственный Эрмитаж, Дворцовая наб., д. 34, г. Санкт-Петербург, 190000, Россия.
E-mail: marsadolov@hermitage.ru

Аннотация. В настоящей статье излагаются результаты сравнительного историко-культурного и семиотического исследования «мостов контактов» между древними цивилизациями Ближнего Востока и культурами народов Юга Сибири, изменившими облик культуры Древней Евразии в бронзовом веке и в последующие эпохи (аржанское и тагарское время). В качестве свидетельств таких контактов рассматриваются: 1) совпадения в иконографии и стилистике двух ведущих образов наскального искусства горы Калбак-Таш (Горный Алтай) – хищника и быка; 2) палеокалендарная и астрономическая семантика этих образов. Эти образы наскального искусства рассмотрены как тексты, подтверждающие наличие таких контактов.

Ключевые слова: петроглифы; эпоха бронзы; раннескифское время; культурные контакты; Саяно-Алтай; Западная Азия.

Okladnikova E. A.¹,
Marsadolov L. S.²

**ROCK IMAGES OF THE BULL AND THE PREDATOR OF MOUNT
KALBAK-TASH: INFORMATION ABOUT THE FLOWAGE
OF THE ANCIENT CULTURAL LANDSCAPES OF EURASIA**

¹ Herzen University, 48 Moika Emb., Sankt-Petersburg, 193000, Russia. E-mail: okladnikova-ea@yandex.ru

² State Hermitage Museum, 34 Dvorztsovaya Emb., Sankt-Petersburg, 190000, Russia. E-mail: marsadolov@hermitage.ru

Abstract. The article presents the results of the comparative historical-cultural and semiotic study of the "bridges of contacts" between the ancient civilizations of the Middle East and cultures of the peoples of Southern Siberia, which has changed the face of culture of Ancient Eurasia in the bronze age and subsequent periods (Arzhan and Tagar periods). As evidence of such contacts we consider the following: 1) similarities in iconography and style of the two leading images of rock art of mount Kalbak-Tash (Mountain Altai) – the bull and the predator; 2) paleocalendar and astronomical semantics of these images. These images of rock art are considered as texts proving the existence of such contacts.

Key words: petroglyphs; bronze age; early Scythian time; the cultural contacts; the Sayano-Altai; Western Asia.

Введение

Имеющиеся сегодня в распоряжении ученых археологические материалы не позволяют полагать, что территория древней Евразии когда-то была населена людьми, создававшими исключительно культуры-изоляты. Доказательства того, что мосты контактов (миграция населения, торговые пути, обмен идеями и изобретениями через племена-посредники) прочно связывали запад и восток Евразии – от Тихого до Атлантического океанов

– предоставлены сегодня археологическими свидетельствами. Так, физические ландшафты южной части континента, освободившиеся от ледника в начале голоцена, способствовали продвижению палеолитических охотников с северо-востока Европы на восток, в Западную Сибирь и на Алтай (в Западной Сибири стоянки: Шикаевка, Черноозерье, Волчья Грива, Венгеро, Могочино, Томская стоянка, палеолитические стоянки Прибайкалья: Мальта, Буреть, палеолит Алтая: Денисова пещера,

Кара-Бом, палеолит Забайкалья и др.), о чем писали еще В. Н. Чернецов, В. П. Алексеев, В. В. Бунак и другие. Контакты между Западом и Востоком Евразии продолжились в эпоху позднего палеолита [8], неолита и эпохи бронзы [7; 28; 27; 51, р. 353-354]. Идея о связях между древним населением Передней Азии и Западной и Южной Сибири высказывалась в разное время В. Н. Чернецовым, М. Ф. Косаревым, В. А. Могильниковым и другими учеными. Контактные зоны постепенно ко II–I тыс. до н. э. оказались соединенными торговыми путями, по которым осуществлялся регулярный обмен товарами, людьми, идеями между населением Западной Сибири, Саяно-Алтая и Переднего Востока [34; 26].

Свидетельствами того, что мосты контактов связывали Запад и Восток Евразии в VIII–VI вв. до н. э., наиболее наглядно можно проследить по двум типам памятников древней истории континента: погребальным сооружениям / курганам и скалам с петроглифами, найденным на Саяно-Алтае. Погребальные комплексы в форме монументальных курганных сооружений были характерной чертой культуры «аржанцев» в Туве, «чиликтинцев» в Казахстане, «келермесцев» в Прикубанье, киммерийцев Анатолии, «пазырыкцев» Алтая, «тагарцев» Минусинской котловины и Хакасии. Иными словами, сам факт существования мостов контактов есть свидетельство господства во многом близких друг другу систем религиозных представлений, социальных отношений, идеологических воззрений, астрономических знаний и хозяйственных практик [25; 22, с. 32].

История изучения памятников наскального искусства, открытых на просторах Евразии за Уралом, сегодня насчитывает более четырех столетий. Начало научных работ по их исследованию было положено трудами ученых XVIII в. – Д. Г. Мессершмидта, П. Палласа – и продолжается сегодня нашими современниками, участниками академических, музейных, университетских археологических экспедиций. Накопленный за это время археологический, этнографический и искусствоведческий материал, связанный с изучением наскального искусства Сибири и Горного Алтая, выявил ряд новых проблем. Одной из таких проблем является уточнение особенностей информационной проточности ландшафтов древней Евразии. Другой стала и проблема содержания культурных контактов древних

народов Евразии, т.е. проблема интерпретации смыслов информации, которая была предметом культурных обменов. Существенным вопросом информационной составляющей таких обменов стали астрономические и палеокалендарные знания в древности.

Информационная проточность ландшафтов древней Евразии и астрономические аспекты наскальных рисунков горы Калбак-Таш

Памятники наскального искусства Южной Сибири, будь то Большая Боярская писаница, петроглифы Енисея или Горного Алтая – это особый тип храмовых объектов под открытым небом. На каменных плоскостях этих комплексов тесно соседствуют рисунки разных исторических эпох, начиная с неолита и кончая нашим временем. В наскальном искусстве Горного Алтая также выделяются несколько очень ярких пластов петроглифов, которые мы можем соотнести с культурами эпохи бронзы и раннего «скифского» времени. Особо почитаемые места, которыми в древности в бассейнах крупных сибирских рек (Енисея, Томи, Ангары, Лены), рек Горного Алтая (Чуи, Катунь) были места скопления наскальных рисунков (Большая Боярская писаница, Мугур-Саргол, Ленские скалы, писанины Ангарских островов, Томская писаница, грот Кунос, гора Калбак-Таш) и погребальные комплексы, наиболее яркими из которых были курган Аржан, Пазырыкские курганы, курган Салбык, имели статус святилищ [11; 22]. Курганы, такие как Салбык, который до раскопок С. В. Киселёва имел форму пирамиды, внешне напоминали архетипический образ священной горы – места обитания богов. Наскальные рисунки, как правило, наносились на нижних склонах горных отрогов. Места расположения камней с рисунками считались священными, и взаимодействие с ними осуществлялось с соблюдением множества ритуалов и запретов [39].

Гора Калбак-Таш – это уникальный памятник наскального искусства Горного Алтая, представляющий собой храм под открытым небом. Это гора на берегу реки Чуи, образующая прижим к реке или по-алтайски – *бом*, покрытый наскальными рисунками разных эпох. Калбак-Таш – многослойный археологический объект, созданный мастерами разных эпох, начиная от эпохи неолита и до древнетюркского времени. Репертуар сюжетов этого памятника

отличается многообразием и представлен тремя крупными группами образов: зооморфной, антропоморфной и геометрической. Наиболее ранние пласты изображений появились в эпоху позднего неолита (крупные изображения оленей), а также энеолита. Это так называемые решетчатые фигуры [38]. В эпоху бронзы сюжеты рисунков стали более разнообразными. Они оказались представленными многофигурными сценами с фигурами людей в грибовидных головных уборах, мужскими изображениями с посохами и овальными предметами около пояса, колесницами, животными с декорированными телами и изображениями хищников синкретической природы [37; 40; 38; 16; 15; 17; 18].

Образ быка с «декорированным» туловом.

В эпоху бронзы под влиянием контактов с цивилизациями Ближнего Востока облик древних культур Сибири претерпевает значительные изменения [32; 31; 14; 6; 41]. Среди рисунков эпохи бронзы на горе Калбак-Таш появляется новый сюжет – изображения быков с декорированными телами. Появление этого сюжета в качестве маркирующего признака петроглифов эпохи бронзы на Юге Сибири и в Центральной Азии [32] ознаменовало факт становления новой парадигмы наскального искусства бронзового века евразийского континента (термин Д. Г. Савинова), а также сложение особой «культурной галактики» (термин Е. А. Окладниковой). В любом случае, изображения быков с декорированными кругами и сеткой пересекающих линий телами служит маркером конкретного «иконографического горизонта» (термин В. И. Ковтуна), «культурно-хронологического пласта памятников» (термин Л. С. Марсадолова) и определенного «ареала

культуры» (термин А. Крёбера–К. Уисслера) эпохи бронзы на территории Евразии.

Изображения быков с декорированными туловищами известны на памятниках эпохи бронзы в разных регионах: на петроглифах из Чуллута в Монголии [32; 33], на стелах и каменных изваяниях Хакасии [42], среди наскальных рисунков Минусинской котловины [16], Енисея [20, с. 58], в Туве [9, с. 35, рис. 3; 10, с. 163-171, рис. 8-10; 12, с. 161, рис. 1] и на других местонахождениях.

Особенностями изображений быков в памятниках наскального искусства юга Сибири и Центральной Азии являются: 1) принадлежность их к разным историческим этапам; 2) постепенная смена образов диких быков домашними; 3) композиционное сочетание сюжетов (например, бык и ритуальный предмет); 4) синкретизм образов (быки имеют фантастический, мифологизированный облик). Об этом свидетельствуют: а) сочетание в рисунках тел быков с рогами другого вида животных (например, оленя); б) ассоциация образа быка с идеей «мирового дерева»; в) астральная маркировка туловища быков: тела быков на скалах декорировались знаками-метафорами палеокалендаря [35].

Образ хищника на территории Евразии.

На центральном панно горы Калбак-Таш, обращенном на юго-запад, в эпоху бронзы был выбит крупный по размерам рисунок фантастического зверя с массивным туловищем, открытой пастью с острыми зубами, большим округлым глазом, двумя приподнятыми ушами, двумя согнутыми ногами с длинными когтями, большим хвостом, поднятым над спиной и разделенным на десять или более частей (рис. 1: 2); [37; 17 и др.].

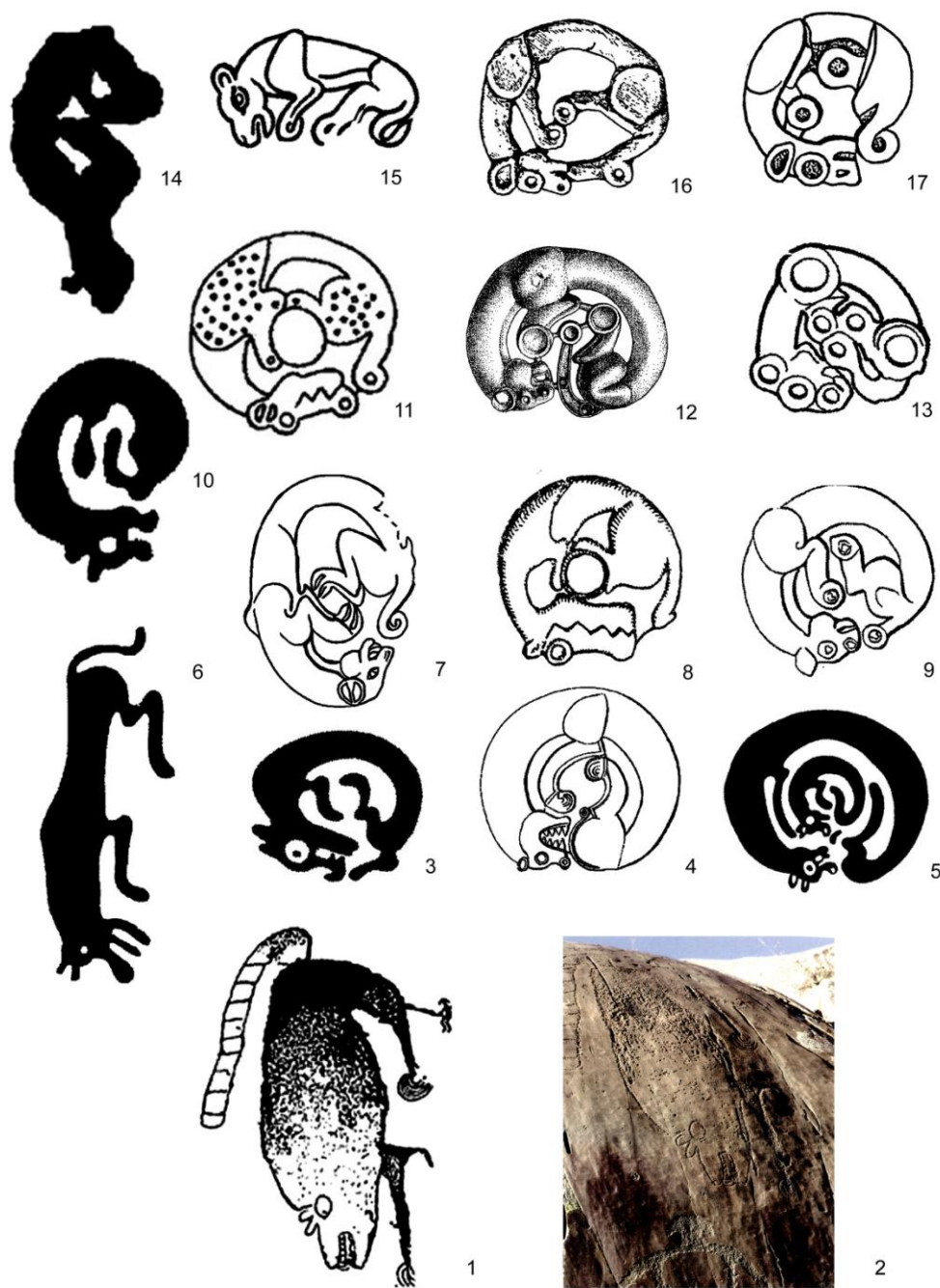

Рис. 1¹. Стилистические аналогии изображениям хищника и «хищника, свернувшегося в кольцо»: 1а и 1б – изображения на каменных стелах из Гёбекли-Тепе, Турция, 2 – петроглифы из Калбак-Таша, Алтай; 3, 4, 6, 10 – рисунки на «оленных» камнях около пос. Аржан, Тува; 5 – бронзовая бляха из кургана Аржан-1, Тува; 7, 9 – золотые бляшки из Майэмирского «клада», Западный Алтай; 8, 15 – роговые бляшки из кургана Тигей, Хакасия; 11 – роговая бляшка из м-ка Туран II, к. 5, м. 2, Хакасия; 12 – золотая бляха из Сибирской коллекции Петра I; 13 – золотая бляшка из Чиликты, к. 5, Казахстан; 14 – рисунок на каменной плите из Большого Салбыкского кургана, Хакасия; 16 – бронзовая бляха из м-ка Уйгарак, к. 33, Средняя Азия; 17 – бляшка из м-ка Ашпыл, к. 23, Южная Сибирь. Масштаб и поворот рисунков различные.

Fig. 1. Stylistic analogies and images of the predator and "the curled up predator". Scale and rotation of images are different

¹ Составлено Л.С. Марсадаловым по материалам: 1а – http://paranormal-news.ru/_nw/90/18288604.jpg; 1б – по К. Schmidt [53, resim 102]; 2 – по В. Д. Кубареву [17, рис. 452]; 3, 4, 6, 10 – по Л. С. Марсадалову [24, рис. 3 и 4]; 5, 8, 11, 15-17 – по В. Н. Седых, Л. С. Марсадалову [46, рис. 3]; 7, 9 – по Л. Л. Барковой [1, рис. 3]; 12 – по Е. С. Богданову [2, табл. VI]; 13 – по С. С. Черникову [48, табл. XVI]; 14 – по Л. С. Марсадалову [22, рис. 44].

Рассмотрим ряд археологических аналогий образу фантастического хищника горы Калбак-Таш разных исторических периодов. В публикациях, как и в реальности, тело этого фантастического зверя представлено в вытянутом положении. Вертикальное расположение рисунка тела фантастического хищника на поверхности скалы, загнутый и закинутый на спину толстый хвост животного, угрожающая крадущаяся поза стилистически и композиционно связывают его с изображением хищника кошачьей породы на стенах храмового комплекса Гёбекли-Тепе (Юго-Восточная Турция), датированным неолитом (рис. 1: 1) [50].

Бляшки с изображением свернувшегося хищника – относительно редкая находка в тагарских курганах, хотя в целом этот образ был довольно широко распространен на территории Евразии [1; 4; 24; 2 и др.]. Некоторые исследователи тагарских древностей считают, что мотив изображения хищника, вписанного в круг, появляется в Минусинской котловине в VI в. до н. э., но быстро исчезает [49, с. 118-119, 159-160]. Этот довольно спорный вывод не подтверждается находками из курганов в Тигее, Туране, Ашпыле, Колоке (рис. 1) и другими памятниками [46].

Стилистически и хронологически наскальное изображение хищника из Большого Салбыкского кургана (рис. 1: 14), с одной стороны, занимает промежуточное положение между более ранними образами VIII в. до н. э. из Аржана-1, «оленными» камнями из Аржана, Майэмирского клада, (рис. 1: 3-6, 9-10), а с другой стороны, с аналогиями из Чиликты-5, Келермеса и Уйгарака, относящимися к концу VIII-VII вв. до н. э. (рис. 1: 13, 16).

Похоже, что салбыкский образ пантеры наиболее близок к майэмирским. Из Майэмира происходят семь золотых пластин, составляющих, вероятно, единый комплект украшения конской узды. Угол изгиба спины, оформление глаза, уха, тела, окончания лап и хвоста у зверей на этих пластинах отличаются в деталях [1; 23]. В пятом Чиликтинском кургане (к. 5) было найдено 29 золотых бляшек в виде свернувшегося в кольцо хищника-пантеры с головой, повернутой вправо или влево. Глаз, ухо, ноздря, лопатка, бедро, окончания лап и хвоста хищников переданы круглыми углублениями-кольцами [48, с. 34-36]. Чиликтинские бляшки относятся к более

позднему времени, чем майэмирские, и могут быть датированы концом VIII – первой половиной VII в. до н. э. [21; 23].

К аржанско-майэмирско-туранской традиции восходит передача пасти с острыми зубами, а к аржанско-майэмирско-чиликтинско-уйгараско-ашпыльской – «кольчатое» окончание хвоста, носа и лап (рис. 1). Тигейские бляшки имеют разную величину. На бляшке большего размера голова зверя изображена крупной, с округлым ухом и оскаленной пастью, форма плеча резко подчеркнута, хвост и небольшие лапы подогнуты (рис. 1: 8). На бляшке меньшего размера окончание хвоста и ноздри хищника показаны несколько по-иному – «кольцом» (рис. 1: 15). Возможно, что эти предметы являлись деталью конской уздечки или частью пояса. По сравнению с майэмирскими, чиликтинскими и даже уйгараскими изображениями бляшки из Тигея более стилизованы. Наиболее близкие аналогии по стилистическим признакам бляшки из Тигея имеют в памятниках тагарской культуры – Туран, Ашпыл (рис. 1: 8, 11, 17), Бейское городище, Тагарское озеро [46]. Бляшки с изображением хищников из Тигея, Турана и Ашпыла можно датировать VII в. до н. э. или, вероятно, первой половиной VII в. до н. э.

Семантика образов. В памятниках наскального искусства особый интерес с точки зрения семантики изображений представляют быки с декором в виде кругов на телах. Изображения быков на горе Калбак-Таш, исполненные в «негативной технике» [10, с. 165], т.е. выбивкой сплошным силуэтом, украшены восемью, девятью и двенадцатью окружностями. Эти рисунки имеют ярко выраженный символический характер (рис. 2). На телах быков центрального панно в технике высокого рельефа обозначены восемь, девять или двенадцать выпуклых окружностей (рис. 2). Кроме того, на плоскости скалы центрального панно Калбак-Таш располагается изображение крупного животного с длинным хвостом, рогами с отростками, напоминающими оленьи; с телом, орнаментированным кругами и полуокружностями, вписанными в систему ромбовидных и треугольных фигур, зигзагообразных линий (рис. 2: 6).

Рис. 2¹. Изображения и знаки с Алтая и Передней Азии:
1, 3-6 – наскальные рисунки быков; святилище Калбак-Таш, Алтай;
2 – настенная панель с «глазным орнаментом». Ниневийский период.
Fig. 2. Pictures and signs from the Altai and Southwest Asia

¹ По материалам: 1 – по В. Д. Кубареву [17, фото 77]; 2 – по А. М. Смирнову [47, рис. 6]; 3-6 – фотографии Е. А. Окладниковой, 2008 г.

На горизонтальных плоскостях северо-западного склона горы располагаются выбитые изображения быков, обращенные головами на восток, повернутые ногами друг к другу. Их тела расчерчены сеткой параллельных и пересекающихся линий с вписанными в них окружностями (рис. 2: 1). Среди них выделяется изображение быка с рогами, обращенными вперед, длинным хвостом, с телом, декорированным девятью окружностями (рис. 2: 3). На спинах ряда быков изображена поклажа в форме прямоугольника. На внутренней поверхности одного из контурных рисунков быка (с поклажей на спине, которого за повод ведет человек) видны выбитый круг и два пятна треугольных очертаний в нижней части [17, рис. 43, а также 449, 451 и др.].

Обсуждение результатов исследования

Свидетельством постоянно действовавших на протяжении тысячелетий мостов контактов между западом и востоком древней Евразии являются наскальные рисунки горы Калбак-Таш на Горном Алтае. Материалы двух крупных памятников Южной Сибири – кургана-храма Салбык и святилища Калбак-Таш – предоставляют сегодня прекрасную возможность затронуть тему проточности ландшафтов древней Евразии с целью обозначить некоторые мосты контактов, существование которых подтверждается наличием иконографических, композиционных и стилистических совпадений в произведениях наскального искусства. Эти совпадения, выявленные в произведениях наскального искусства горы Калбак-Таш на *синхронном* (изображения аналогичных хищников в искусстве ближнего Востока и Передней Азии) и *диахронном* уровнях (анalogии в искусстве Хакасии, Минусинской котловины и Монголии), связывают искусство Запада и Востока Евразийского континента в эпоху бронзы и в тагарское время. Этот сюжет наскального искусства можно рассматривать как транслятор духовных воззрений, мировоззренческих постулатов, а также ранних форм научных знаний (например, астрономических) и связанных с ними технических изобретений между культурами Ближнего Востока и Южной Сибири.

В разной степени хронологически обусловленной интенсивности контактов с ранними земледельческими цивилизациями запада Евразии (Ближний Восток) постепенно складывались фундаментальные основы и для единой кочевой культуры народов Евразии. Хакасия и Минусинская котловина, расположенные в средней части бассейна реки Енисей, уникальны с точки зрения

природных и историко-культурных особенностей этого региона. В эпоху энеолита и ранней бронзы в Минусинской котловине возникло искусство, наполненное фантастическими образами, семантика которых и в настоящее время – область гипотез, догадок и предположений. Историко-культурная и художественная ценность этих памятников, раскрывающих глубины самобытного мировоззрения их создателей, настолько велика, что Минусинскую котловину назвали «культурным оазисом, подобным очагам древних цивилизаций» [43, с. 6], «уникальным сакральным центром» [29, с. 265], «музеем под открытым небом или заповедником древнего мира» [3, с. 484] и т. п.

Не менее яркой была и тагарская культура, в основном представленная художественными изделиями из бронзы и наскальными изображениями. На сегодняшний день в хранилищах и на экспозициях Абаканского и Минусинского музеев, а также Государственного Эрмитажа, Государственного исторического и других музеев находятся тысячи объектов монументального и прикладного искусства эпохи бронзы и тагарского времени древней Хакасии.

Салбыкская курганная архитектура (VIII–III вв. до н. э.) синхронна по времени с такими крупными цивилизационными феноменами, как высокоразвитые рабовладельческие государства на *востоке* Евразии (Китай и Индия) и на *западе* (Греция, Ассирия, Вавилон).

Люди, создававшие эти государства, обладали высокой духовной, хозяйственной и организационной культурой, особыми религиозными представлениями, довольно высокими техническими и сакрально-научными знаниями, которые и формировали их «картину мира». Цивилизационные центры соседствовали с пространствами, населенными кочевниками и охотниками, которые находились в постоянном торговом и военном контактах с миром оседлых цивилизаций того времени. Мир кочевников Евразии обладал своими могущественными правителями и мудрецами. В это время жили Будда, Конфуций, Пифагор, Сократ, Платон, Аристотель, Гомер, а также Саргон II, Навуходоносор II, Мидас, Кир, Дарий, Перикл, Филипп и Александр Македонские. Использование коня в качестве колесничного и верхового животного значительно ускорило и расширило коммуникации племен с различным уровнем социальной, политической и экономической организации. Великий степной путь Евразии, как сумма взаимосвязанных региональных «эстафетных путей», возникших в эпоху бронзы и функционировавших позднее, способствовал широкому распространению

жизненно важных мировоззренческих идей, гармоничных художественных образов, передовых изобретений в технике, вооружении, конском снаряжении и т.п. [26].

Важным свидетельством наличия постоянного обмена идеями между населением рабовладельческих цивилизационных центров Евразии и кочевой периферии является стремительное изменение социально-политических отношений в их обществе, что выразилось в создании кочевых объединений, союзов племен, своеобразных ранних форм кочевых «империй» и государств. Доказательством единства кочевого мира древней Евразии было распространение так называемого «звериного стиля» как универсальной системы символов реальной и сакральной действительности, отраженной в образах хищных зверей, копытных животных, птиц, рыб, змей и различных мифических образов [22].

Вероятно, что в эпоху перехода от присваивающих к производящим формам хозяйства на Ближнем Востоке сложился угрожающий образ Владыки Вселенной – символ агрессивной, тиранической, «темной» стороны социальной власти [52]. По древним системам торговых путей вместе с материальными ценностями, широким спектром технологий материальной, социальной и духовной культуры, идеями и образами этот зооморфный символ проник на Юг Сибири и реплицировался во времени и пространстве. Особо широкое распространение этот образ, но уже наделенный синкретическими мифологическими чертами, приобрел на петроглифах и изваяниях Хакасии эпохи бронзы [36].

Композиционная особенность синкретичного образа Калбак-Ташского хищника заключается еще и в том, что на скальной поверхности он располагается на округлой вершине одного из скальных выступов, и наблюдатель снизу видит его в полусогнутом положении, что хорошо запечатлено на фотографиях. Не исключено, что такой образ также может рассматриваться как один из ранних прототипов для эволюционного развития более позднего по времени образа свернувшегося хищника (рис. 1). При этом архаическая потестарно-агрессивная символика образа, рожденная еще в недрах идеологии обществ охотников и собирателей Ближнего Востока, сохраняется. Свернувшийся хищник продолжает восприниматься ранними кочевниками Южной Сибири как аллоформа агрессивного, «темного» начала не только Космоса, но и социума. Прототипами для изображений свернувшегося хищника ранее разные археологи

считали два основных региона – Переднюю Азию или Китай. Постепенно накапливается всё больше фактов об еще одном большом регионе – Центральной Азии (Алтае, Туве, Монголии и Хакасии). В целом вопрос о прототипах всегда довольно сложен и многоаспектен. В соответствии с темой, затронутой в данной статье, в будущем стоит более подробно рассмотреть возможные ранние прототипы эпохи бронзы для более поздних изображений свернувшегося хищника.

Под влиянием культур эпохи бронзы юго-запада Евразии (включая влияние Ближнего Востока, охватившее Западную Сибирь и Среднюю Азию) и юго-востока (Древняя Индия, Древний Китай) в наскальном искусстве появляется много новых сюжетов. Вместе с технологиями производящего хозяйства и скотоводством как на север, так и на юг Сибири распространились способы счисления времени, известные астрономам и астрологам Ближнего Востока, то есть идеи палеокалендаря, которые и нашли выражение в декорированных кругами телах быков горы Калбак-Таш. Сюжет быка с декорированным туловищем оказался среди петроглифов Центральной Азии и Южной Сибири не случайно. Его широкое распространение можно рассматривать как свидетельство культурной традиции ближневосточного происхождения, которая, став канонической, охватила огромные территории кочевого мира Евразии. Большинство изображений быков – это контурные рисунки или рисунки, сделанные выбивкой «сплошным» силуэтом. Рисунки быков располагаются как на вертикальной плоскости центрального панно горы Калбак-Таш, так и на горизонтальных плоскостях северо-западного склона.

Астрономическая подоснова образов быков из Калбак-Таша выражается в соединении образов животных с солярно-лунарными символами, что свидетельствует об их связи с мифом о небесном, божественном. Такой бык, согласно древнеиранской и древнеиндийской мифологическим традициям, ассоциирован с образом лунного божества [16, с. 52]. В. Д. Кубарев писал о рисунках быков с декорированными телами горы Калбак-Таш: «Их туловища покрыты округлыми пятнами, лучевидно-звездчатыми знаками, поперечными и вертикальными полосами, перекрещивающимися на отдельных фигурах» [16, с. 51]. Подходы к интерпретации кругов декора тел быков мы можем найти, например, в астрологических трактатах старовавилонских библиотек (библиотека Ашшурбанипала) [44]. Старовавилонские астрологи вели регулярные

наблюдения за Солнцем, Луной и Венерой. Цель таких наблюдений – предсказания о судьбах царей, о судьбах страны в целом. Например, на стенах храмов наносились орнаментальные композиции, центральным элементом которых был круг, по форме аналогичный кругам на телах быков горы Калбак-Таш (рис. 2: 2). Тела других священных быков декорировались розетками – астральными символами (рис. 2: 5). Основными астральными символами древней Месопотамии были Солнце и Луна. Изображения быков с ритуальными предметами (священная ладья, храм и поклажа на спине) сохранились на печатях из Урука; с декорированными телами и поклажей – на зооморфных сосудах из Ярым-Тепе II, Ирак, VI тыс. до н. э. [30].

Такие геометрические знаки-символы как окружность, концентрические круги, вписанные друг в друга, окружность с точкой в центре чаще всего являются символами Солнца, но иногда и Луны, в зависимости от контекста памятника. Круг, нанесенный сплошной выбивкой на тела быков в Калбак-Таше, вероятно, был символом Луны, а изображенный в виде полой окружности – Солнца (по Е. А. Окладниковой). Двенадцать кругов на теле быка могут означать двенадцать месяцев года, а семь (восьмой выбит нечетко) – дни недели. Восемь кругов на теле быков могут символизировать восемь месяцев года (плюс пять дней), которые Венера остается невидима для глаза наблюдателя, о чем писал В. Е. Ларичев: «Над проблемой совмещения циклов их оборотов жрецы-астрономы Аммицадуки раздумывали, очевидно, много времени. Они знали, что явления Венеры начинают повторяться через восемь лет и отдавали себе отчет в кратности пяти синодических оборотов планеты восьми тропическим годам, а значит и в соответствии того и другого периодов 99 лунным месяцам. Недаром восьмой год правления Аммицадуки выделялся в тексте особо и назывался весьма знаменательно – Годом Золотого трона. Солнце, Луна и Венера представлялись жрецам воплощениями богов, влияющих на всю земную жизнь. В этой астральной религии и находила питательную почву старовавилонская астрология» [19, с. 14].

Появление восьми кругов на телах быков на рисунках горы Калбак-Таш заставляет вспомнить о том, что вавилонские жрецы использовали не традиционные (тропический год, синодический лунный месяц) единицы счета времени. В. Е. Ларичев отмечал: «Учет ими синодического цикла обращения Венеры А. Паннекук оценивал как верный показатель более высокой степени развития астрономических знаний, чем та, что требуется при установлении месячной и годовой цикличности [19, с. 14].

Не исключено, что часто встречаемые в Калбак-Таше девять кругов на туловищах быков могут быть интерпретированы и как девять месяцев, связанных с рождением нового маленького бычка, что прослеживается по размерам копытных животных (рис. 2: 1). Девять полных круглых месяцев-полнолуний равны периоду беременности коровы и женщины.

Калбак-Таш является не единственным памятником, в котором оказались запечатлены древние астрономические представления и идеи счисления времени. Приемы счисления времени создателей Большого Салбыкского кургана и «авторов» рисунков Калбак-Таш, судя по изображениям быков с декорированными телами, как нам представляется, имеют много общего с приемами мифологизации времени населением Ближнего Востока (палеокалендари древней Месопотамии и палеоастрономия Вавилонского царства).

Заключение

Наскальные композиции горы Калбак-Таш с образами фантастического хищника и быков с декорированными туловищами эпохи бронзы можно интерпретировать как тексты, подтверждающие ранее высказанные С. И. Руденко, М. П. Грязновым, Е. И. Лубо-Лесниченко, Н. П. Матвеевой, Л. Н. Коряковой, В. А. Могильниковым, В. И. Матющенко, Л. С. Марсадаловым, Е. А. Окладниковой идеи о торгово-обменных связях населения Западной и Южной Сибири (включая Саяно-Алтай) с государствами Востока.

«Мосты контактов», которые связывали население Евразии на протяжении тысячелетий, начиная с палеолита, в неолите, бронзовом веке, раннем железном веке и позднее были древними караванными дорогами, проходившими от Арала через Тобол и Иртыш до низовий Иртыша, и от районов Саяно-Алтайского нагорья по Томи и Чулыму в сторону Нарымского Приобья.

Изделия парфянского, греко-бактрийского, хорезмийского производств южного происхождения по этим путям распространялись до пределов Западносибирской тайги и Саяно-Алтая. Так же, как и сюжеты фантастического хищника и быка с декорированным туловищем в наскальном искусстве эпохи бронзы Горного Алтая, эти археологические артефакты являются свидетельствами несомненных контактов населения этого региона с южными странами – Передней Азией и Ближним Востоком.

О распространении с территории Двуречья начальных астрономических знаний и практиках счисления времени, которые были известны

древним скотоводам Евразии, писал еще один из авторов теории панавилонизма Гуго Винклер [5]. Не стоит исключать и сибирскую составляющую астрономических знаний, начиная с эпохи палеолита [19]. Сегодня археологические данные, в частности, исследование образов быков с декорированными телами горы Калбак-Таш, могут быть рассмотрены как свидетельства наличия и интенсивного функционирования древних транс-Евразийских мостов контактов. По этим мостам контактов в эпоху бронзы из Передней Азии и Ближнего Востока по югу Евразии могли распространиться астральная мифология, ритуалы, технологии счисления времени. Эти практики духовной культуры распространялись вместе с такими элементами материальной культуры бронзового века как металлургия, колесница, а также вместе с наскальным искусством: образами людей в лучистых головных уборах, колесницами, быками с декорированными телами и поклажей на спине и др.

Совершенно не обязательно, чтобы новые символы, идеи и знания внедрялись какими-то группами мигрантов из Передней Азии или Ближнего Востока. Распространение информации могло происходить «эстафетным путем» при помощи большого числа посредников, контакты между которыми поддерживали информационную проточность ландшафтов древней Евразии и формировали новые культурные миры.

Работа выполнена при поддержке Российского Научного Фонда (проект № 14-18-02785).

Литература

1. Баркова, Л.Л. Изображения свернувшихся хищников на золотых пластинах из Майэмира // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 24. Л.: Искусство, 1983. С. 20–31.
2. Богданов, Е.С. Образ хищника в пластическом искусстве кочевых народов Центральной Азии (скифо-сибирская художественная традиция). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. 240 с.
3. Вайнштейн, С.И. Романтика и трагедия в судьбе Альберта Николаевича Липского // Репрессированные этнографы. М.: Наука, 2003. С. 455–492.
4. Васильев, С.А. К вопросу о происхождении сюжета «хищник, свернувшийся в кольцо» в скифском зверином стиле. Каталог изображений. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000. 80 с.
5. Винклер, Г. Вавилонская культура в ее отношении к культурному развитию человечества. М.: Фарос, 1913. 170 с.
6. Грушин С.П. Культура населения эпохи ранней бронзы лесостепного Алтая: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2002. 24 с.
7. Гумилев, Л.Н. Ритмы Евразии: Эпохи и цивилизации. М.: АСТ, 2004. 606 с.
8. Деревянко, А.П. Верхний палеолит в Африке и Евразии и формирование человека современного анатомического типа. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. 560 с.
9. Дэвлет, М.А. Древнейшие антропоморфные изображения Южной Сибири и Центральной Азии // Наскальные рисунки Евразии. Новосибирск, 1992. С. 29–43.
10. Дэвлет, М.А. Петроглифы на дне Саянского моря (гора Алды-Мозага). М.: Памятники исторической мысли, 1998. 287 с.
11. Дэвлет, М.А. Священные места и их символы // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении: Материалы XII Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции. Томск, 2001. С. 227–229.
12. Килуновская, М.Е. Быки Кара-Булуна // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург. Материалы всероссийской научной конференции, посвящённой 70-летию со дня рождения Александра Даниловича Грача. СПб.: Культ-информ-пресс, 1998. С. 159–163.
13. Косарев, М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири. М.: Наука, 1981. 276 с.
14. Косарев, М.Ф. Древняя история Западной Сибири: человек и природная среда. М.: Наука, 1991. 302 с.
15. Кубарев, В.Д. Калбак-Таш II: Памятник наскального искусства Алтая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы Итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2007 г. Т. XIII. Ч. I. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2007. С. 282–287.
16. Кубарев, В.Д. Образ быка в петроглифах Алтая // Первобытная археология. Человек и искусство. Сб. науч. трудов, посвященный 70-летию со дня рождения Якова Абрамовича Шера. Новосибирск, 2002. С. 48–53.
17. Кубарев, В.Д. Петроглифы Калбак-Таша I. (Российский Алтай). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. 444 с.
18. Кубарев, В.Д., Маточкин, Е.П. Петроглифы Алтая. Новосибирск: Наука, 1992. 123 с.
19. Ларичев, В.Е. Заря астрологии: зодиак троглодитов, Луна, Солнце и «блуждающие звезды». Новосибирск: Наука, 1999. 320 с.
20. Леонтьев, Н.В. К вопросу о хронологии петроглифов Минусинской котловины // Проблемы изучения окуневской культуры. Вып. I. СПб.: Наука, 1995. С. 57–58.
21. Марсадоллов, Л.С. Археологические памятники IX–III вв. до н. э. горных районов Алтая как культурно-исторический источник (феномен пазырыкской культуры): Автореф. дис. ... доктора культурологии. СПб., 2000. 56 с.
22. Марсадоллов, Л.С. Большой Салбыкский курган в Хакасии. Абакан: Хакасское книжное издательство, 2010. 128 с.
23. Марсадоллов, Л.С. О дате Майэмирского «клада» на Западном Алтае // Клады. Состав, хронология, интерпретация. Материалы тематической научной конференции. Санкт-Петербург, 26–29 ноября 2002 г. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2002. С. 217–221.

24. Марсадоллов, Л.С. «Оленные» камни из поселка Аржан в Центре Азии // *Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего средневековья. Памяти Валерия Сергеевича Ольховского.* Сб. статей. М.: Институт археологии РАН, 2005. С. 301–311.

25. Марсадоллов, Л.С. Палеоастрономические, метрологические и религиозные аспекты больших курганов и святилищ Южной Сибири в I тыс. до н. э. // *Астроархеология – естественнонаучный инструмент познания протонаук и астральных религий жречества древних культур Хакасии.* Сб. науч. статей. Красноярск: Изд-во «Город», 2009. С. 59–72.

26. Марсадоллов, Л.С. Художественные образы и идеи на Великом степном пути Евразии в IX–VII вв. до н. э. // *Международная конференция по первобытному искусству.* Кемерово, 3–8 авг. 1998. Тезисы докладов. Кемерово: КемГУ, 1999. Т. 1. С. 152–163.

27. Массон, В.М. Древние цивилизации Востока и степные племена в свете данных археологии // *Stratum plus. Археология и культурная антропология.* 1999. № 2. С. 265–285.

28. Матющенко, В.И. Западная Сибирь и Саяно-Алтайское нагорье в эпоху неолита и бронзы // *Эпоха камня и палеометалла азиатской части СССР.* Новосибирск: Наука, 1988. С. 45–49.

29. Мачинский, Д.А. Уникальный сакральный центр III – середины I тыс. до н. э. в Хакасско-Минусинской котловине // *Окуневский сборник.* СПб.: Наука, 1997. С. 265–287.

30. Мерперт, Н.Я., Мунчаев, Р.М. Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии // *Советская археология.* 1971. № 3. С. 141–169.

31. Молодин, В.И. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск: Наука, 1985. 200 с.

32. Новгородова, Э.А. Мир петроглифов Монголии. М.: Наука, 1984. 168 с.

33. Новгородова, Э.А. Центральная Азия и карасукская проблема. М.: Наука, 1970. 189 с.

34. Окладникова, Е.А. Культурные контакты древней Евразии: виды и артефакты (к вопросу о палеоглобализации) // *Номо Eurasicus в системах социальных коммуникаций: VI Всероссийская научно-практическая конференция: коллективная монография.* М.: Директ-Медиа, 2015. С. 145–204.

35. Окладникова, Е.А. Палеокалендарный аспект петроглифов горы Калбак-Таш (Горный Алтай) // *Шестые Берсовские чтения.* Екатеринбург: Изд-во «КВАДРАТ», 2011. С. 171–178.

36. Окладникова, Е.А. Петроглифы горы Калбак-Таш (Горный Алтай): изображения фантастического хищника // *Культуры и народы Северной и Центральной Азии в контексте междисциплинарного изучения.* Сб. Музея археологии и этнографии Сибири им. В. М. Флоринского. Вып. 3. Томск: ТГУ, 2013. С. 267–272.

37. Окладникова, Е.А. Петроглифы Калбак-Таша // *Известия Сибирского отделения Академии наук СССР. Серия общественных наук.* 1981. № 11. Вып. 3. С. 61–64.

38. Окладникова, Е.А. Решетчатые фигуры горы Калбак-Таш (Горный Алтай) // *Археология, этнография и антропология Евразии.* Новосибирск. 2011. № 3 (47). С. 120–127.

39. Окладникова, Е.А. Сакральный ландшафт: теория и эмпирические исследования. М.–Берлин: Директ-Медиа, 2014. 230 с.

40. Окладникова, Е.А. Тропую Когульдея. Ленинград: Лениздат, 1990. 189 с.

41. Погожева, А.П., Рыкун, М.П., Степанова, Н.Ф., Тур, С.С. Эпоха энеолита и бронзы Горного Алтая. Ч. 1. Барнаул: Азбука, 2006. 234 с.

42. Савинов, Д.Г. О стиле «тощих быков» в окуневской изобразительной традиции // *Изобразительные памятники: стиль, эпоха, композиции.* Материалы тематической науч. конф. СПб.: Элексис Принт, 2004. С. 246–254.

43. Савинов, Д.Г., Подольский, М.Л. Введение // *Окуневский сборник.* СПб.: Наука, 1997. С. 5–6.

44. Святополк-Четвертынский, И.А. Шумеровавилонский календарь и символика жертвоприношений // *Астрономия древних обществ.* М.: Наука, 2002. С. 129–134.

45. Седых, В.Н. О памятниках изобразительного искусства эпохи ранних кочевников из Абаканской степи // *Евразия сквозь века.* Сб. науч. трудов, посвященный 60-летию со дня рождения Дмитрия Глебовича Савинова. СПб.: Филол. ф-тет СПбГУ, 2001. С. 133–136.

46. Седых, В.Н., Марсадоллов, Л.С. О возможных прототипах тагарских бронзовых наверший // *Теория и практика археологических исследований.* Вып. 5. Барнаул: Изд-во Азбука, 2009. С. 101–110.

47. Смирнов, А.М. Сюжет «загон для скота и животные» на энеолитических стелах Причерноморья: вариант аналогий и интерпретации // *Stratum plus.* 2000. № 2. С. 571–583.

48. Черников, С.С. Загадка золотого кургана. Где и когда зародилось «скифское искусство». М.: Наука, 1965. 189 с.

49. Членова, Н.Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М.: Наука, 1967. 300 с.

50. Шмидт, К. Они строили первые храмы. Таинственное святилище охотников каменного века. Археологические открытия в Гёбекли Тепе. СПб.: Алетея, 2011. 540 с.

51. Lamberg-Karlovsky, C. C. The Oxus civilization: The Bronze Age of Central Asia // *Antiquity.* 1994. Vol. 68. No. 259. P. 353–354.

52. Okladnikova, E. Paleoglobalization: the symbolism of prosperity and evil in rock art of Ancient Eurasia // (2015) <https://www.academia.edu/19871924/>

53. Schmidt, K. Göbekli Tepe. En Eski Tapınağı Yapanlar. Çev. Rüstem Aslan. Istanbul, Arkeoloji ve Sanat Yayınlan, 2007. 320 p.

References

1. Barkova, L. L. Images of Curled Predators on the Golden Plates from Mayemira (in Russ.). *Arkheologicheskiy sbornik (The State Hermitage Museum).* Iss. 24. Leningrad: Iskusstvo, 1983. Pp. 20–31.

2. Bogdanov, E. S. *The Image of a Predator in the Plastic Art of the Nomadic Peoples of Central Asia (Scythian-Siberian Artistic Tradition).* Novosibirsk: Publishing house of IAE SB RAS, 2006. 240 p. (in Russ.)

3. Vainshtein, S. I. Romance and Tragedy in the Life of Albert N. Lipsky. (in Russ.) *The Repressed Ethnographers*. Moscow: Nauka, 2003. Pp. 455-492.
4. Vasiliev, S. A. *On the Origin of the Plot "The Coiled Predator" in the Scythian Animal Style*. Catalogue of Images. St. Petersburg: Publishing house of the St. Petersburg State University, 2000. 80 p. (in Russ.)
5. Vinkler, G. *Babylonian Culture in its Relation to the Cultural Development of Mankind*. Moscow: Faros, 1913. 170 p. (in Russ.)
6. Grushin S. P. *The Culture of the Population of the Early Bronze Forest-Steppe Altai*: Thesis of Diss. ... Candidate of Historical Sciences. Barnaul, 2002. 24 p. (in Russ.)
7. Gumilyov, L. N. *Rhythms of Eurasia: Epochs and Civilizations*. Moscow: AST, 2004. 606 p. (in Russ.)
8. Derevyanko, A. P. *Upper Paleolithic in Africa and Eurasia, and the Formation of Anatomically Modern Human*. Novosibirsk: Publishing house of IAE SB RAS, 2011. 560 p. (in Russ.)
9. Devlet, M. A. The Most Ancient Anthropomorphic Images of Southern Siberia and Central Asia. (in Russ.) *Cave Paintings of Eurasia*. Novosibirsk, 1992. Pp. 29-43.
10. Devlet, M. A. *Petroglyphs at the Bottom of the Sayan Sea (Aldy-Mozaga Mountain*. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli, 1998. 287 p. (in Russ.)
11. Devlet, M. A. Sacred Places and Their Symbols. (in Russ.) *Cultural Space in Archaeological and Ethnographic Dimension*. Tomsk, 2001. Pp. 227-229.
12. Kilunovskaya, M. E. Kara-Bulun Bulls. (in Russ.) *The Ancient Cultures of Central Asia and St. Petersburg*. St. Petersburg: Kult-inform-press, 1998. Pp. 159-163.
13. Kosarev, M. F. *The Bronze Age in Western Siberia*. Moscow: Nauka, 1981. 276 p. (in Russ.)
14. Kosarev, M. F. *The Ancient History of Western Siberia: The Man and the Natural Environment*. Moscow: Nauka, 1991. 302 p. (in Russ.)
15. Kubarev, V. D. Kalbak Tash II: Monument of Altai Rock Art. (in Russ.) *Problems of Archeology, Ethnography, Anthropology in Siberia and Adjacent Territories*. Vol. XIII. Part. I. Novosibirsk: Publishing house of IAE SB RAS, 2007. Pp. 282-287.
16. Kubarev, V. D. The Image of the Bull in the Altai Petroglyphs. (in Russ.) *Prehistoric Archaeology. Man and the Arts*. Novosibirsk, 2002. Pp. 48-53.
17. Kubarev, V. D. *Petroglyphs of Kalbak Tash I. (Russian Altai)*. Novosibirsk: Publishing house of IAE SB RAS, 2011. 444 p. (in Russ.)
18. Kubarev, V. D. and Matochkin, E. P. *Altai Petroglyphs*. Novosibirsk: Nauka, 1992. 123 p. (in Russ.)
19. Larichev, V. Ye. *The Dawn of Astrology: Zodiac of Troglodytes, the Moon, the Sun and the "Wandering Stars"*. Novosibirsk: Nauka, 1999. 320 p. (in Russ.)
20. Leontiev, N. V. On the Question of Chronology of the Petroglyphs of Minusinsk Depression. (in Russ.) *Problems of Studying of Okunev Culture*. Iss. I. St. Petersburg: Nauka, 1995. Pp. 57-58.
21. Marsadolov, L. S. *Archaeological Monuments of the IX-III Centuries BC in the Altai Mountain Areas as a Cultural-Historical Source (Pazyryk Culture Phenomenon)*: Thesis of Doctor Diss. in Cultural Studies. St. Petersburg, 2000. 56 p. (in Russ.)
22. Marsadolov, L. S. *Large Salbyk Mound in Khakassia*. Abakan: Khakassia book publishing house, 2010. 128 p. (in Russ.)
23. Marsadolov, L. S. On the Date of Mayemir "Hoard" in the West Altai. (in Russ.) *Hoards. Composition, chronology, interpretation*. St. Petersburg, 26-29 November, 2002. St. Petersburg: Publishing house of St. Petersburg State University, 2002. Pp. 217-221.
24. Marsadolov, L. S. "Deer" Stones from the Village of Arghan in Central Asia. (in Russ.) *Antiquities of Eurasia from the Early Bronze Age to the Early Middle Ages*. Moscow: Russian Academy of Sciences Institute of Archeology, 2005. Pp. 301-311.
25. Marsadolov, L. S. Paleoastronomy, Metrology and Religious Aspects of Large Burial Mounds and Sanctuaries of Southern Siberia in the 1st millennium BC. (in Russ.) *Astroarchaeology as a Scientific Instrument of Knowledge by Protoscience and Astral Priestly Religions of Ancient Cultures of Khakassia*. Krasnoyarsk: "Gorod", 2009. Pp. 59-72.
26. Marsadolov, L. S. Artistic Images and Ideas of the Great Steppe Eurasia Way in IX-VII Centuries BC. (in Russ.) *International Conference on Primitive Art. Kemerovo, 3-8 August, 1998*. Kemerovo: Kemerovo State University, 1999. Vol. 1. Pp. 152-163.
27. Masson, V. M. The Ancient Civilizations of the East and the Steppe Tribes in the Light of the Data of Archeology (in Russ.) *Stratum plus*. No. 2. 1999. Pp. 265-285.
28. Matyushchenko, V. I. Western Siberia and the Sayano-Altai Mountains in the Neolithic and Bronze. (in Russ.) *The Era of Stone and Paleometal in the Asian Part of the USSR*. Novosibirsk: Nauka, 1988. Pp. 45-49.
29. Machinsky, D. A. Unique Sacral Center of III-mid-I millennium BC in the Khakass-Minusinsk Basin. (in Russ.) *Okunevskiy sbornik*. St. Petersburg: Nauka, 1997. Pp. 265-287.
30. Merpert, N. Ya. and Munchaev, R. M. Early Agricultural Settlements of Northern Mesopotamia. (in Russ.) *Sovetskaya arkheologiya*. No. 3. 1971. Pp. 141-169.
31. Molodin, V. I. *Baraba in the Bronze Age*. Novosibirsk: Nauka, 1985. 200 p. (in Russ.)
32. Novgorodov, E. A. *World of Petroglyphs in Mongolia*. Moscow: Nauka, 1984. 168 p. (in Russ.)
33. Novgorodova, E. A. *Central Asia and the Problem of Karasuk*. Moscow: Nauka, 1970. 189 p. (in Russ.)
34. Okladnikova, E. A. Cultural Contacts of Ancient Eurasia: Species and Artefacts (On the Question of paleoglobalization). (in Russ.) *Homo Eurasicus in Social Communications Systems*. Moscow: Direkt-Media, 2015. Pp. 145-204.
35. Okladnikova, E. A. An Aspect of Paleo-calendar of Petroglyphs of Kalbak-Tash Mount (Gorny Altai). (in Russ.) *Sixth Bersovskie reading*. Yekaterinburg: «KVADRAT», 2011. Pp. 171-178.
36. Okladnikova, E. A. Petroglyphs of Kalbak-Tash Mount (Gorny Altai): The Image of a Fiction Predator. (in Russ.) *The Cultures and Peoples of North and Central Asia Within the Context of Interdisciplinary Studies*. Iss. 3. Tomsk: Tomsk State University, 2013. Pp. 267-272.

37. Okladnikova, E. A. Petroglyphs of Kalbak-Tash. (in Russ.) *Izvestiya Sibirskogo otdeleniya Akademii nauk SSSR. Series of social sciences*. No. 11. Iss. 3. 1981. Pp. 61–64.
38. Okladnikova, E. A. Lattice figures of Kalbak-Tash Mount (Gorny Altai). (in Russ.) *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*. No. 3 (47). 2011. Pp. 120-127.
39. Okladnikova, E. A. *Sacred Landscape: Theory and Empirical Research*. Moscow–Berlin: Direkt-Media, 2014. 230 p. (in Russ.)
40. Okladnikova, E. A. *The Path of Koguldey*. Leningrad: Lenizdat, 1990. 189 p. (in Russ.)
41. Pogozheva, A. P., Rykun, M. P., Stepanova, N. F. and Tur, S. S. *The Eneolithic and Bronze Age of the Altai Mountains*. Part 1. Barnaul: Azbuka, 2006. 234 p. (in Russ.)
42. Savinov, D. G. About the Style of "Skinny Bulls" in the Okunev Figurative Tradition. (in Russ.) *Pictorial Monuments: The Style, the Epoch, the Compositions*. St. Petersburg: Eleksis Print, 2004. Pp. 246-254.
43. Savinov, D. G. and Podol'skiy, M. L. Introduction. (in Russ.) *Okunevskiy sbornik*. St. Petersburg: Nauka, 1997. Pp. 5-6.
44. Svyatopolk-Chetvertynsky, I. A. Sumerian-Babylonian Calendar and the Symbolism of Sacrifice (in Russ.) *Astronomy of Ancient Societies*. Moscow: Nauka, 2002. Pp. 129-134.
45. Sedykh, V.N. On the Monuments of the Art of the Epoch of Early Nomads of the Abakan Steppe (in Russ.) *Eurasia Through the Centuries*. St. Petersburg: Philological Faculty of St. Petersburg State University, 2001. Pp. 133-136.
46. Sedykh, V. N. and Marsadolov, L. S. On the Possible Prototypes of Tagar Bronze Pommels. (in Russ.) *Teoriya i praktika arkhelogicheskikh issledovaniy*. Iss. 5. Barnaul: Azbuka, 2009. Pp. 101-110.
47. Smirnov, A. M. The Plot of "Shelter for Cattle and Animals" on Eneolithic Steles on the Black Sea: A Variant of Analogies and Interpretation. (in Russ.) *Stratum plus*. No. 2. 2000. Pp. 571-583.
48. Chernikov, S. S. *Riddle of the Golden Mound. "Scythian Art" Where and When Was Born*. Moscow: Nauka, 1965. 189 p. (in Russ.)
49. Chlenova, N. L. *The Origin and Early History of the Tagar Culture Tribes*. Moscow: Nauka, 1967. 300 p. (in Russ.)

50. Schmidt, K. *They Built First Temples. The Mysterious Sanctuary of Stone Age Hunters. Archaeological Discoveries in the Göbekli Tepe*. St. Petersburg: Aleteiya, 2011. 540 p. (in Russ.)
51. Lamberg-Karlovsky, C. C. The Oxus civilization: The Bronze Age of Central Asia. *Antiquity*. Vol. 68. No. 259. 1994. Pp. 353-354.
52. Okladnikova, E. *Paleoglobalization: the symbolism of prosperity and evil in rock art of Ancient Eurasia*. (2015) <https://www.academia.edu/19871924/>
53. Schmidt, K. *Göbekli Tepe. The Oldest Temple Builders*. Trans. Rüstem Aslan. Istanbul: Archeology and Art Publications, 2007. 320 p. (in Turkish)

ОБ АВТОРАХ:

Окладникова Елена Алексеевна, доктор исторических наук, профессор, кафедра социологии и религиоведения, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Наб. Мойки, д. 48, г. Санкт-Петербург, 193000, Россия. E-mail: okladnikova-ea@yandex.ru

Марсадолов Леонид Сергеевич, доктор культурологии, ведущий научный сотрудник, Государственный Эрмитаж, Дворцовая наб., д. 34, г. Санкт-Петербург, 190000, Россия. E-mail: marsadolov@hermitage.ru

ABOUT AUTHORS:

Elena A. Okladnikova, Doctor of History, Professor, Department of Sociology and Religious Studies, Herzen State Pedagogical University of Russia, 48 Moika Emb., St. Petersburg, 193000, Russia. E-mail: okladnikova-ea@yandex.ru

Leonid S. Marsadolov, Doctor of Cultural Studies, Leading Researcher of the State Hermitage Museum, 34 Dvortzovaya Emb., St. Petersburg, 190000, Russia. E-mail: marsadolov@hermitage.ru

УДК 316.7:070

DOI: 10.18413/2408-932X-2016-2-4-27-39

Меринов В.Ю.

**«СКВОЗЬ МАГИЧЕСКИЙ КРИСТАЛЛ»:
КАРИКАТУРА И КАРИКАТУРИЗАЦИЯ РЕАЛЬНОСТИ
В СОВЕТСКОЙ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ПРЕССЕ 1920-Х ГОДОВ
(НА ПРИМЕРЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»)**

Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия. E-mail: merinov@bsu.edu.ru

Аннотация. В настоящей статье феномен советской карикатуры 1920-х годов рассматривается с нескольких позиций. Первая: карикатура как послание (публицистический текст) с предельным интеллектуальным упрощением и эмоциональной насыщенностью. Вторая: карикатура в ее тесной взаимосвязи с советским журналистским сообщением в целом. При таком подходе становятся очевидными не только содержательные связи советской карикатуры с другими газетными материалами, но и глубинная общая упрощающая интеллектуальная и эмоциональная установка (видение мира), позволяющая рассматривать публикации советской центральной прессы как единый текст. Карикатура как жанр лишь наиболее ярко проявляла общую тенденцию советской журналистики 1920-х годов к карикатуризации действительности. Она была рядовым кирпичиком в выстраиваемом огромном здании властного карикатурного апологетического послания (супержанра), который был разбит на два метажанра Славы и Поношения.

Мы полагаем, что карикатуризация (упрощение) навязывала читателю (зрителю) архаические представления об окружающем мире. По сути, она формировала советского человека как гибридного, внешне принадлежащего современной эпохе, но по своим фундаментальным, общественно-гражданским представлениям – человека допросвещенческой эры. Мы определяем эту ситуацию как чрезвычайно опасную для национального общественного самосознания. Последствия победы карикатурной реальности проявили себя, к примеру, в неспособности к адекватной оценке как отдельных политических феноменов, так и международной и внутривосточной ситуации в целом.

Ключевые слова: советская журналистика; советская карикатура; карикатуризация мира; тоталитаризм; фашизм.

Merinov V. Yu.

**«THROUGH THE MAGIC CRYSTAL»: CARICATURE
AND CARICATURIZATION OF REALITY IN THE SOVIET CENTRAL
PRESS IN THE 1920s (ON THE EXAMPLE OF "PRAVDA")**

Belgorod National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia. E-mail: merinov@bsu.edu.ru

Abstract. In this article, the phenomenon of Soviet caricature of the 1920s is viewed from several positions. First, as a message (journalistic texts) with the utmost intellectual simplification and emotional intensity. Second, in close relationship with the Soviet journalism message as a whole. With this approach both the content (superficial) links of Soviet caricatures with other newspaper materials and the underlying general simplifying intellectual and emotional messages (world vision) become certain and due, enabling to consider the publication of the central Soviet press as a single text. However, caricature as a genre most vividly demonstrated the general tendency of the Soviet journalism of the 1920s in caricaturization of reality. It was a simple “brick” in a huge building of a powerful caricatural apologetic message (supergenre), which was divided into two metagenres – Fame and Reproach.

In our opinion, caricaturization (simplification) imposed upon the reader (viewer) some archaic ideas about the world. In fact, it formed the Soviet human being as a hybrid one: apparently belonging to the modern era, but in its fundamental socio-civic concepts – a human being belonging to the pre-Enlightenment era. We consider this situation as extremely dangerous for the national public consciousness. The consequences of the victory of the caricature resulted, for

example, in the inability of adequate assessment of both some political phenomena, and the international and domestic situation in general.

Keywords: Soviet journalism; Soviet caricature; caricaturization of the world; totalitarianism; fascism.

I

По общему мнению, 1920-е – начало 1930-х годов были едва ли не золотым веком советской карикатуры, как и других сатирических жанров журналистики (фельетонов, памфлетов) и сатирической литературы [см.: 12; 13; 14]. В это время почти каждый выпуск «Правды» выходил с большой карикатурой на первой полосе. Тысячи карикатур были размещены безупречно, с точки зрения психологии восприятия информации, справа вверху. Порой и другие полосы также снабжались сатирическим рисунком. Имена советских карикатуристов Кукрыниксов (М.В. Куприянова, П.Н. Крылова, Н.А. Соколова), Дени (В.Н. Денисова), Б. Ефимова (Б.Е. Фридлянда), Моора (Д.С. Орлова) и других знала вся страна. Они были обласканы вниманием власти: квартиры, дачи, мастерские, художественные материалы за бесценок и т.п. Напомним, что один из виднейших карикатуристов эпохи Борис Ефимов был награжден многими высшими правительственными советскими наградами: орденами, званиями и премиями. Он являлся значительной фигурой советского художественного истеблишмента [16; 17]. И.В. Сталин сам порой редактировал его рисунки, что для советского художника было показателем высшей оценки творчества и доверия со стороны власти.

Что же обеспечило советской карикатуре такое положение, даже при закрытии практически всех ведущих дореволюционных иллюстрированных сатирических и юмористических журналов («Ералаш», «Иллюстрированный альманах», «Стрекоза», «Шут», «Зритель», «Искра», «Гудок» «Сверчок», «Москва», «Осколки». «Сатирикон», «Новый Сатирикон» и других)? Вряд ли ответ кроется только в пропагандистских возможностях жанра (яркости, броскости) и бесспорных талантах самих художников. Чтобы ответить на него, необходимо, как мы полагаем, осмыслить сам феномен тоталитаризма.

В этом процессе осмысления мы считаем важным тезис о генезисе советского государства из сплоченной подпольной радикальной политической группы, напоминающей по своей структуре тоталитарную религиозную секту [см. 29]. Эта группа позаимствовала авторитарные управленческие технологии, в том числе у близкой по идеологии «массовой» (по классификации

М. Дюверже) социалистической партии. Одной из особенностей подпольного, антидемократического по своему духу, сознания, на которое наложились леворадикальные взгляды, обеспечив синергичный эффект, явилось тотальное неприятие современной буржуазно-демократической цивилизации, понимаемой как эксплуататорская, лживая и т.п. Главным последствием этого неприятия явился отказ от европейской цивилизационной (просвещенческой) сложности, которая проявляла себя, в том числе в сложных формах государственного, политического и социального (гражданского) устройства и взаимодействия, основанных на принципах децентрализации, самоуправления, автономного сосуществования и сотрудничества общественно-политических и других типов структур, организаций, ассоциаций граждан.

Тоталитаризм как политический режим, как мы полагаем, представлял собой превращенную форму демократии, в том смысле, что псевдодемократические организации не просто прикрывали фактическое отсутствие прав и свобод граждан, но являлись важными инструментами расправы со своими подлинными демократическими двойниками: парламентом, судебной системой, независимыми общественными и творческими организациями, в том числе, и журналистикой [23; 25]. То есть их деятельность была направлена на устранение сложности и отказ (концептуально оформленный) от автономности собственного существования. Так советская пресса, которую только с большой долей условности можно называть журналистикой, не только лишилась самостоятельности, но стала одним из главных гуманитарных элементов тоталитарной машины. Она всеми силами старалась внедрить идеи и схемы, основанные на преднамеренном упрощении и архаических дуальных построениях. Советским моделям действительности была свойственна склонность к псевдосложным (в том числе конспирологическим, идейно-теоретическим) конструкциям, которые подменяли реальную сложность мира.

В 1920-е годы в СССР под видом строительства «нового мира» и «нового человека» стал формироваться культ простоты, сопровождавшийся истреблением многообразия политических и общественных структур и форм,

в том числе мыслительных (когнитивных). Эту склонность к предельному упрощению и производным от данного понимания мира террористическим социальным практикам заметили современники («Государственный... системный террор... угроза террором» (И.З. Штейнберг), «Адская машина страха...» (С.А. Левицкий), «армиоморфизм» (В.М. Чернов), «милитаризм» (Е. Трубецкой) [Цит. по 20], «солдатчина... страх... шпионские инстинкты» (Н.А. Бердяев [2]), «Большевизм – это ... война» (Г.П. Федотов [34]) и т.п.). Повышенную агрессивность тоталитаризма как внутри страны, так и вовне, порождавшего у жителей страны «страх как рамку понимания» мира (Л. Гудков), отмечают и современные исследователи, историки и социологи Ю. Левада, И. Яковенко, Л. Гудков, Е. Гайдар, А. Зубов и другие [см., напр.: 11; 19; 35]. «Молодая» страна выходила напрямик к древним (средневековым) деспотическим и простым общественным отношениям, описанным отечественными мыслителями как «теократия» (Ф.А. Степун), «мужичье царство», «централизованное... в высшей степени милитаризованное государство», наследница «тоталитарной идеократии Грозного» (Н.А. Бердяев), «древняя Москва», «всероссийская пугачевщина» (С.Л. Франк), «крестьянская утопия» (П.Н. Милуков), преемница «православного тоталитаризма... и ксенофобии Ивана Грозного» (Л. Ржевский (Л.А. Седов), «докапиталистическое... от фараонов... общество-казарма» (Е.Н. Стариков) [20].

Собственный трагический и деформирующий восприятие культурно-исторический опыт как бы накладывался на журналистское сообщение и «помогал» осмыслить еще только нарождающемуся советскому человеку в том числе и зарубежную реальность. Последняя моделировалась как упрощенная, гротескная, насильственная, весьма напоминавшая «гражданам самого свободного в мире государства» собственную страну, активно избавлявшуюся от сложных «буржуазных» форм взаимодействия (власти и народа, ветвей власти, организаций и т. д.). Думается, именно опытом жизни в такой действительности с ее социально-психологическими практиками давления, подчинения, унижения и можно объяснить то обстоятельство, что примитивные когнитивные конструкции в духе средневековой демонологии могли вызывать доверие у советских людей и успешно закрепиться в общественном сознании на долгие десятилетия.

Важную роль в создании советской упрощенно-гротескной картины реальности играла центральная пресса и ее флагман – газета «Правда». На ее страницах бесконечно

воспроизводился примитивный дихотомический сценарий борьбы дестабилизирующего начала – Хаоса (пугающего, тревожного, нестабильного [см.: 5, с. 81]) – с неприступным советским бастионом, олицетворяющим Порядок и Великую Гармонию. Надежда на благоприятный исход сражения «сняла» эту тревожность, но лишь частично, не позволяя советскому гражданину расслабиться и выйти из режима военно-политической мобилизации.

Газета «Правда» представляла собой результат тоталитарной подмены, когда вместо качественной ежедневной газеты советскому читателю была предложена так называемая «фасадная организация» (Х. Арндт), партийная газета радикального политического толка [25]. В солидной качественной газете, как правило, наблюдается некий баланс между ведущими жанровыми группами, эмоциональной насыщенностью и интеллектуальной строгостью, сдержанностью тона, корректностью, возможностью критики власти и самокритики, первичности внутригосударственных событий перед мировыми, субъектностью редакционной и журналистской. При этом публицистическая тональность, в силу своей специфики (в том числе и тенденции к упрощению картины мира), не может быть ведущей. В случае «Правды», в результате подмены, жанровый, эмоциональный, интеллектуальный и нравственный балансы были резко сдвинуты.

Казалось бы, карикатура не нуждается в своем оправдании. Этот сдвиг баланса заложен в самом жанре. Действительно, гиперболическое преувеличение, заострение, выпячивание недостатков и пороков, акцентирование внимания на уродстве, неправильности, выход за пределы естественной нормы – основные черты карикатурного рисунка. Однако определяющими здесь являются несколько аспектов, говорящих о новой роли и месте карикатуры и сатирического изображения в советских СМИ.

Во-первых, сам выбор поджанра карикатуры. Из всего набора поджанров («черный юмор», юмористический шарж, юмор (funny cartoon), сатира, шарж, карикатура как искусство или станковая карикатура (fine art cartoon), философская карикатура, странные предметы и др.) в советской журналистике рассматриваемого периода используется исключительно тип сатирической политической карикатуры. Здесь на первое место выходит двуединая задача, с одной стороны – развенчания, посрамления врагов (Чужих), как правило, «Запада» [7; 8; 31], с

другой – прославление политически близких (Своих) – вождей, партии, пролетариата и т.п.

Весьма показательно то, что в литературной энциклопедической статье того времени (1929–1939) под редакцией В.М. Фриче и А.В. Луначарского за карикатурой закрепляется именно это памфлетное и социальное содержание, остальные аспекты игнорируются: «Хотя сатирическое применение и необязательно для карикатуры, однако вне сатиры карикатура всегда стоит перед опасностью превратиться в безответственную легкую шутку, которая не может претендовать на серьезное общественное значение. ... Поэтому наибольшее развитие карикатуры исторически совпадает с наибольшим расцветом сатирического творчества и отмечает моменты наиболее напряженной социальной ломки, наиболее обостренной идеологической борьбы» [21].

Во-вторых, исключительное использование сатирической политической карикатуры можно было бы объяснить характером газеты (политической, партийной), если бы не структура тоталитарных СМИ в целом. В построенной властной медиапирамиде «Правда» играла роль ведомственного советского начальника, журналистского и идеологического эталона, обязательного для подражания. Политическая сатира, занявшая первое место в «Правде», автоматически становится ведущим и преобладающим жанром карикатуры в советской прессе, вытесняющим все другие жанры (а значит, и способы осмысления мира).

В-третьих, важным нам представляется вопрос о выборе объекта критики. Для дореволюционной критики, публицистики, карикатуры главным объектом насмешки была власть, группы высокого социального статуса [6; 32]. В то же время объектом защиты были слои с низким социальным статусом, ущемляемый в правах так называемый «маленький человек». Так известная французская исследовательница российской карикатуры К. Грет отмечает: «Первая предреволюционная карикатура относится к 1900 году. На рисунке в виде социальной пирамиды изображается трудное положение рабочих и безземельных крестьян того времени. С революцией 1905 года свобода слова достигает своего пика, что позволило журналистам и издателям той поры публиковать рисунки, минуя контроль цензуры. <...> В 1905 году народ смог наблюдать настоящий всплеск в карикатуре достойной своего имени» [9]. Эти темы были актуальны и в творчестве будущих звезд

советской карикатуристки (к примеру, Моора).

Подобное же понимание задач карикатуристки вернулось к художникам в постсоветский период, в период попытки перехода отношений власть – журналистика к более или менее цивилизованным отношениям. Известный художник-карикатурист В. Мочалов, например, полагал, что дело карикатуры быть независимой от власти и держать ее «в постоянном напряжении. Карикатура – это укол власти. <...> Карикатура – это всегда неофициальная точка зрения. Она всегда личностная, созданная через собственное переживание, через собственные мысли, размышления, оценку. <...> Карикатурист помогает людям расслабиться и увидеть недостатки власти. Как бы эта власть ни пыталась пудриться, делать макияж, хорошую мину. Карикатурист дает возможность раздеть власть, раскрыть, разгадать по-своему и показать самые неприятные ее черты» [28]. Ему вторил М. Златковский: «В рассказе Владимира Набокова "Истребление тиранов" герой мечтает о различных способах убийства тирана и находит самый эффективный: высмеять тирана» [3].

Советская карикатура отвергла эти сформировавшиеся в недрах европейской просвещенческой цивилизации задачи и формы взаимоотношений журналистики и власти. В своей биографической книге «О себе и не только» В. Мочалов замечает, что «после 1922 года никаких шаржей и карикатур на больших руководителей в СССР не печатали. Официально говорилось, что главным источником всех несчастий в нашей стране являлся управдом. Ну, в крайнем случае — безымянный чиновник. Очень удобно — и власть делает вид, что к ней это отношения не имеет, и автор не репрессирован» [28]. Советская карикатура обрушилась на тех, кого власть же и определила на роль жертвы, на объект, как правило, лишенный элементарных гражданских прав, возможности судебной защиты и даже самозащиты. Именно «маленький человек» стал главным пострадавшим от советской карикатуры. Исследовательница литературы сталинской эпохи К. Кларк пишет об отказе в советском искусстве 1930-х годов «от образа маленького человека как краеугольного камня нового общества» [22, с. 262]. Действительно, маленький человек как художественный образ исчез. Однако как социальный тип он никуда не делся. Другое дело, что в советских культурных текстах он как бы раздвоился. Один из его подтипов (пролетарий, военный и др.) героизировался и стал одной из опор

героического мифа – «простого советского человека», всегда готового к подвигу, к смерти «за дело партии», другой – приобрел отчетливые демонические черты прислужника Сатаны-Запада.

В качестве социальных типов, разоблачаемых советской карикатурой, были деклассированные элементы (так называемые «бывшие представители эксплуататорских классов», «кулаки», «подкулачники», «вредители» и «отравители», «вейсманисты-морганисты», «космополиты», «врачи-убийцы» и т.п.), политические оппоненты (монархисты, кадеты, меньшевики, Троцкий, Зиновьев, Каменев, Рыков и др., по мере попадания в графу «враг народа»), мелкие служащие и представители торговли. Они-то и представляли собой тип нового «маленького человека» советской эпохи, беззащитного в действительности, но наделенного необычайной силой, дьявольской хитростью и коварством в советском журналистском и политическом дискурсах. Естественно, что против такого «могущественного» врага все средства были хороши. В эмоциональной статье М.М. Златковского о Борисе Ефимове говорится, к примеру, о близости советской карикатуры сталинского периода к уголовно-процессуальному жанру доноса. Автор называет известного карикатуриста «членом расстрельной команды» и «палачом от карикатуры» [16].

Кроме того, карикатурному развенчанию подверглись и представители зарубежных политических сил: парламентарии, члены правительств, премьер-министры, видные политики, целые организации и институты (партии, парламенты), не имеющие возможности ответить, провести дискуссию, защитить свою точку зрения. В середине двадцатых дело даже дошло до международного скандала. «Правда» от 5 апреля 1925 г. на первой полосе сообщает, что депутаты английского парламента подали запрос в МИД Великобритании «по поводу статей и карикатур в “Правде”, оскорбительных для страны и памяти лорда Керзона». «Правда» отреагировала на инцидент весьма своеобразным образом. Под сообщением о депутатском запросе была размещена новая карикатура под названием «Правда» глаза колет», изображающая политических лидеров Англии (Чемберлена, Макдональда, Эванса, Хинкса, Болдуина) в крайне непривлекательном (расчеловеченном) виде.

Необходимо заметить, что английские депутаты совершенно точно подметили связь советской карикатуры с дальнейшим текстовым материалом. Визуальный материал рисунка обычно подкреплялся собственно текстовыми разъясняющими вставками, но содержательные и

эмоционально-стилистические связи на этом не обрывались: расположенные рядом материалы, как правило, были посвящены той же тематике. Однако главным в этом случае являлась не столько тематика, сколько стилистика, тот тон, эмоциональный фон, который они создавали совместно. Советская карикатура оказалась изоморфна всему советскому политическому дискурсу, стала частью общего пропагандистского послания власти, информационной картины мира, обладавшей карикатурными чертами: популистской простотой, контрастностью, максимальной эмоциональной насыщенностью. Карикатура как предельно упрощенная бинарная конструкция, апеллирующая прежде всего к эмоциональной сфере, стала универсальной моделью изображения мира для всей отечественной журналистики.

Карикатура вписалась в общую карикатурную макроструктуру жанров советской журналистики. Карикатурность их проявлялась в следующих характеристиках: минимизация нейтрального тона, аналитических (сдержанных, рассудительных) материалов, отказ от объективного освещения новостей. Информационный и аналитические жанры фактически оказались подменены публицистическими. Этот феномен можно определить как экспансию публицистического (карикатурного) стиля. Статья в «Литературной энциклопедии» (1929-1930), которую мы рассматривали выше, по сути, концептуализировала это положение дел. Так в ней заявлялось, что к карикатуре «тяготеют всевозможные полемические жанры и журналистика» [21]. Таким образом, между карикатурой и публицистикой и, в свою очередь, между публицистикой и журналистикой был фактически поставлен знак равенства. Данное понимание советской гуманитарной сферы «журналистики» самой себя как карикатурогенерирующей практически совпадает с нашими размышлениями об этом феномене.

Сама картина эпохи, явленная в статьях (насыщение информационного пространства упрощенными эмоциональными (милитаристскими) характеристиками («напряженная», «обостренная», «ломка», «борьба», «опасность», «наибольшее», «наиболее» и т.п.), содержала определенные черты карикатуры. Авторы статей как бы демонстрировали пример использования метода карикатуризации. Основой его явились эмоциональная взвинченность, возбуждение, истерический тон, наэлектризованная атмосфера сообщения. Фиксируются предельные эмоциональные состояния изображаемых персонажей, так же максимальна амплитуда якобы

ответной реакции на событие («агрессивное» действие, «угрозы врагов» и т.п.), резкие тона расщепляют эмоциональный спектр на два цвета – белый и черный. Этот взгляд на мир способствовал разведению журналистской жанровой структуры на две большие группы жанров (метажанров): Славы (панегирика) и Поношения (проклятия), которые в целом представляли два крыла единого супержанра – Апологии власти [23].

В данном случае срабатывала «память жанра» (Бахтин), извлекающая примеры из средневеково-феодального (религиозного) прошлого (просьба-молитва, молитва-прославление, икона, житие, хождение, видение, толкование священных текстов, воинская повесть, проклятия) и уголовно-процессуальной сферы (доклад, донос, наводка, сигнал, отчет, служебная записка). Такое подключение архаики и административно-уголовного языка было неизбежно в культуре, отказавшейся от «капитализма» и «буржуазной цивилизации» европейского типа, то есть, от просвещенческих культурных ориентиров. Квазирелигиозный (средневековый) характер коммунистического и фашистского типов тоталитаризма отмечали современники. К примеру, Н.А Бердяев, исследуя «Истоки и смысл русского коммунизма», назвал большевистский режим «обратной теократией». И в наше время Л.Г. Ионин подчеркивает чрезвычайную важность категории «сакральность» как ядра советской «моностилистической культуры, вокруг которого строились все сферы советской жизни» [18, с. 207]. Экспансию мифологических бинарных структур в качестве признака возврата советской культуры к архаике подметили исследователи советской художественной соцреалистической литературы. Так религиозную (икона, житие, хождения) и фольклорную (сказка, народная песня, сказание, утопия и др.) архаику как подоснову (внутреннюю структуру) соцреалистического текста выявили Х. Гюнтер, К. Кларк, Е. Добренко, У. Юстус, и др. М. Балина определила близость жанров советского путевого очерка (жанра пограничного между журналистикой и литературой) и древнерусского хождения [1]. Мифологический аспект советской пропаганды стал объектом внимания Л. Гудкова и Е. Волковой [4; 10]. Напомним, что еще в 1920-х годах Ю.Н. Тынянов предостерегал В.В. Маяковского от излишнего упрощения содержательных схем, грозящих творчеству жанровым распадом на сатиру и оду [33].

Мы, в свою очередь, также определили близость журналистского текста к литературному, к соцреалистическому канону [24]. Хотя совпадение здесь оказалось неполным. Так исследователи

отмечали тенденции к фольклоризации соцреалистического художественного текста к 1930-м годам [30]. В журналистике в целом также был широко представлен этот элемент («сказительница» Марфа Крюкова, «пролетарский» поэт Д. Бедный, частушки и др.). Однако здесь были и свои особенности. Советская газета играла роль прямого связующего звена между сакральной властью и народом, была голосом власти. Поэтому указания в ней превалировали над «народными» откликами (словом). Отсюда определенного рода коррекция в сторону редукции жизнерадостного (псевдонародного) смеха, наиболее громко звучавшего в советских кинокомедиях 1930-х гг., и выхода на первое место квазирелигиозных (серьезных) мотивов, прославления вождя-мессии (партии), трансляции его слова-завета и демонизации всякого рода врагов.

Есть и еще одна немаловажная черта советского журналистского карикатурного восприятия действительности. Публицистичность (элементы критики) сама по себе вовсе не предполагает обязательного оскорбления, унижения объекта (собеседника, оппонента). Публицистический стиль сложен, риторические приемы имеют много степеней и градаций: от тонкой иронии до полного нравственного уничтожения. При всей своей резкости, публицистика как сфера общественной деятельности опирается на определенные этические нормы и правила, в том числе правила приличия, уважения к адресату послания. В советском политическом журналистском дискурсе, в той его части, которая касалась вездесущих «врагов», мы наблюдаем небывалое, к примеру, для дореволюционной журналистики речевое и визуальное (в случае с карикатурным рисунком) поведение. Характерной его особенностью является развязный тон, несдержанность, фамильярность, порой откровенная площадная грубость, претендующая на роль народной (сермяжной) правды. Именно в подобных формах проявлялась «свобода», понимаемая по-советски.

Типичными примерами этого явления служат публикуемые в центральной прессе стихотворные памфлеты крайне популярного и востребованного властью советского поэта Д. Бедного. «Лирический герой» Д. Бедного, действительно, бедный, бедный прежде всего мыслью, представитель социального низа, к тому же не отягощенный грузом высокой культуры и поэтому не выбирающий выражения. Так в «любезном» стихотворении «Англичанка гадит» «пролетарский поэт» представляет Англию в виде «подлой... стервы», «политического бандита», «извечного злодея» России, а английских политиков «твердолобыми» и агрессивными

(«Правда» от 27.02.1927). Стилистика площадной брани наглядно демонстрирует внедряемый в читательскую среду интеллектуальный уровень понимания мира. Характерно и показательно такое соединение формально разнородных видов и жанров (литературное стихотворение, рисунок, собственно журналистский материал, информационное сообщение и др.) в единое внутренне целостное (структурно, стилистически, содержательно) журналистское послание. Оно, на наш взгляд, демонстрирует всю условность традиционного жанро-видового деления в эту эпоху.

II

Конечно, говоря о карикатуризации советского медийного пространства как общественном феномене, мы не можем не затронуть тему урона, наносимого в духовной и интеллектуальной сферах сознанию масс и отдельному человеку. Именно через карикатуру наиболее полно проявились особенности советской журналистики (как, впрочем, и всей гуманитарной мысли). Одной из этих особенностей было (вряд ли осознанное и уж точно не высказанное) стремление к архаизации сознания советского человека, к воссозданию своего рода гибридного человека. Этот «новый человек» вобрал в себя, с одной стороны, внешние достижения современной европейской цивилизации. Они включали образовательные навыки, владение научной терминологией, просвещенческую риторику, знакомство с новыми технологиями и технологическими инновациями, возможное высокое техническое образование, внимание к международным событиям и вовлеченность в эту проблематику и т.п. С другой стороны, в общественно-гражданской сфере человек советский представлял собой существо, мыслящее глубоко архаически.

Именно вторая сторона (архаика) в событиях большевистской революции бросилась в глаза русским интеллектуалам. Среди них оказались философы, писатели, экономисты: П.Б. Струве, С.Л. Франк, Г.П. Федотов, Н.А. Бердяев [см.: 20], М.А. Булгаков («Собачье сердце») и другие. Они отметили зарождение нового антропологического типа. Власти осталось закрепить «успех» и сделать этот тип массовым и самовоспроизводимым. Для решения этой задачи новой журналистике пришлось стереть общественную (политическую, историческую) память дореволюционных лет, чтобы, перепрыгнув назад через эпоху, впитавшую в себя достижения европейской (общественной и политической) модернизации, выйти в конце концов на человека допросвещенческой эры.

История советских СМИ 1920-1930-х гг. есть история забвения достижений современной цивилизации, фундаментальных ценностей Просвещения (защиты «маленького человека», политических свобод, свободы слова и выступлений, парламентаризма, принципа разделения властей и т. д.), своего рода нырок в прошлое. Само по себе главенство эмоциональных аспектов над интеллектуально-аналитическими, сказывающееся, в том числе, в отходе от аналитического подхода (аналитических жанров в СМИ), говорит о тенденции к деинтеллектуализации общественного дискурса.

В советских СМИ этого периода воссоздается особая гротесковая карикатурная расчеловеченная реальность, которая стала мощным фактором дегуманизации общества. Гипербола, намеренное искажение пропорций, высмеивание, глумление над политическим оппонентами практически закрывают пути к нормальному диалогу с объектом изображения. Карикатура становится метафорой осмысления мира как войны, с характерными для нее контрастом (Добро – Зло), преувеличениями, разрушительными актами, нравственным разрывом с несоветским (неправедным, лживым) миром, пафосом его уничтожения. Карикатурная эсхатологическая теория предполагает несовместимость Света и Мрака, Порядка и Хаоса, долженствующую разрешиться последней великой войной и победой сил Добра. Собственно, само карикатурное сообщение есть поле битвы, на котором здесь и сейчас одерживается символическая риторическая (нравственная) победа над врагом. Результат этой победы – чувство превосходства уцелевшего советского человека над низвергаемыми в Ад собственными и иностранными «врагами народа».

Карикатурная реальность практически исключала иронические интонации в отношении к самим себе, примирительный тон и направленность на другого, ориентировала не на дискуссию и определение истины, а на дискредитацию оппонента, поиск в нем смешного, уродливого (даже во внешности), над чем непременно нужно смеяться, потешаться. Этот стиль мышления прививался в СССР в отношении всех политических оппонентов власти. Главным и наиболее востребованным в советских СМИ стал остроумный, хлесткий, яркий эмоциональный образ, а не развернутое серьезное обсуждение проблемы.

Карикатуризация как метод мышления пронизала буквально все сферы советского общественно-политического дискурса (государственно-правовую, экономическую и социальные). В качестве примера возьмем для

начала международную проблематику. Первые полосы «Правды» в подавляющем большинстве случаев уделяли повышенное внимание международным событиям. Так карикатуризации была подвергнута область международного права, государственного суверенитета. Развенчание зарубежных так называемых «буржуазных» правительств (прежде всего английского) – постоянная тема выходивших печатных материалов и карикатур. Иностранное правительство, как правило, подается как «клика», сборище авантюристов и нравственных уродов, противящихся интересам собственного народа и даже бизнеса («Английские деловые круги против разрыва с СССР» («Правда» от 27.02.1927). Карикатура дополняет газетные тексты, окончательно расчеловечивая персонажей. В карикатурных сериях Дени («Игрушки Дени», «Елочные украшения Дени»), зарубежные национальные лидеры представлены в виде кукол, запрограммированных на одно механическое, бессмысленное действие (подчинение или/и агрессия). Кроме того, рисунки были призваны вызвать у зрителя чувство презрения к деятельности всемирных организаций (Лига Наций) и международных конференций, «управляемых» высокопоставленными «ставленниками мирового капитала» [15].

Сарказм в отношении к демократически избранным органам власти, дополняющийся неуважением к международно-признанным договорам, порождал представление об иллюзорности, шаткости и условности (временности, проницаемости) государственных границ. Порой в текстах толковалось, в каких случаях и кому позволено нарушать нормы международного права, а кому нет: «Одно дело, когда социалистическая республика в целях освобождения пролетариата поддерживает угнетаемые, в том числе и буржуазные страны... Другое совсем противоположное дело, когда империалисты выступают против социалистической республики...» («Правда» от 27.02.1927). Материалы зачастую сочетают бахвальство, хвастливую демонстрацию мощи и прямые угрозы в адрес иностранных государств: «Нам никто не может и не имеет права мешать помогать вашим борющимся братьям в их схватках с мировой буржуазией. Нам никто не запретит питать симпатии к пробуждающемуся и пробудившемуся Востоку». Из Д. Бедного: «Вам советская власть не мила?... Она с вашими рабочими якшается? / Она в китайские дела / Совсем не по-вашему мешается? / Она прогнавши своих богачей / С чужими тож не церемонится?... На своем пути ни перед кем не посторонится?..»

(«Правда» от 27.02.1927).

Склонность к эмоциональной трактовке событий в категориях «классовая справедливость», «классовая правота», «возмездие» и других подобных способствовала формированию советского человека как человека внеправового сознания, игнорирующего правила международного поведения. Цинизм и глумление над якобы не работающими демократическими институтами – парламентами, состоявшими из «продажных политиканов», разоблачаемыми как ширма для деятельности настоящих «кукловодов» – «денежных мешков», рождало презрение к этим институтам, вырабатывало устойчивые массовые представления об ущербности парламентской формы демократии, о невозможности демократии где-нибудь, кроме СССР. Но это только одна сторона вопроса. Карикатурность самой ситуации состоит в том, что в качестве альтернативы, образца демократии, предлагался режим, который демократическим можно назвать только будучи, как говорят психологи, в «измененном состоянии сознания». Данное парадоксальное положение было навязано обществу, стремительно терявшему в 1920-е годы способность к пониманию довольно простых для современного цивилизованного человека вещей. К примеру, что принуждение к политическим, социальным и даже к культурным акциям (парадам, шествиям, митингам) – это плохо; что выборы – это когда граждане выбирают депутатов из некоторого числа (не равного одному); что граждане должны влиять на власть и формировать ее; что вмешательство государства во все сферы, включая личную, также нехорошо. Советский человек приучался жить в подмененной (карикатурной) реальности, где слова и термины существовали как бы отдельно от их настоящего (словарного) значения («гражданин», «гражданские права», «выборы», «митинг», «парламент», «республика», «профсоюз», «творческий союз», «централизованная демократия», «советская демократия» и т. п.).

Экономика и сфера финансов – области, также претерпевшие от упрощения и деинтеллектуализации. Так, правилом в советской журналистике становится весьма однобокое понимание экономических отношений как детерминированных политическими связями в духе суверен (США, Англия) – вассал (Европа) или пронизанных «хищническими инстинктами» буржуазии. Так, карикатура Дени «Капитал» (чудовище, опутавшее заводы паутиной и сидящее на деньгах) дополнена одноименным сочинением Д. Бедного со словами: «Любуясь дивною картиной, / Рабы, склонитесь предо мной! / Своей стальною паутиной / Опутал я весь шар земной. /

Я – воплощение капитала. / Я – повелитель мировой. / Волшебный блеск и звон металла – / Мой взгляд и голос властный мой» (1919). Показательна похвала, данная «настоящему газетчику» Дени его братом Моором. Моор отметил, что этот художник не только «чрезвычайно острый тематически», но и «общедоступный по концентрированной простоте» [15].

Простота, снижение интеллектуального уровня, повышенная агрессивность явились универсальными характеристиками текстов эпохи. В.В. Маяковский в своем стихотворении «Лицо классового врага», опубликованном в «Комсомольской правде» (29.02.1928), выводит на чистую воду «ихнюю орду» (врагов советской власти), замечая по ходу сюжета, что в этом деле он далеко не первый: «Кулака / чернят – / не так ли? – / все плакаты, / все спектакли». Тем не менее, поэт пытается вставить свое свежее слово в хор обличителей. Он предлагает пересмотреть ставшие ко второй половине 1920-х классическими образы «частников» – нэпманов и кулаков. «Раздраконенные Дени .../ Толстый, низенького роста.../ Омерзительнейший вид. / А из лысинных целин / подымается – / цилиндр»¹. Эти персонажи, по мнению «первого поэта революции», устарели; в реальности их сменили «буржуй-нуво» и «новый кулак». Стихотворение В.В. Маяковского также во многом обнаруживает признаки жанра доноса. Его главная задача – «распознать буржуя», «врага», «перекрашенного кулака» с целью его нейтрализации. Примечательно то, что несмотря на попытку создать «новый» образ, логика упрощения советской культуры работала безотказно. Поэт смог предложить только внешне «усложненный» («перекрашенный») образ («перекрасил кулак и вид и масть... изменилась кулачья видимость», «завел бородку... в косоворотке... худ с лица... на тракторе прет»). «Нутро» осталось всё тем же – карикатурным («паучьи лапы... собакой сидит на своем добре... глаза на выкате»). Оно материализуется «вечером», в «театре» «бриллиантами», «обрезами», и т. п.². Как видим, архаизация (оглушение) сознания, настроенного на поиски «козней» и классовую конспирологию, влекла за собой не только примитивную терминологию и лексику, но и порождала деформированный мир, полный страхов, подозрительности, недоверия, отчуждения и агрессии.

¹ Маяковский В.В. Лицо классового врага. [Электронный ресурс] URL: <http://www.stihi-xix-xx-vekov.ru/m-stih362.html> (дата обращения: 11.10.2016)

² Там же.

Неспособность ответить на вызовы современности проявилась в неумении адекватно осмыслить новые культурные феномены, такие как «фашизм», да и себя самих. Хотя скорее нужно говорить о другом, о сокрытии советской журналистикой и всей гуманитарной сферой истинных черт фашизма. Со времени появления фашизма в 1923 году в Италии и идентификации его мировой общественностью как абсолютного зла, советская центральная пресса охотно использовала антифашистскую терминологию. Однако сам фашизм как политическое понятие не получил сколько-нибудь развернутого, полного толкования ни в советской журналистике, ни в науке, ни в искусстве. Скорее наоборот, понимание фашизма сужалось (на первое место выходил антикоммунизм) и искажалось за счет отнесения его к капиталистической цивилизации. Изредка было возможно и более глубокое понимание фашизма (в творчестве И. Эренбурга довоенного и военного периодов), но в целом ограниченное все теми же идеологическими рамками [см.: 26; 27]. Попытки же более полного раскрытия культурно-исторических и общественно-психологических аспектов данного явления решительно пресекались. Так острая и пронизательная антифашистская пьеса-сказка Е.Б. Шварца «Дракон» (1943) была разоблачена в газете «Литература и искусство» («Литературная газета») как «вредная антиисторическая и антинародная», «обывательская точка зрения на современность», «беспардонная фантастика», «пасквиль, клевета»³ и, в конце концов, запрещена.

А тем временем отечественные социально-политические мыслители в изгнании (такие как И.Л. Солоневич, Н.А. Бердяев, Л.Д. Троцкий, Б. Суварин (Лившиц), П.Б. Струве) двигались в одном направлении с европейскими исследователями (Л. Стурцо, Д. Амэндола, П. Гобетти, П. Жан-Люк, А. Жид, Ивон (Робер Гиенэф), П. Клодель, П. Паскаль, А. Цилик и другие). Обе исследовательские ветви пришли к сходному осмыслению феноменов фашизма и коммунизма как политических режимов, тяготеющих к варваризации, упрощению, тотальному насилию и агрессии, направленным вовне («освободительные походы», создание так называемых «народных республик», подрыв старых демократий) и внутрь общества (истребление независимых организаций, создание всевластной бюрократии, репрессии против политических оппонентов), а также и внутри каждого человека (подавление личных желаний

³ Бородин С. Вредная сказка // Литература и искусство: газета. 1944. № 13. С. 7.

во имя построения идеального антропологического типа – «нового человека»).

В отечественной же прессе в 1920-е годы разоблачающая антифашистская терминология служила инструментом борьбы не только с фашистскими режимами, но и с европейскими демократиями. Обличение собственно фашистских государств в советском журналистском послании занимает непропорционально малое место. Зато в это число попадали соседние с СССР государства: прибалтийские Литва (см. «Правда» 1926-1927 гг.) и Польша («Воинственные замыслы Пилсудского» («Правда» от 05.01.1927)). Досталось и тайным, но, конечно же, разоблаченным бдительными советскими «журналистами», «намерениям» США. В карикатуре Дени «Лицо фашизма» (1927) на фоне Белого дома изображена обезьяна с ножом, во фраке и «буржуйском» цилиндре со свастикой.

Главным же международным «фашистом» была объявлена «лицемерная» Англия, страна с наиболее развитыми институтами демократии, сформировавшимся гражданским обществом и либеральными традициями. Именно Англия, по мнению советских «журналистов», «готовит кровавый фашистский поход против СССР» («Правда», от 05.01.1927). Пример Англии свидетельствует о том, что список «фашистских» государств пополнялся волонтаристски, в зависимости от политической конъюнктуры. Туда попадали и страны, настроенные решительно против репрессий большевиков внутри страны, и политики «экспорта революции». Критика в сторону советских властей подавалась как нападки «фашистов» на Советский Союз («Правда», от 27.02.1927).

Партийная сфера также испытала на себе воздействие метода карикатуризации действительности. Естественно, что партиями, соответствовавшими советским политическим нормам, признавались только партии леворадикальные (коммунистические). Антифашистскому развенчанию подверглись практически все парламентские и непарламентские партии (от крайне левых до правых). Так рисунком 1930 года «XVI съезд партии» подчеркивается единство устремлений фашистов, социал-демократов и троцкистов, в «бессильной злобе» строящих «козни» партийному съезду. На эту же тему карикатура «Уничтожить гадину. Стереть с лица земли врага народа Троцкого и его кровавую фашистскую шайку» (1937), рисунок Дени «Фашисты и Иуда Троцкий шагают к своей гибели» (1937) с очередным стихотворением Д. Бедного «Шагают

к гибели своей»).

Борьба против демократических организаций (партий и движений) право- и левоцентристских и левых велась буквально с первых дней революции. Следует сказать, что отдельной строкой в этом партийном списке стоят европейские социал-демократы и российские меньшевики. Европейское социал-демократическое движение подвергается тотальной дискриминации и клеймению как предательское, соглашательское. Даются характеристики в высшей степени негативные: «гоп-компания», «берлинские социал-Иуды», «социал-клеветники», «социал-шулеры», «социал-демократические служаки капитала», «махровый социал-империализм», «отхожее место германской социал-демократической прессы», «лавочка» и «болтуны» («Правда» от 27.02.27). Они – «выживший из ума обер-предатель Каутский с белыми проходимцами... с социал-гранатчиками, с пилсудчиками» «в подлом канкане», «вкупе с... негодяем Шварцем... паршивой овцой», «торгуют распостигуированными телами и душами», «обрушиваются», «клеветуют», «захлебываются от восторга», поют «старую демагогическую песню», организуют «гранатную», «мерзопакостную травлю» страны Советов, готовят «чудовищное предательство пролетариата», «нанизывают легенду за легендой, одну пошлей, отвратительней, несуразнее другой» («Правда» от 27.02.1927: речь шла о вмешательстве Советского Союза во внутренние дела Китая). Социал-демократы, отказавшись от партийной солидарности, «посмели» разоблачать СССР как «империалистическую страну», а печатный «Орган С.-Д. солидаризируется с твердолобыми» («Правда» от 27.02.1927). И конечно, у этих «палачей и предателей пролетариата» нет «никаких фактов», только «жалкий аргумент», все их слова – это «чепуха», «небылицы», «сюсюканье», «мракобесие», «чихание», «какофония», «дикая претензия», «чемберленовская провокация» и только «косвенные улики». Все их обвинения есть не более чем «гнусная провокация», месть против страны, которая развернула «беспощадную борьбу с фашистской опасностью». Социал-демократы только отвлекают внимание граждан от «зверств фашистских банд», от того, что «загуляла фашистская секира в Литве», они пытаются «заглушить стоны казнимых, пытаемых литовских коммунистов» в то время как «по всей Германии ширится движение против фашистского террора в Литве» («Правда» от 05.01.1927: «Откровенная беседа двух охранников»). Весь материал содержательно выстроен так, чтобы он был понятен «любому бесхитроственному пролетарскому уму» («От Рут Фишер до Чемберлена» редакторский материал в «Правде» от 05.01.1927). Журналистские

публикации размещены рядом с карикатурой Дени под названием «Российский меньшевик: - Разрешите поднести к стопам Вашим этот “коврик”». На карикатуре изображен российский социал-демократ, в угодливо-униженной позе предлагающий вальяжно раскинувшись в кресле представителю высших властных «буржуазных» кругов газету «Социалистический вестник». В преамбуле заявляется, что «В статьях своего органа “Социалистический вестник” российские меньшевики становятся на сторону английского империализма в его борьбе с Советским Союзом».

Другие карикатуры Дени: «Социалистический юбиляр» (объект Ф. Шейдеман), «Каутский-Собакевич», «Марксизм Карла Каутского» (1925) также направлены на разоблачение европейских социал-демократов. Естественно, что карикатурное видение запрещало даже мысль о сотрудничестве европейских коммунистов с социал-демократами, воспринимавшемся как позорные уступки. Так «Правда» приветствовала раскол между левыми силами в Чехословакии. Коммунисты на запрос чехословацких социал-демократов об объединении на голосовании по вопросу о «реакционном законопроекте о местном самоуправлении» решительно отвергли возможность создания «единого фронта с буржуазными оппозиционными партиями», зато «предложили организацию объединенной борьбы вне парламента...» («Правда» от 05.01.1927).

Подведем итог.

В 1920-х – начале 1930-х годов политическая карикатура стала едва ли не основным методом описания социальной действительности, воплощением упрощенного советского понимания мира. Она идеально подошла к латентным задачам, поставленным советской властью перед гуманитарной сферой. Одной из таких задач было создание «нового человека» – человека архаического, с деформированным политологическим знанием, формировавшимся в атмосфере подозрительности и глубокого недоверия к демократическим институтам и организациям, человека нечувствительного к сложности, многообразию, многоуровневым описаниям, склонного к упрощенным мыслительным конструкциям; при этом самодовольно убежденного в своем нравственном и интеллектуальном превосходстве над представителями «буржуазной» цивилизации. Советская журналистика, формирующая общую карикатурную модель реальности, стала мощной силой, направляющей общество в сторону дегуманизации и деинтеллектуализации.

Литература

1. Балина, М. Литература путешествий // Соцреалистический канон / под общ. ред. Х. Гюнтера и Е. Добренко. СПб.: Академический проект, 2000. С. 896–909.
2. Бердяев, Н.А. Была ли в России революция. [Электронный ресурс] URL: <http://lib.rin.ru/doc/i/39207p2.html> (дата обращения: 19.10.2016).
3. Власенко, Е. Художник Михаил Златковский: «власть не выдержит насмешки». [Электронный ресурс] URL: <http://www.svoboda.org/a/24092802.html> (дата обращения: 19.10.2016).
4. Волкова, Е.П. К вопросу о генезисе идеологемы «врага» в советской пропаганде: мифологический аспект // История отечественных СМИ. Отечественная журналистика как единый историко-публицистический процесс. Ежегодник–2012. М.: Факультет журналистики МГУ, 2013. С. 22–36.
5. Геллер, Л. Возвышенное в системе ждановского социалистического реализма // Венский славистический альманах. 1994. № 34. С. 81–114.
6. Голиков, А.Г., Рыбачёнок, И.С. Смех – дело серьезное. Россия и мир на рубеже XIX-XX веков в политической карикатуре. М.: Институт российской истории РАН, 2010, 328 с.
7. Голубев, А.В. "Европы мрачен горизонт": образ Запада в советской карикатуре 1920-х годов // Преподавание истории в школе. 2008. № 1. С. 27–33.
8. Голубев, А.В. «Наш ответ Чемберлену»: Советская политическая карикатура 1920–1930-х годов // Историк и художник. 2004. № 2. С. 122–139.
9. Грет, К. Le dessin de caricature en Russe comme miroir des représentations. 2002-2003. [Электронный ресурс] URL: <http://www.cartoonblues.com/forum/viewtopic.php?f=3&t=4049> (дата обращения: 15.10.2016).
10. Гудков, Л.Д. Идеологема «врага» // Гудков Л.Д. Негативная идентичность. Статьи 1997–2002 годов. М.: Новое литературное обозрение, «ВЦИОМ-А», 2004. С. 552–649.
11. Гудков, Л. «Тоталитаризм» как теоретическая рамка: попытки ревизии спорного понятия // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2001. № 6 (56). С. 13–30. [Электронный ресурс] URL: <http://ecsocman.hse.ru/text/18977969/> (дата обращения: 29.11.2016)
12. Ершов, Л.Ф. Сатирические жанры русской советской литературы (от эпиграммы до романа). Л.: Изд-во «Наука», 1977. 284 с.
13. Ефимов, Б.Е. Основы понимания карикатуры. М.: Изд-во Академии художеств СССР, 1961. 71 с.
14. Ефимов, Б. Оружие смеха // Вопросы литературы. 1962. № 1. С. 22-24. [Электронный ресурс] URL: <http://www.ebiblioteka.ru/searchresults/article.jsp?art=37&id=11988609> (дата обращения: 19.10.2016).
15. Забродина, Ю.М. Виктор Дени. Советский политический плакат 20-х годов. [Электронный ресурс] URL: <http://artwork2.com/content/viktor-deni-sovetskii-politicheskii-plakat-20-godov> (дата обращения: 12.10.2016).

16. Златковский, М.М. Борис Ефимов. [Электронный ресурс] URL: <http://www.zlatkovsky.ru/text/file/?txt=efimov> (дата обращения: 10.10.2016).
17. Златковский, М.М. Борис Ефимов: 108 лет без совести. [Электронный ресурс] URL: <http://tapir.livejournal.com/1597714.html> (дата обращения: 10.10.2016).
18. Ионин, Л.Г. Социология культуры: путь в новое тысячелетие. М.: «Логос», 2000. 432 с.
19. История России. XX век: 1894-1939 / под ред. А.Б. Зубова. М.: Астрель АСТ, 2010. 1023 с.
20. Кара-Мурза, А.А., Поляков, Л.В. (сост.). Русские о большевизме. Опыт аналитической антологии / А. А. Кара-Мурза, Л. В. Поляков; Ин-т философии РАН. СПб.: Изд-во РХГИ, 1999. 440 с.
21. Карикатура // Литературная энциклопедия. В 11 т. Под ред. В.М. Фриче, А.В. Луначарского. М.: Изд-во Коммунистической академии, Советская энциклопедия, Художественная литература, 1929–1939. [Электронный ресурс] URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_literature/2210/Карикатура (дата обращения: 19.10.2016).
22. Кларк, К. Советский роман: история как ритуал. Екатеринбург: Изд-во Уральского Университета, 2002. [Электронный ресурс] URL: <http://www.fedy-diary.ru/?p=2465> (дата обращения: 19.10.2016).
23. Меринов, В.Ю. Жанровые особенности советской журналистики 1930-х – начала 1950-х гг. (к постановке проблемы) // В.Ю. Меринов. Советская журналистика 1930-х – начала 1950-х гг. как культурный феномен. Белгород: ИП Остащенко А.А., 2015. С. 103–122.
24. Меринов, В.Ю. Советская журналистика 30-х – начала 50-х годов как искусство соцреализма. Стихия и отрицательный персонаж // Сетевой журнал «Научный результат». Серия «Социальные и гуманитарные исследования». 2015. Т. 1, № 4 (6). С. 51–56. DOI: 10.18413/2408-932X-2015-1-4-51-56
25. Меринов, В.Ю. Типологические особенности советской центральной прессы (на примере газеты «Правда») // Дискурс современных масс-медиа в перспективе теории, социальной практики и образования: II Международная научно-практическая конференция. Актуальные проблемы современной медиалингвистики и медиакритики в России и за рубежом: II Международный научный семинар. Белгород, НИУ «БелГУ», 5–7 октября 2016 г.: сб. науч. работ / под ред. Е.А. Кожемякина, А.В. Полонского. Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2016. С. 183–194.
26. Меринов, В.Ю., Световой, Д.В. Концепт «фашизм» в советской гуманитарной мысли (на примере публицистики И.Г. Эренбурга) // Современный дискурс-анализ. Электронный журнал www.discourseanalysis.org 2016. Вып. 15. С. 12–19.
27. Меринов, В.Ю., Световой, Д.В. Фашистские вожди в публицистике Ильи Эренбурга // Научные ведомости БелГУ. Серия Гуманитарные науки. 2015. № 12 (209). Вып. 26. С. 93–101.
28. Мочалов, В.Г. О себе и не только. [Электронный ресурс] URL: <http://www.motchalov.ru/text.htm> (дата обращения: 09.10.2016).
29. Римский, В.П. Тоталитарный космос и человек. Белгород: Изд-во Белгородского гос. ун-та, 1998. 126 с.
30. Соцреалистический канон. Сб. статей / Под ред. Х. Гюнтера и Е. Добренко. М.: Академический проект, 2000. 1040 с.
31. Токарев, В.А. «Польша сгинела»: окарикатуренные миры советской пропаганды (1939 год) // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. 4. М., 2007. С. 216–233.
32. 300 лет российской печати / Ред.-сост. И. Яковенко, Л. Жуковская, И. Соколова и др. М.: «Известия», 2003. 562 с.
33. Тынянов, Ю.Н. Промежуток. [Электронный ресурс] URL: <http://feb-web.ru/feb/classics/critics/tynianov/t77/t77-168-.htm> (дата обращения: 03.10.2016).
34. Федотов, Г.П. Сумерки отечества // Федотов Г.П. Судьба и грехи России. Избранные статьи по философии русской мысли и культуры / Сост., вступит. статья, примеч. Бойкова В.Ф. СПб.: Изд-во «София», 1991. С. 319–329.
35. Яковенко, И. Выступление на «круглом столе» «Есть ли логика в отечественной истории?» // Знание – сила. 1990. № 11. С. 27.

References

- Balina, M. Travel Literature. (in Russ.) *Socialist Realism Canon*. Ed. by H. Gunther and E. Dobrenko. St. Petersburg: Akademicheskii proekt, 2000. Pp. 896-909.
- Berdyayev, N. A. *Was there a Revolution in Russia*. (in Russ.) [Online] URL: <http://lib.rin.ru/doc/i/39207p2.html> (date of access: October 19, 2016).
- Vlasenko, E. *Artist Michael Zlatkovsky: "The Government Can Not Stand the Ridicule"*. (in Russ.) [Online] URL: <http://www.svoboda.org/a/24092802.html> (date of access: October 19, 2016).
- Volkova, E. P. About the Genesis of the Ideologeme "Enemy" In The Soviet Propaganda: The Mythological Aspect (in Russ.) *History of the Domestic Media. Patriotic Journalism as a Unified Historical and Journalistic Process. Annual –2012*. Moscow: Faculty of Journalism, Moscow State University, 2013. Pp. 22-36.
- Geller, L. The Sublime in Zhdanov Socialist Realism System. (in Russ.) *Wiener Slawistischer Almanach*. No. 34. 1994. Pp. 81-114.
- Golikov, A. G. and Rybachenok, I.S. *Laughter is a Serious Matter. Russia and the World at the Turn of XIX-XX Centuries in the Political Cartoon*. Moscow: Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences. 2010, 328 p. (in Russ.)
- Golubev, A. V. "Europe's Gloomy Horizon": The Image of the West in the Soviet Caricature of the 1920s (in Russ.) *Prepodavanie istorii v shkole [The teaching of history in schools]*. No. 1. 2008. Pp. 27-33.
- Golubev, A. V. "Our Response to Chamberlain": Soviet Political Caricature of the 1920-1930s (in Russ.) *Istoriik i khudozhnik [Historian and artist]*. 2004. No. 2. Pp. 122-139.

9. Karine Greth. Le dessin de caricature en Russe comme miroir des représentations. 2002-2003. [Online] URL: <http://www.cartoonblues.com/forum/viewtopic.php?f=3&t=4049> (date of access: October 15, 2016).
10. Gudkov, L. D. The Ideologeme "Enemy" (in Russ.). *Negative Identity. Articles, 1997-2002*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, «VCIOM-A», 2004. Pp. 552-649.
11. Gudkov, L. "Totalitarianism" as a Theoretical Frame: Attempts to Revise the Controversial Concepts (in Russ.) *The Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal*. No. 6 (56). 2001. Pp. 13-30. [Online] URL: <http://ecsocman.hse.ru/text/18977969/> (date of access: October 29, 2016)
12. Ershov, L. F. *Satirical Genres of the Russian Soviet Literature (from Epigrams to the Novel)*. Leningrad: Nauka, 1977. 284 p. (in Russ.)
13. Efimov, B. E. *The Basic Understanding of Caricature*. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Arts, 1961. 71 p. (in Russ.)
14. Efimov, B. Laughter Weapons (in Russ.) *Voprosy literatury*. No. 1. 1962. Pp. 22-24. [Online] URL: <http://www.ebiblioteka.ru/searchresults/article.jsp?art=37&id=11988609> (date of access: October 19, 2016).
15. Zabrodina, Y. M. *Victor Deni. Soviet Political Poster of 20s*. (in Russ.) [Online] URL: <http://artwork2.com/content/viktor-deni-sovetskii-politicheskii-plakat-20-godov> (date of access: October 12, 2016).
16. Zlatkovsky, M. M. *Boris Yefimov*. (in Russ.) [Online] URL: <http://www.zlatkovsky.ru/text/file/?txt=efimov> (date of access: October 10, 2016).
17. Zlatkovsky, M. M. *Boris Yefimov: 108 Years Without Conscience*. (in Russ.) [Online] URL: <http://tapirr.livejournal.com/1597714.html> (date of access: October 10, 2016).
18. Ionin, L. G. *Sociology of Culture: The Way into the New Millennium*. Moscow: Logos, 2000. 432 p. (in Russ.)
19. Zubov, A. B. (ed.) *Russian History. The Twentieth Century: 1894-1939*. Moscow: Astrel' AST, 2010. 1023 p. (in Russ.)
20. Kara-Murza, A. A. and Polyakov, L. V. (ed.) *Russian Bolshevism. The Experience of Analytical Anthology*. St. Petersburg: Publishing House of the Russian Christian Humanitarian Institute, 1999. 440 p. (in Russ.)
21. Fritsche, V. M. and Lunacharsky, A. (ed.) *Caricature. The Literary Encyclopedia. In 11 vols*. Moscow: Publishing House of the Communist Academy, Sovetskaya encyclopedia, Khudozhestvennaya literatura, 1929–1939. (in Russ.) [Online] URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_literature/2210/Карикатура (date of access: October 19, 2016).
22. Clark, K. *The Soviet Novel: History as Ritual*. Yekaterinburg: Publishing House of the Ural University, 2002. (in Russ.) [Online] URL: <http://www.fedydiary.ru/?p=2465> (date of access: October 19, 2016).
23. Merinov, V. Yu. Genre Features of the Soviet Journalism in the 30s – Early 50s. (about the Problem). (in Russ.) *Soviet Journalism of the Years 30s – Early 50s as a Cultural Phenomenon*. Belgorod: Publishing Ostashchenko A.A., 2015. Pp. 103-122.
24. Merinov, V. Yu. The Soviet Journalism in the 30s – Early 50s as the Art of Socialist Realism. Spontaneity and a Negative Character (in Russ.) *Research Result. Series "Social and human studies"*. Vol. 1, No. 4 (6). 2015. Pp. 51-56. DOI: 10.18413/2408-932X-2015-1-4-51-56
25. Merinov, V. Yu. Typological Features of the Soviet National Press (Case of "Pravda" Newspaper) (in Russ.) *The Discourse of Modern Mass Media in the Perspective of the Theory, Social Practice and Education: Actual Problems of Modern Media Linguistics and Media Criticism in Russia and Abroad*. Belgorod: Publishing House «Belgorod», Belgorod National Research University, 2016. Pp. 183-194.
26. Merinov, V. Yu. and Svetovoy, D. V. The Concept of "Fascism" in the Soviet Humanitarian Thought (Example of the Publicism of I. G. Ehrenburg) (in Russ.) *Sovremenny diskurs-analiz*. Online Scientific Magazine: www.discourseanalysis.org. Iss. 15. 2016. Pp. 12-19.
27. Merinov, V. Yu. and Svetovoy, D. V. Fascist Leaders in the Publicism of Ilya Ehrenburg. (in Russ.) *Belgorod State University Scientific Bulletin. Humanities: Philology, Journalism, Pedagogy, Psychology*. No. 12 (209). Iss. 26. 2015. Pp. 93-101.
28. Mochalov, V. G. *About Myself and Not Only*. (in Russ.) [Online] URL: <http://www.mochalov.ru/text.htm> (date of access: October 9, 2016).
29. Rimsky, V. P. *The Totalitarian Space and Man*. Belgorod: Publishing House of Belgorod State University, 1998. 126 p. (in Russ.)
30. Gunther, H. and Dobrenko, E. (ed.) *Socialist Realism Canon*. Moscow: Akademicheskii proekt, 2000. 1040 p. (in Russ.)
31. Tokarev, V. A. "Polska Sginela": Cartoon Worlds of the Soviet Propaganda (1939) (in Russ.) *Russia and the World Through the Eyes of Each Other: From the History of Mutual Perception*. Iss. 4. Moscow, 2007. Pp. 216–233.
32. *300 Years of Russian Press*. Ed. by I. Yakovenko, L. Zhukovskaya, I. Sokolova etc. Moscow: "Izvestia", 2003. 562 p. (in Russ.)
33. Tynyanov, Yu. N. *The Gap*. (in Russ.) [Online] URL: <http://feb-web.ru/feb/classics/critics/tynianov/t77/t77-168-.htm> (date of access: October 3, 2016).
34. Fedotov, G. P. The Twilight of the Fatherland. (in Russ.) *The Fate and the Sins of Russia. Selected Articles on the Philosophy of Russian Thought and Culture*. Coll. by Boikov V. F. St. Petersburg: "Sofia", 1991. Pp. 319–329.
35. Yakovenko, I. Speech at the "Round Table" "Is there any Logic in the Russian History?" (in Russ.) *Znanie – sila [Knowledge - force]*. No. 11. 1990. Pp. 27.

ОБ АВТОРЕ:

Меринов Валерий Юрьевич, кандидат философских наук, доцент кафедры журналистики, факультет журналистики, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, 85, г. Белгород, 308015, Россия. E-mail: merinov@bsu.edu.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Valery Yu. Merinov, PhD in Philosophy, Associate Professor, Department of Journalism, Faculty of Journalism, Belgorod National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia. E-mail: merinov@bsu.edu.ru

УДК 82.09 (2=Рус) : 82.09.'06 (410)

DOI: 10.18413/2408-932X-2016-2-4-40-48

Бардыкова И. В.

**ПРОБЛЕМА ПРЕСТУПЛЕНИЯ В РОМАНАХ «БЕСЫ»
Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО И «1984» ДЖ. ОРУЭЛЛА**

Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, 85, г. Белгород, 308015, Россия. E-mail: IBardykova@bsu.edu.ru

Аннотация. В статье с точки зрения интертекстуальной поэтики рассматривается проблема «Оруэлл и Достоевский». Автор статьи исходит из того, что интертекстуальность является формой существования художественной литературы, и ни один текст не свободен от внешних влияний, которые распространяются и на его жанр, и на мельчайшие языковые структуры – в виде цитат, аллюзий, реминисценций, использования чужих слов. В статье демонстрируется, что предметом интертекстуальной поэтики является не текст произведения сам по себе, а всё то, что включает данный текст в явные или неявные отношения с другими текстами, своего рода текстовая интерференция. Предмет исследования – межтекстовые связи романов «1984» Дж. Оруэлла и «Бесы» Ф.М. Достоевского. Новым ракурсом и измерением межтекстового взаимодействия стала сквозная для творчества обоих художников проблема преступления. В задачу исследования входит раскрыть механизмы внедрения, ассимиляции и трансформации элементов претекста («Бесы») в манифестный текст («1984»), на сюжетном материале с общей тематической мотивированностью показать, как осуществляется процесс интертекстуализации. В работе исследованы общие мотивы, фабульные элементы, трансформации и модификации содержательного уровня, связанные с описанием разных типов преступников, видов преступлений, их причин и следствий. Образ «человека беззакония и беспредела» у Достоевского (Петр Верховенский, Шигалев, Ставрогин, Федька Каторжный) становится архетипическим и являет собой своего рода матрицу, поведенческую модель, воплощенную в образах романа «1984» (О’Брайен, Смит, Сайм, Парсонс).

Ключевые слова: Достоевский; Оруэлл; претекст; манифестный текст; интертекст; латентная интертекстуальность; преступление; реминисценция; трансформация.

Bardykova I. V.

**THE PROBLEM OF CRIME IN FYODOR DOSTOEVSKY'S NOVEL
“DEMONS” AND GEORGE ORWELL’S “1984”**

Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia. E-mail: IBardykova@bsu.edu.ru

Abstract. The article considers the problem of “Orwell and Dostoevsky” from the point of the intertextual poetic. The author proceeds from the position that intertextuality is a form of existence of literature, and there isn’t any text which is free from the external influences, which spread over the genres and the smallest language elements, such as quotations, allusions, reminiscences and using the words of others. In the article, it is demonstrated that the object of intertextual poetics is not a text *per se* but those that include this text in visible and latent relations with other texts, some kind of text interference. The subject of the study is the intertextual links of the novels “1984” by G. Orwell and “Demons” by F.M. Dostoevsky. The problem of crime, common for both writers, has become a new perspective and dimension of intertextual relations. The study is aimed at revealing the mechanisms of incorporation, assimilation and transformation of the elements of pre-text (“Demons”) into the manifest text (“1984”), and at illustrating how the process of intertextuality works on the narrative plots with common theme motivation.

The common motives, plot elements, transformations and modifications of events dealing with the description of different types of criminals and crimes, their causes and results are analyzed in the article. The character of a “person of iniquity and lawlessness” from Dostoevsky (Pyotr Verkhovensky, Shigalev, Stavrogin, Fedka the Convict) becomes archetypal and presents itself as a matrix, a behavioral model embodied into the figures of the novel “1984” (O’Brien, Smith, Syme, Parsons).

Key words: Dostoevsky; Orwell; pretext; manifest text; intertext; latent intertextuality; crime; reminiscence; transformation

На первый взгляд, Достоевский и Оруэлл принадлежат к абсолютно разным и несовместимым социально-ценностным и культурным контекстам. Авторы «Бесов» и «1984» разделяет длинная историческая дистанция, несходство мировоззренческих и эстетических взглядов. Тем не менее обоих авторов сближает обостренное восприятие социальных проблем (в частности, проблемы преступления) и сила их провидческого таланта. Особенно продуктивным в данном случае представляется распознавание, идентификация и интерпретация «1984» как манифестного (явного) текста, отсылающего к «Бесам» как претексту, в частности, в аспекте заявленной проблемы. Как утверждает А.К. Устин, есть все основания сравнивать различные области интертекста, одновременные, принадлежащие к разным национальным культурам или разным этапам развития одной культуры [15, с. 85-86].

Изучаемая проблема не случайно занимает важное место в аналитическом инструментарии Достоевского. Факты его личной экзистенциальной драмы (убийство отца крепостными крестьянами, заключение в Петропавловскую крепость в результате обвинения в дерзких замыслах против власти, инсценированное «приглашение на казнь», общение с преступниками на каторге), а также обстоятельства социально-исторического характера способствовали постоянному исследованию феномена преступления как наиболее радикальной и опасной формы зла.

Начиная с «Записок из Мертвого дома», в фокусе внимания писателя оказались *типы преступников, виды преступлений, их криминальные причины, мотивы, цели, логика и последствия*. Проблемное поле произведений Достоевского послекаторжного периода значительно расширилось за счет постановки вопросов, тесно связанных с проблемой природы преступления и личности «человека беззакония»: это проблема насилия, смерти, самоубийства, греха, нравственных аномалий, вины, наказания и возмездия. При этом узко социологический, позитивистский взгляд на решение «больных вопросов» переходного, «осевого», времени Достоевский считал упрощенным, не мог принять теорию среды и социальные детерминанты в качестве единственного объяснения причин возросшего количества преступлений и самоубийств в России 1860-х годов [4, с. 13-23]. В преступлении, по мнению писателя, всегда присутствует нечто загадочное и таинственное,

непроницаемое для рассудочных усилий научно-теоретического анализа. Глубина проработки острых морально-правовых проблем, на его взгляд, достигается только сочетанием двух подходов – социологического и метафизического. В итоге творческое воображение художника-мыслителя поднималось на высоту философских обобщений, а его метод определялся самим Достоевским как «фантастический реализм», претендовавший на то, чтобы сказать последнее слово о мире и человеке, как «реализм мистический» (Н. Бердяев)

Судьба Оруэлла тоже парадигматична, но уже для интеллектуала первой половины XX века. В 1936 г. он принял участие в гражданской войне в Испании, примкнув не к интернациональным бригадам, а к милиции испанских троцкистов ПОУМ («Памяти Каталонии»). Тяжело раненый 33-летний журналист, в вину которому вменялись инакомыслие и «тайный сговор с фашизмом» [16, р. 164], чудом избежал расстрела. Существенным фактором генезиса его политической философии стали события конца 1930-х годов в СССР, где шла война с собственными «врагами народа». Они заставили Оруэлла задуматься над советскими мифами и вынести окончательный вердикт коммунизму, назвав его «религией людей, угробивших страну и веру» [18, р. 108].

Как и у Достоевского, трагический жизненный опыт английского писателя и исторические катастрофы, порождавшие ситуации жестоких преступлений, обусловили его особую сосредоточенность на проблеме преступления, решение которой в ряде существенных пунктов оказалось созвучным идеям и образам Достоевского. Убедиться в этом – одна из целей нашего исследования.

Анализ проводится под углом интертекстуальной поэтики и основан на выявлении маркеров интертекстуальности, межтекстовых параллелей. Из всех известных типов интертекстуальных включений и знаков, описанных, в частности, Р. Лахманн и Н. Пьеге-Гро [17; 10], остановимся на реминисценциях (косвенных отсылках к другому тексту), общих мотивах, однородных фабульных элементах, трансформациях и модификациях ситуативно-содержательного уровня, позволяющих трактовать текст «Бесов» как претекст, референтный текст, а «1984» – как текст манифестный.

К тексту Достоевского у Оруэлла явно адресует проблема политических преступлений, которые закономерно выдвинулись на первый план и в «Бесах», и в «1984». Именно Достоевский пророчески увидел разрушительный

потенциал тех трагических противоречий, которые толкали страну в бездну национальной катастрофы, превращая ее в «мертвый дом». Воображение русского писателя рисовало картины будущего «сверхчеловеческого» общества, основы которого закладывались уже при его жизни. Оруэлл-провидец тоже предупреждал своих современников о грозящих опасностях, возникающих с зарождением и функционированием тоталитарных форм и структур. При этом каждый победный шаг, уверял писатель, будет отмечен печатью преступления.

В «Бесах» тема политического убийства получает художественную реализацию в связи с образом Петра Верховенского. В лице младшего Верховенского предстал новый социально-политический тип деятеля, которому в ближайшие десятилетия предстояло совершить основные политические преступления. Это художественно-философская модель нигилиста со свойственным ему комплексом характеристик: фанатик, циник, расчетливый авантюрист, деструктивно-криминальное сознание которого склонно оправдывать преступные действия и нейтрализовать морально-правовые аргументы. Безумный замысел овладел рассудком Петруши: «пустить смуту», чтобы «всё поехало с основ» [2, с. 322], «ломать церкви и идти с дреколем на Петербург» [2, с. 246]. «Свеженькой кровушки надо» [2, с. 325], «нужна и судорога» [2, с. 322], – неоднократно повторял Верховенский. «Затуманится Русь, заплачет земля по старым богам» [2, с. 325], «застонет стоном» [2, с. 326]. Ближайшая его цель – сформировать нелегальное криминально-политическое сообщество, «слепить пятерку», внушить кучке заговорщиков криминально-корпоративную мораль: «наши не те только, которые режут и жгут да делают классические выстрелы или кусаются» [2, с. 324]. Среди «наших», по подсчетам Петруши, учитель, смеющийся с детьми над Богом, адвокат, защищающий образованного убийцу, школьники, убивающие мужика, присяжные, оправдывающие уголовников. *«Преступление не помешательство, а именно здравый-то смысл и есть, почти долг, по крайней мере благородный протест»* [2, с. 324], – делает Верховенский свой обобщающий вывод. Не признающий высших религиозных, нравственных и правовых абсолютов, он организует убийство Шатова, ассоциирующееся с ритуальным жертвоприношением, подталкивает Кириллова к самоубийству, распространяет прокламации, призывающие «срезать радикально сто миллионов голов» [2, с. 314] и расписывает уголовные преступления как политические подвиги.

Действия и поступки Петра Верховенского имеют в «1984» реминисцентный фабульный

аналог, функционирующий в качестве интертекстовой «подсказки». Уинстон Смит, мечтающий об «очажках сопротивления» – маленьких группах людей» [9, с. 23], попадает в сеть, расставленную О'Брайеном: вступает в вымышленную нелегальную организацию «Братство». Функция О'Брайена, которого Смит принял за политического заговорщика, – это функция провокатора и мистификатора, таинственным образом читающего мысли героя и поддерживающего ореол тайны вокруг партии и Старшего Брата.

Оруэлл, как и Достоевский, вводит в художественное пространство романа темы подполья, фальсификации, тайной организации-призрака, требующей от своих членов совершения политических (измена родине, служба иностранным державам) и уголовных (убийства, вредительство) преступлений. Смит должен быть готов «плеснуть кислотой в лицо ребенку» [9, с. 136] и по приказу покончить жизнь самоубийством.

Выявление подобных ситуативных наложений и пересечений тем свидетельствует о межтекстовых параллелях и общих подходах к постановке и решению темы политических убийств. Показательно, что именно в связи с образом «беса» Верховенского Достоевский вводит в повествование два ключевых мотива: *пожара* и *веревки*, используемых в прямом и переносном смысле.

Сначала образ пожара возникает на периферии повествования как слух о «тайном петербургском обществе убийц, поджигателей-революционеров, бунтовщиков». Как политические преступления объясняются пожары в столице, которые полиция в провокационных целях пыталась объявить делом рук революционно настроенного студенчества. Затем значение пожара семантически расширяется: как «пожар в умах» этот образ-символ начинает ассоциироваться с Петром Верховенским, мечтающим «пустить пожары» [2, с. 325]. Для него религиозно-нравственные абсолюты – «гнилые веревки».

Веревка как орудие убийства и самоубийства функционирует далее в качестве одного из ведущих лейтмотивов романа: повесились Матреша и Ставрогин, веревками был обвешан труп Шатова. Симптоматично, что веревка фигурировала и в предсмертном сне Ивана Павловича, которому «приснилось, что он опутан на своей кровати веревками, весь связан и не может шевельнуться» [2, с. 433]. Мотив веревки появится и в «1984» в связи с образом Джулии,

которую Смит ошибочно принял за шпионку, сотрудницу полиции мыслей. В его воображении замелькали картины того, как он забьет ее резиновой дубинкой и голую привяжет веревками к столбу, «истычет стрелами, как святого Себастьяна» [9, с. 19].

Идеологические убийства допускает в своей теории «конечного разрешения вопроса» и Шигалев, хотя сам не участвует в убийстве Шатова, заявляя, что это противоречит его программе. «Раз в тридцать лет, – говорит Петр Верховенский, – Шигалев пускает судорогу, и все вдруг начинают поедать друг друга». Он ратует за репрессивную функцию государства, образ которого отвечает идее тотальной дисномии, социального сверхпорядка, установленного методом деспотического правления, когда государство выступает проводником беззакония. Потому и приходится ему оправдывать преступление как способ «переделки человечества».

В художественном пространстве романа Оруэлл образ Океании, по сути дела, есть реализовавшаяся мечта Шигалева. Это монофоничный идеологизированный антимир, имеющий энтропийно-разрушительный характер, социокультурная реальность с избыточной мерой зла: преступные войны, террор, «двухминутки» и «недели ненависти», показательные казни пленных, каторжные лагеря, в которых «бандиты и убийцы – аристократы» [2, с. 179], различные табу и авторитарные идеологемы. В деспотическом государстве с режимом-палачом безжалостно уничтожаются инакомыслящие, способные на «мыслепреступления». Проводятся «большие чистки», ночные аресты, политические процессы «врагов партии и системы»: «После ареста факт твоего существования отрицается и будет забыт. Ты отменен, уничтожен: как принято говорить, распылен» [9, с. 25]. Превращение мыслепреступников в «нелицо» (unperson) – необходимая часть государственной механики Океании.

«Мыслепреступление» (thoughtcrime), «мыслепреступник» (thought-criminal) – неологизмы Оруэлла. Жертвами своих «еретических мыслей» стали персонажи, не обладавшие «самостопом» – «инстинктивным умением остановиться на пороге опасной мысли» [9, с. 167]. Это главный герой Смит, его возлюбленная Джулия (так как «страсть уже мыслепреступление» [9, с. 61]), «остервенело правоверные интеллектуалы» – поэт Амплфорт, лингвист Сайм, карикатурист Резерфорд, вожди

революции Джонс и Аронсон. Оказался в подвалах министерства любви и Парсонс за мыслепреступление во сне – его семилетняя дочь фактически стала отцеубийцей: услышав произнесенную отцом во сне фразу («Долой Старшего Брата!»), она донесла на него, а «мысли, если их обнаружили, караются смертью» [9, с. 166]. Однако «мыслепреступления» могут носить не только политико-идеологический, но и уголовно наказуемый характер. Так, у Смита, постоянного участника «двухминуток ненависти», возникает «исступленное желание убивать, терзать, крушить лица молотом» [9, с. 22]. В мыслях он готов «проломить череп Джулии бульжником» [9, с. 85], «бить киркой по лицу Уилшера» [9, с. 91], «столкнуть в обрыв жену Кэтрин» [9, с. 108].

Поплатиться свободой и жизнью можно в условиях деспотического общества и за «лицепреступление» (facecrime). Неположенное выражение лица – тоже наказуемое преступление. «Нельзя позволить себе задуматься – это опасно, это страшно. Тебя может выдать ничтожная мелочь. Нервный тик, тревога на лице, привычка бормотать себе под нос – все, в чем можно усмотреть признак аномалии, попытку что-то скрыть» [9, с. 57].

В фокусе внимания обоих авторов оказываются и *самоубийства*. Суицидальные мотивы возникают в покаянных письмах Верховенского-старшего, адресованных Варваре Петровне, в разговоре Ставрогина с соперником Мавриkiem Николаевичем, обещающим застрелиться в случае ухода от него Лизы, в описании самоказни девятнадцатилетнего мальчика, прокутившего семейные деньги, в слухах о неудавшемся намерении Лямшина наложить на себя руки перед арестом.

Самоубийство как тема романа «Бесы» имеет прямое отношение к Кириллову и Ставрогину. Кириллов – теоретик и практик суицида, идейный самоубийца-философ, которого А. Камю («Миф о Сизифе») назвал «человеком абсурда» [6, с. 97] и в связи с которым сформулировал проблему очищения русской души как процесса преодоления хаоса. Аргументируя свои взгляды, Кириллов утверждает: «всякий, кто хочет главной свободы, тот должен смель убит себя» [2, с. 94]. Фактически антроподицей «инженера-строителя» заявляет идеологему своеволия: «Я хочу заявить своеволие» [2, с. 470], «атрибут божества моего – Своеволие» [2, с. 472]. Но при этом, однако, Кириллов отвергает саму возможность применения насилия к другим: «убить другого

будет самым низким пунктом моего своеволия. Я хочу высший пункт и себя убью» [2, с. 470]. Оказавшийся бессильным перед властью «бесов», Кириллов увидел в законах планеты лишь «ложь и диаволов водевиль» [2, с. 471] и взял на себя убийство Шатова.

Лейтмотив дьявола используется Достоевским в его христианском понимании: всякое отрицание является производным от дьявола, который символизирует всеобщее разрушительное начало, темное тяготение человека к злу в его различных формах. В поступке самоистребления своего героя Достоевский усмотрел не только преступление человека против самого себя, но и произвол против нравственного закона, данного Богом и запрещающего самовольный уход из жизни. В результате тема самоубийства получила метафизический срез и решалась как тема тяжкого греха Кириллова, Ставрогина, Свидригайлова, Смердякова, Крафта. Кириллов, потерявший веру в Бога, оказался не способен жить без этой веры. И таким образом, Достоевский снова выступил против позитивистской рассудочности сугубо социологического подхода, объясняющего всё лишь воздействием социальных факторов.

В романе Оруэлла тема самоубийства доминирует в микродиалоге Смита и Джулии. Оба знают, что партия насаждает пуританство, что «связь между членами партии – непростительное преступление» [9, с. 59], а «удачный половой акт – уже восстание» [9, с. 61], но отваживаются на свидания. «Их любовные объятия были боем, а завершение – победой, – комментирует автор. – Это был удар по партии. Это был политический акт» [9, с. 102]. Оба осознавали, что их ждет смерть, что «реальным был один план – самоубийство» [9, с. 120], но не пытались его осуществить. Измученный пытками и истязаниями, Смит в тюрьме тоже не раз задумывался о самоубийстве («умереть, ненавидя их, – это и есть свобода», [9, с. 220]), но не нашел сил уйти из жизни добровольно. Его капитуляция-самоубийство оказывается кульминационным структурно-смысловым звеном стирания личности, пути во тьму героя, предавшего себя и Джулию и начинающего испытывать мазохистскую любовь к садисту О'Брайену, возмнившему, что он может «погасить звезды» – «огненные крупинки в скольких-то километрах отсюда».

Нельзя не заметить, что проблема самоубийства решается Оруэллом без свойственного Достоевскому метафизического подхода. В романе Достоевского Кириллов в диалоге с Хроникером озвучил две логические

посылки своей антропологии: «Бог есть боль страха смерти», «кто смеет убить себя, тот Бог», – и обозначил причины, «почему люди не смеют себя убить» – боязнь боли и «тот свет» (то есть бессмертие души). Но в тоталитарном обществе религия запрещена, церкви разрушены, верующих нет. Равнодушие к вопросам, касающимся метафизических оснований человеческого бытия, порождает «громкую преступность, целое государство в государстве» [9, с. 63]. И Смиатаеиста страшит теперь только физическая боль, символом которой становится клетка с крысами в комнате 101 минилюба, а результатом пережитого ужаса – передача своего права мыслить Старшему Брату.

Самоубийством завершает свою жизнь и Ставрогин – самый загадочный, незаурядный, харизматичный антигерой, воплощающий стихию вседозволенности. Метафизика преступления – основной способ раскрытия его образа, его внешней и внутренней характеристик. Масштаб этих преступлений осознается с учетом исповеди главного персонажа, содержащейся во внетекстовой главе романа «У Тихона», в которой Ставрогин признается в целом ряде содеянных преступных действий уголовного и нравственного порядка: кража портмоне с деньгами у петербургского чиновника, убийство на дуэли двух невинных человек, отравление («намеренное и удавшееся и никому не известное» [3, с. 22]), недостойное поведение с женщиной, приведшее к ее смерти, «звериное сладострастие» [3, с. 14], изнасилование ребенка. Одержимый силами тьмы, греха и преступления, он не мог сопротивляться зову темного искусителя, потому и был выбран Верховенским-сыном на роль будущего антихриста или «мог бы сыграть роль Стеньки Разина по необыкновенной способности к преступлению» [2, с. 201]. Эта «необыкновенная способность к преступлению» подтверждается словами многих персонажей, неполяризованные оценки которых практически совпадают. Лиза Тушина признается Ставрогину: «... у меня тогда, еще с самой Швейцарии, укрепилась мысль, что у вас что-то есть на душе ужасное, грязное и кровавое» [2, с. 401]. Шатов возмущен его принадлежностью к «скотскому, сладострастному секретному обществу в Петербурге» и намекает на его сходство с маркизом де Садам [2, с. 201]. Показательна оценка Лебядкина: «С таким чудотворцем все сдееется; для зла людям живет» [2, с. 214]. Дарья Шатова говорит Ставрогину, что он «кругом оплетен сетью привидений» [2, с. 230] и одержим бесами. Чрезвычайно точную и емкую характеристику дает Ставрогину своим риторическим вопросом Маврикий Николаевич: «Один лишний брызг крови что для вас может значить?».

Не менее выразительна самохарактеристика героя, мечтающего «сделать злодейство <...> которое запомнят люди на тысячу лет и плевать будут тысячу лет...» [2, с. 187]. С его *молчаливого согласия* погибли Лебядкины, именно он подсказал Верховенскому идею убийства Шатова, предложив Петру связать членов «пятерки» «пролитую кровью, как одним узлом». Но главное преступление грешника – детоубийство. Сокращение малолетней Матрешки, совершенное «в состоянии некоего черного, садистского трансa» [14, с. 272], повлекло за собой ее самоубийство. При этом ритуал самоубийства самого соблазителя совершается в точном соответствии с обстоятельствами жертвы (через повешение). «Великая праздная сила, ушедшая нарочито в мерзость», – определение духовидца Тихона, принявшего исповедь Ставрогина. И трудно согласиться с мнением Бояна Манчева относительно ухода из жизни этого человека-демона, злоупотребляющего свободой, отрицающего любые авторитеты, которого притягивало все низменное и преступное: «... в конечном счете даже самоубийство Ставрогина – всё-таки ведущий к катарсису “возвышающий” акт» [5, с. 64]. Даже принимая во внимание определенную условность взятого в кавычки определения самоубийства Николая Всеволодовича как «возвышающего» акта, необходимо учитывать способ суицида (повешение), который со времен Иуды считается самым позорным и унижительным. Убив в себе верующего, русского, православного христианина, «гражданин кантона Ури» отправляется в свою «трансцендентальную» Швейцарию на жирно намыленном шелковом «снурке». Нельзя не признать справедливость трактовки В.А. Свительским финального акта антигероя: «Точку в своей судьбе он ставит сам, его собственное самосознание подписало ему приговор» [13, с. 49].

Достоевский предвидел, что фигура «человека беззакония и беспредела» будет вскоре востребована в России. Ее перспективность в социально-историческом плане подтвердит и Оруэлл, создавший в лице О’Брайена инвариант «человека-демона», на который спроецирован образ Ставрогина. Как и антигерой Достоевского, он осенен ореолом тьмы, излучает таинственность и загадочность, возникает из сумрака и затем снова в него погружается. У обоих авторов мотив тьмы – символ ада и жизни без Бога, что важно для понимания смысла романов. В обоих образах персонифицируется мифологема зла, их жизненное пространство есть пространство деструктивного опыта.

Можно предположить, что именно с образом Ставрогина, раздвоенность сознания которого тянула его в разные стороны, порождала антитетичные устремления, заставлявшие в одно и то же время насаждать в сердце Шатова идею бога, а в разум Кириллова идею богоборчества, связано «двоемыслие» оруэлловского персонажа. Суть его в том, чтобы «придерживаться *одновременно двух противоположных мнений*, понимая, что одно исключает другое, и быть убежденным в обоих <...> отвергать мораль, провозглашая ее» [2, с. 37]. Этот парадокс лежит и в основе одного из трех главных партийных лозунгов («война – это мир») в стране оголтелого милитаризма, ведущей перманентную войну и совершающей бесконечные военные преступления.

Таким образом, пара центральных героев «Петр Верховенский – Ставрогин» (как ученик – учитель) проецируется у Оруэлла на пару «Уинстон Смит – О’Брайен», что позволяет обнаружить в интертекстуальном слое «1984» соприсутствие лейтмотивов искушения, соблазна, провокации. С образами Ставрогина и О’Брайена связан общий мотив наставника-искусителя. Если Ставрогин соблазняет Шатова и Кириллова призрачной истиной, призрачным добром, и оба сгорают в огне пожара, зажженного «змием» в их душах, то О’Брайен соблазняет Смита запрещенной книгой-мистификацией.

Роль искусителя примеривает на себя и Верховенский-младший, с цинизмом и бездушием требующий добровольной смерти Кириллова для сокрытия следов собственного подлого убийства. Образную параллель в аспекте темы искушения находим и в антиутопии: это «старьевщик» Чаррингтон, выдававший себя за сочувствующего друга, но оказавшийся тайным осведомителем полиции мыслей. Главных персонажей обоих романов объединяет и мотив провокации. Ставрогин и Верховенский – одновременно орудия и жертвы «духовной провокации, в которой лишь одним из частных случаев является провокация политическая» [1, с. 211]. Политическим провокаторами задуманы образы Чаррингтона и О’Брайена.

Проблему личности уголовного преступника Достоевский ставит в связи с образом душегуба Федьки Каторжного, который бежал с каторги и продолжал творить беззаконие, словно в него вселился бес тяги к насилию. Человек примитивный, лишенный духовных начал, решительно злобный и мстительный, он в ночь пожара в Заречье жестоко расправился с Лебядкиными: из зарезанного капитана «вышло крови, как из быка» [2, с. 396], Марья Тимофеевна была «вся истыкана ножами», у служанки

пробита голова. На его совести ограбление церкви и убийство сторожа. Этико-психологический анализ подобного народного типа был дан Достоевским в очерке «Влас» («Дневник писателя»), в котором указывалось на его типичную черту: «забвение всякой мерки во всем», «потребность хватить через край», «дойти до пропасти», «взглянуть в самую бездну» [4, р. 35]. И закономерен финал его жизни: убийца, не раз заглядывавший в бездну запретного, сам был убит и ограблен «шпигулинским Фомкой».

Федьку Каторжного постигает участь гадаринских свиней, слепых орудий злой силы. В таких уголовных элементах нуждались «коноводы» будущей революции, среди которых было немало преступников и злодеев, одержимых подпольными идеями и строящих «здание» своего идеала на крови. Олицетворением самого процесса сращения власти, хозяев губернии, политических авантюристов с преступным миром становится Верховенский-сын – «уродливый гибрид политики и уголовщины» [12, с. 298]. Но в «1984» революция свершилась, и партия уже не искала опоры в среде уголовников. Но об обладателях криминального сознания из низших слоев общества у Оруэлла также идет речь. Это безымянные рабочие-пролы: «воры, бандиты, торговцы наркотиками, вымогатели всех мастей» [9, с. 63]. Писатель дает их коллективный портрет, не выделяя (в отличие от Достоевского) кого-либо из общей массы, поэтому они не играют сюжетообразующей роли и связанная с ними событийная канва отсутствует.

Размышляя о проблеме преступности в произведениях Достоевского, В.В. Розанов весьма категорично утверждал, что преступное начало в персонажах великого писателя неискоренимо: «Неутолимое страдание, нищета, разврат <...> это только гноище, на котором по закону необходимости вырастает преступное; искаженные характеры, то возвышающиеся до гениальности, то ниспадающие до слабоумия, – это отражение того же преступного в человеческих генерациях, наконец, это борьба с ним человека и бессилие его победить» [11, с. 69]. Однако последние слова опровергает, к примеру, судьба Раскольникова, прошедшего страшный и мучительный путь от самообмана и преступления к раскаянию и воскресению. Достоевский, осознававший избыточность зла, выступающего в своих социальных, психологических и метафизических проявлениях, задумывался над тем, как спасти человека от сил, вырвавшихся из темных глубин его собственной природы. Оруэлл, изучавший феномен преступления в тоталитарном социуме,

акцентировал внимание скорее на социальных основаниях человеческого бытия. Но обоих глубоко волновали проблемы идеологических, уголовных, нравственных преступлений, актов политического бандитизма, самоубийств, отцеубийств, детоубийств, «мыслепреступлений», художественное исследование которых значительно продвинуло художников в познании человека, в разгадке его «тайны».

Подводя итоги, отметим, что в соответствии с теорией интертекстуальности каждый литературный текст может быть прочитан как продукт впитывания и трансформации других текстов, ибо «интертекст – это размытое поле анонимных формул» (Р. Барт). Осмысление интертекстуальной стратегии и маркеров интертекстуальности у Оруэлла приводит к выводу об «интертекстуальном эхо» глубинных пластов его антиутопии. Используя терминологический тезаурус Р. Лахманн, интертекстуальность «1984» можно охарактеризовать не столько как «преднамеренную», [17, с. 60], сколько как «латентную» или (по терминологии М. Риффатерра) как «факультативную» [10, с. 57]: так, к «Бесам» Оруэлл обращается в весьма завуалированной, опосредованной форме. Маркированных цитат (как эталонных интертекстуальных знаков), открыто и дословно воспроизводящих текст антинигилистического романа Достоевского, в антиутопии «1984» нет. Связь произведения Оруэлла с «Бесами» устанавливается имплицитно: с помощью системы реминисценций, отсылающих к роману русского писателя как претексту.

Реминисцентно заявляют о себе ситуативные схождения, общий проблемно-тематический комплекс, фабульные ходы. В семантической структуре романа Оруэлла организующими становятся проблемы преступления, личности преступника и террора (идеологического и полицейского), «цитатные» мотивы беззакония, насилия, крови, страдания, подполья, нигилизма, провокации, шпиономании, вседозволенности, зла, искушения, а центральные образы коррелируют с антигероями «Бесов». Литературными прототипами Смита и О'Брайена являются Петр Верховенский, Кириллов, Ставрогин, то есть персонажи «1984» представляют собой «цитаты» образов Достоевского, сохраняя при этом относительную суверенность.

Что же касается текстового воплощения идеи преступления в антиутопии английского художника, то оно содержит как

интертекстуальные пересечения с этой же темой у Достоевского, так и ее творческую трансформацию в связи с индивидуальной оруэлловской жизненной ситуацией и описанием тоталитарного универсума, в котором человек вышел из-под власти надмирных регулятивов бытия. Отсюда немаловажное расхождение. Если для Достоевского «претекстом» было Евангелие, из которого он взял случай об исцелении гадаринского бесноватого Христом, то для Оруэлла – не только антиутопии Е. Замятина и О. Хаксли, но и «Бесы» Достоевского. Таким образом, анализ выявляет стимулирующую роль интертекстуальности в процессе генерирования смысла «1984» как «младшего» текста и позволяет дешифровать его коды.

Статья выполнена в рамках проекта РГНФ «Интертекстуальная поэтика русской художественной прозы XIX–XXI веков и теоретические основы интертекстологии» № 15-34-01013.

Литература

1. Булгаков, С.Н. Русская трагедия // Творчество Достоевского в русской мысли 1881–1931 годов. М.: Книга, 1990. С. 193–214.
2. Достоевский, Ф.М. Бесы // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 10. Л.: Наука, 1974. 518 с.
3. Достоевский, Ф.М. Бесы: Глава «У Тихона»: Рукописные редакции // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 11. Л.: Наука, 1974. 415 с.
4. Достоевский, Ф.М. Дневник писателя 1873 г. Статьи и заметки, 1873–1878. // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 21. Л.: Наука, 1980. 551 с.
5. Манчев, Б. Конфликт и «экзистенциальный переход» в романах Достоевского // Филологические записки: Вестник литературоведения и языкознания. Вып. XI. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1998. С. 55–65.
6. Камю, А. Творчество и свобода. М.: Радуга, 1990. 608 с.
7. Касаткина, Т.А. О творящей природе слова. Онтологичность слова в творчестве Ф.М. Достоевского как основа «реализма в высшем смысле». М.: ИМЛИ РАН, 2004. 480 с.
8. Кибальник, С.А. Проблемы интертекстуальной поэтики Достоевского. СПб.: ИД «Петрополис», 2013. 432 с.
9. Оруэлл, Дж. 1984. // Оруэлл Джордж. 1984. Ферма животных. М.: ДЭМ, 1989. С. 13–243.
10. Пьеге-Гро, Н. Введение в теорию интертекстуальности. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 240 с.
11. Розанов, В.В. О Достоевском // Творчество Достоевского в русской мысли 1881–1931 годов. М.: Книга, 1990. С. 64–73.
12. Сараскина, Л.И. «Бесы»: роман-предупреждение. М.: Советский писатель, 1990. 480 с.

13. Свительский, В.А. Поэтика авторской оценки в художественной прозе Достоевского 1860–1870-х годов // Филологические записки: Вестник литературоведения и языкознания. Вып. XI Воронеж: Изд-во ВГУ, 1998. С. 46–54.

14. Семенова, С.Г. Метафизика русской литературы: В 2 т. Т. 1. М.: ИД «ПоРог», 2004. 512 с.

15. Устин, А.К. Культурогенетический эксперимент. СПб: SuperMax, 1995. 105 с.

16. British Culture of the Postwar. An Introduction to Literature and Society. 1945–1999. Ed. by A. Davies and A. Sinfield. L.; N.Y., 2000.

17. Lachmann, R. Memory and Literature. Intertextuality in Russian Modernism. Univ. of Minnesota Press, 1997. 470 p.

18. Ward, A.C. Twentieth-Century English Literature. L.; N.Y., 1964. 240 p.

References

1. Bulgakov, S. N. Russian Tragedy. (in Russ.) *Dostoevsky Art in Russian Thought in 1881–1931*. Moscow: Kniga, 1990. Pp. 193-214.
2. Dostoevsky, F. M. Demons. *Complete Set of Works: in 30 volumes*. Vol. 10. Leningrad: Nauka, 1974. 518 p. (in Russ.)
3. Dostoevsky, F. M. Demons: The Chapter “With Tikhon”: Handwritten Editions. *Complete Set of Works: in 30 volumes*. Vol. 11. Leningrad: Nauka, 1974. 415 p. (in Russ.)
4. Dostoevsky, F. M. Diary of a Writer 1873. Articles and Notes, 1873–1878. *Complete Set of Works: in 30 volumes*. Vol. 21. Leningrad: Science, 1980, 551 p. (in Russ.)
5. Manchev, B. The Conflict and “Existential Transition” in the Novels of Dostoevsky. (in Russ.) *Filologicheskie zapiski: Vestnik literaturovedeniya i yazykoznaneya*. [Philological notes: Journal of literary criticism and linguistics]. Iss. XI. Voronezh: Publishing house of the Voronezh State University, 1998. Pp. 55-65.
6. Camus, A. *Creativity and Freedom*. Moscow: Raduga, 1990. 608 p. (in Russ.)
7. Kasatkina, T. A. *About Creative Nature of Word. Ontological Status of Word in The Dostoevsky's Creation as A Basis of “Realism in a Highest Sense”*. Moscow: IMLI RAN, 2004. 480 p. (in Russ.)
8. Kibal'nik, S. A. *Problems of Intertextual Poetics of Dostoevsky*. St. Petersburg: Publish House “Petropolis”, 2013. 432 c. (in Russ.)
9. Orwell, G. 1984. *The Animal Farm*. Moscow: DEM, 1989. Pp. 13–243. (in Russ.)
10. Pyegie-Gro, N. *The Introduction in Intertextual Theory*. Moscow: Publ. house LKI, 2008. 240 p. (in Russ.)
11. Rozanov, V. V. About Dostoevsky. (in Russ.) *Dostoevsky Art in Russian Thought in 1881–1931*. Moscow: Kniga, 1990. Pp. 64-73.
12. Saraskina, L. I. “Demons”: *Prevention Novel*. Moscow: Sovetsky pisatel, 1990. 480 p. (in Russ.)
13. Svitel'sky, V. A. Poetic of Author Assessment in Literature Prose of Dostoevsky in 1860-1870. (in Russ.)

Filologicheskie zapiski: Vestnik literaturovedeniya i yazykoznaniiya. [Philological notes: Journal of literary criticism and linguistics]. Iss. XI. Voronez: Publishing house of the Voronezh State University, 1998. Pp. 46-54.

14. Semenova, S. G. *Metaphysics of Russian Literature*. In 2 Vols. Vol. 1. Moscow: Publishing house "Po Rog", 2004. 512 p. (in Russ.)

15. Ustin, A. K. *Culturalgenetic Experiment*. St. Petersburg: SuperMax, 1995. 105 p. (in Russ.)

16. *British Culture of the Postwar. An Introduction to Literature and Society. 1945-1999*. Ed. by A. Davies and A. Sinfield. L.; N.Y., 2000.

17. Lachmann, R. *Memory and Literature. Intertextuality in Russian Modernism*. Univ. of Minnesota Press, 1997. 470 p.

18. Ward A. C. *Twentieth-Century English Literature*. L.; N.Y., 1964. 240 p.

ОБ АВТОРЕ:

Бардыкова Ирина Викторовна, кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии и политологии, социально-теологический факультет, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, 85, г. Белгород, 308015, Россия. E-mail: IBardykova@bsu.edu.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Irina V. Bardykova, PhD in Philosophy, Associate Professor, Department of Cultural Studies and Political Science, Faculty of Theology and Social Sciences, Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia. E-mail: IBardykova@bsu.edu.ru

УДК 378:001 891

DOI: 10.18413/2408-932X-2016-2-4-49-57

Бурлакова Е. В.¹,
Качалова С. М.²

**ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ И ПРОДВИЖЕНИЯ БРЕНДА
ВЫСШЕГО УЧЕБНОГО ЗАВЕДЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ЛИПЕЦКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО ТЕХНИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА)**

¹Липецкий государственный технический университет, ул. Московская, д. 30, г. Липецк, 398600, Россия.
E-maile: bev26223@mail.ru.

²Липецкий государственный технический университет, ул. Московская, д. 30, г. Липецк, 398600, Россия.
E-maile: smkachalova@mail.ru

Аннотация. Авторы на примере Липецкого государственного технического университета (ЛГТУ) приходят к выводу о необходимости брендинга высшего учебного заведения, поскольку бренд вуза способствует стратегическому развитию и продвижению вуза в среде целевой аудитории и поскольку создание и поддержка бренда вуза с целью завоевания новых долей рынка и укрепления своих позиций среди целевых аудиторий является неотъемлемой частью стратегии учебного заведения. В связи с этим вузу необходимо скорректировать свою систему массовых коммуникаций.

В статье рассматриваются составляющие бренда высших учебных заведений, такие как миссия, ценности, цели и задачи вуза, а также визуальные составляющие бренда – его логотип, слоган, разработка сувенирной продукции, представленность вуза в социальных сетях; называются отличительные особенности создания бренда вуза. Анализируются существующие компоненты бренда ЛГТУ, а затем на основании результатов опроса представителей потребительской целевой аудитории и с учетом их мнения разрабатывается концепция нового логотипа ЛГТУ, выбирается фирменный цвет и шрифт учебного заведения, разрабатываются предложения по использованию логотипа, определяются ведущие каналы распространения информации.

Ключевые слова: бренд; высшее учебное заведение; продвижение; логотип; массовая коммуникация; целевая аудитория; каналы распространения информации; сувенирная продукция.

Burlakova E.V.¹,
Kachalova S.M.²

**PECULIARITIES OF FORMATION AND PROMOTION OF THE BRAND
OF A HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTION (EXAMPLE OF LIPETSK
STATE TECHNICAL UNIVERSITY)**

¹Lipetsk State Technical University, 30 Moskovskaya St., Lipetsk, 398600, Russia. E-maile: bev26223@mail.ru

²Lipetsk State Technical University, 30 Moskovskaya St., Lipetsk, 398600, Russia. E-maile: smkachalova@mail.ru

Abstract. The authors come to the conclusion about the necessity of branding higher education institutions – Lipetsk State Technical University (LSTU), as the University brand contributes to the strategic development and promotion of the University brand in the target audience, as the creation and support of the University brand with the goal of conquering new market share and strengthening its positions among target audiences is an integral part of the strategy of the institution. In this regard, the University requires the adjustment of the system of mass communications.

The article covers some component parts of the brand of higher educational institutions, such as their mission, values, goals and objectives of the University, as well as the visual components of the brand – its logo, slogan, development of souvenir products, representation of the University in social networks are called the distinctive features of the creation of the University brand. The existing brand components of LSTU brand are analyzed and then, based on the results of a survey of representatives of the consumer target audience and considering their opinions, the concept of a new LSTU logo is developed, the colors and font of the educational institution are selected, the instruction for use of the logo is developed, the key channels of information dissemination are identified.

Keywords: brand; higher education institution; promotion; logo; mass communication; target audience; distribution channels; merchandise.

В условиях современной глобализации брендинг высших учебных заведений является неотъемлемой частью стратегии развития вуза. Сегодня происходят значительные изменения в самом понимании образования. Университеты стали конкурентами на рынке образовательных услуг, где ведут активную борьбу за каждого студента, которые, в свою очередь, сегодня могут называться клиентами вузов. Особенностью брендинга университетов можно считать их целевую аудиторию, которая является одновременно и потребителем услуг, и готовым «продуктом» [3]. Созданный бренд должен поддерживаться всеми структурами вуза. Создание бренда высшего учебного заведения отличается от разработки бренда любой другой организации. При разработке бренда вуза следует обратить внимание на то, что высшее образование является услугой, а не товаром, что накладывает определенные особенности на построение бренда. Иностранные университеты на протяжении многих лет применяют различные маркетинговые инструменты, которые используются в сфере бизнеса. Создание и поддержка бренда вуза с целью завоевания новых долей рынка и укрепления своих позиций среди целевых аудиторий является неотъемлемой частью стратегии учебного заведения.

Актуальность нашего исследования заключается в необходимости определения эффективных способов формирования и управления брендом высшего учебного заведения в условиях изменения рыночной ситуации в современном образовательном пространстве. Цель нашего научно-практического исследования – выявление особенностей формирования и продвижения бренда высшего учебного заведения. В ходе изучения данного вопроса нами использованы следующие методы исследования:

- изучение и анализ научных отечественных и зарубежных источников, периодических изданий, интернет-ресурсов;
- типологический метод;
- метод практического анализа;
- социологический опрос.

Проанализировав имеющиеся в нашем распоряжении источники, относящиеся к построению бренда учебного заведения на рынке образовательных услуг, а также изучив существующие примеры зарубежных и российских вузов, мы можем утверждать, что брендинг является неотъемлемым компонентом повышения уровня конкурентоспособности университета [11].

Для выдвижения собственных предложений по разработке и продвижению бренда Липецкого государственного технического университета

(ЛГТУ) мы проанализировали существующие атрибуты бренда. Подробно изучив сайт ЛГТУ, мы обратили внимание на недостатки навигации. Однако положительным моментом данного сайта является наличие четко сформулированной миссии вуза, которая заключается в подготовке востребованных специалистов высокой квалификации в различных сферах человеческой деятельности; в развитии инновационных образовательных технологий; в непрерывном развитии техники и технологий на основе практического применения фундаментальных научных знаний; в формировании гармонично развитых личностей, способных быть лидерами, работать в команде, действовать и побеждать в условиях конкурентной среды, несущих инновации в области образования, в сферах науки, техники и технологий¹.

Учитывая тот факт, что миссия должна отражать видение компании [13], анализируя пример миссии ЛГТУ, можно сделать вывод о том, что университет связывает свое будущее развитие с инновационными технологиями. Отражение миссией направления движения компании заключено в «развитии инновационных образовательных технологий»; она является, на наш взгляд, легко запоминаемой и мотивирующей.

Специалистами по построению бренда рекомендовано выделять несколько основных ценностей, уделяя им особое внимание [1]. Каждая из ценностей, определенная университетом, занимает определенную нишу как в сознании представителей самого вуза, так и у целевой аудитории данного заведения. На сайте ЛГТУ список ценностей не прописан, однако главная цель выделена четко – создание современного конкурентоспособного научно-образовательного учреждения для подготовки высококвалифицированных, компетентных специалистов на основе интеграции инновационных образовательных технологий, академической и прикладной науки².

С одной стороны, в данном предложении объединены сразу несколько ценностей: современность, конкурентоспособность, квалифицированность, инновационность. Однако сложно предположить, что каждый представитель целевой аудитории ЛГТУ будет анализировать прочтенный материал с целью подобного выделения сути, к тому же конкретной расшифровки значений данных ценностей на сайте не дано. Анализируя данную цель в общем, можно заметить, что она имеет большое сходство с миссией университета. С одной стороны,

¹ <http://www.stu.lipetsk.ru/common/mission/>

² <http://www.stu.lipetsk.ru/common/history/>

ценности – это продолжение миссии, они не могут сильно отличаться друг от друга и иметь в своей основе разные принципы и взгляды на окружающую действительность. С другой стороны, ценности должны расширять миссию, раскрывать ее содержание, добавлять в нее новые идеи и стремления, показывать вуз с разных сторон, делать акцент на его многогранности и многозадачности [2]. Отсутствие четко прописанных ценностей может привести к ограниченному пониманию целевой аудиторией и представителями вуза друг друга [12].

ЛГТУ в настоящее время является крупнейшим вузом Липецкой области. Липецкий государственный технический университет реализует основные образовательные программы высшего профессионального образования по пятидесяти одному направлению (специальности) подготовки, в том числе по сорока двум специальностям, шести направлениям подготовки бакалавров, трем направлениям подготовки магистров, а также по тридцати пяти программам послевузовского образования, трем программам дополнительного профессионального образования по профилю вуза. Эта информация представлена на сайте вуза и известна многим студентам и абитуриентам, однако концепции позиционирования как таковой на сайте найти невозможно. Нет информации о конкретном отличии университета от его конкурентов, нет четкого сравнения с другими вузами, где было бы сказано, например, «выбирая нас, Вы получите...» или «студенты считают ЛГТУ превосходящим конкурентов, потому что...». Однако реальные отличия от конкурентов заметить легко: ЛГТУ – единственный *технический* вуз в области, самый крупный, самый известный, многие его образовательные программы представлены «эксклюзивно», налажена тесная связь с производством. Однако отсутствие точно сформулированного позиционирования подталкивает аудиторию к необходимости самостоятельного анализа конкурентоспособности вуза, отталкиваясь от его основных атрибутов и информации на сайте, что далеко не всегда может помочь ЛГТУ оказаться в выигрышной позиции. Позиционирование должно разрабатываться непосредственно сотрудниками университета, ведь именно они могут ответить на главные вопросы при разработке данной стратегии, они лучше всего знают главные плюсы и минусы вуза, могут проанализировать конкурентную среду [4].

Рассмотрим визуальные составляющие имеющегося бренда ЛГТУ. Логотип университета на самом деле является эмблемой, как сказано на официальном сайте ЛГТУ. «В основе

деятельности университета лежит использование прогрессивных методов обучения, опыта ведущих отечественных вузов, достижений передовой науки и технологии. Образовательный процесс ориентирован на подготовку специалистов широкого профиля, способных эффективно адаптироваться на рынке труда, и базируется на принципах преемственности и непрерывности. Поэтому на эмблеме университета изображена фигура, образованная сплетенными между собой равнобедренными треугольниками, символизирующая бесконечную цепь передаваемых из прошлого в будущее знаний, образование, преемственность, развитие, время. Треугольник – первый после линейки измерительный инструмент, издревле используемый человечеством для прикладных и научных целей, символизирующий точность, соразмерность, образованность, науку, прогресс, технические знания»¹. Возникает несколько вопросов. Во-первых, эмблема – это условное изображение идеи в рисунке и пластике, которому присвоен тот или иной смысл. От аллегории эмблема отличается тем, что она возможна только в пластических искусствах, а от символа – тем, что смысл ее иносказания установлен и не подлежит толкованиям [7]. Самыми часто используемыми эмблемами учебных заведений можно назвать книгу, которая сама по себе является символом знаний и не требует дальнейших обсуждений и пояснений, и дерево, как некое «древо познания» [5]. Треугольники не являются символами знания, обучения, образования. Для ЛГТУ они могли бы быть скорее логотипом, однако на сайте четко обозначены как эмблема.

Фирменными цветами ЛГТУ являются синий и желтый, что можно определить, однако, лишь по факультетским флагам, с которыми встречают первокурсников в начале учебного года. Акцент на данной важной детали отсутствует. Ни сайт, ни точки присутствия в социальных сетях, ни какие-либо полиграфические материалы не отражают данного параметра бренда. Сувенирная продукция выпускается сразу в нескольких цветовых сочетаниях.

Слоган ЛГТУ звучит как «Лучшая Гарантия Твоего Успеха». Его также нет ни на сайте, ни в социальных сетях. Слоган можно увидеть лишь на некоторых стендах, расположенных непосредственно в университете, что означает для целевой аудитории невозможность ознакомления с данным атрибутом.

¹

http://www.stu.lipetsk.ru/inf_resources/quality_system/strategy_prog/5681/

В целом наблюдается сильная разрозненность всех визуальных составляющих бренда, несоблюдение фирменных цветов и шрифтов, разрозненность в стиле исполнения всех рекламных и информационных материалов.

Исследование, проведенное среди студентов ЛГТУ, выпускников ЛГТУ и других университетов, а также учеников старших классов школ города Липецка, определило уровень знания целевой аудиторией бренда вуза. Всего было опрошено 478 человек, среди которых 46 % опрошенных составляли студенты, 39 % – выпускники ЛГТУ, уже начавшие трудовую деятельность, 12 % – учащиеся школ и 3 % – выпускники, пока еще не определившиеся с местом своей работы.

Исследование проводилось по двум направлениям: классическое анкетирование и интернет-опрос. Позднее данные анкетирования были перенесены в электронный вид для удобства составления графиков и схем. В ходе опроса были

заданы вопросы о владении информацией, касающейся различных вузов и старейшего университета нашей области. Респондентам необходимо было проранжировать десять факторов, влияющих на выбор ими образовательного учреждения: качество образования, стоимость обучения, репутация, помощь в дальнейшем трудоустройстве, престиж диплома, бренд, внеучебная деятельность студентов, квалификация преподавателей, наличие полной и открытой информации о вузе в Интернет-пространстве, удобство месторасположения. Кроме того, респондентам предлагалось определить, какой из представленных им логотипов является действующим логотипом ЛГТУ и объяснить его значение. В анкету также входили вопросы о гимне и сайте вуза.

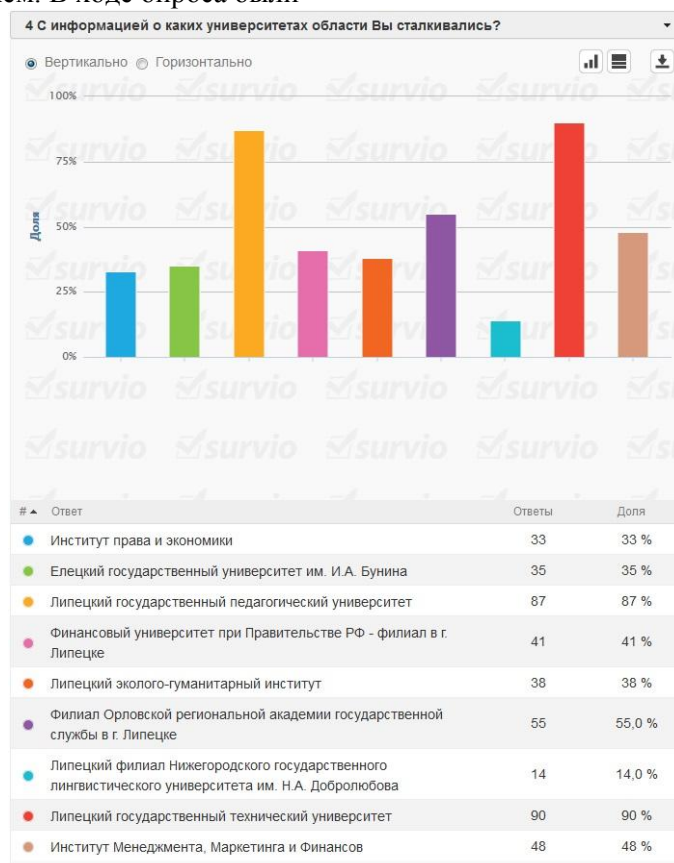

Рис. 1. Результаты опроса об известности респондентам образовательных учреждений Липецкой области
Fig. 1. The result of the interview about the popularity of Lipetsk region universities among respondents

По результатам опроса нами был выявлен основной конкурент ЛГТУ – Липецкий государственный педагогический университет, с информацией о котором ознакомлены 87 % опрошенных (рис. 1). Третьим по популярности оказался Липецкий филиал Российской академии

народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, общее представление о котором имеет 55 % респондентов.

В ходе исследования важно было выяснить процент узнаваемости существующего

сегодня логотипа ЛГТУ и понимание аудиторией его значения. Мы выяснили, что 74 % опрошенных могут опознать действующий логотип ЛГТУ. Ошибки совершали в основном те респонденты, которые получали высшее

образование не в стенах Липецкого государственного технического университета. Однако примечательно, что некоторые опрошенные, являющиеся сегодня студентами ЛГТУ, не смогли узнать его логотип.

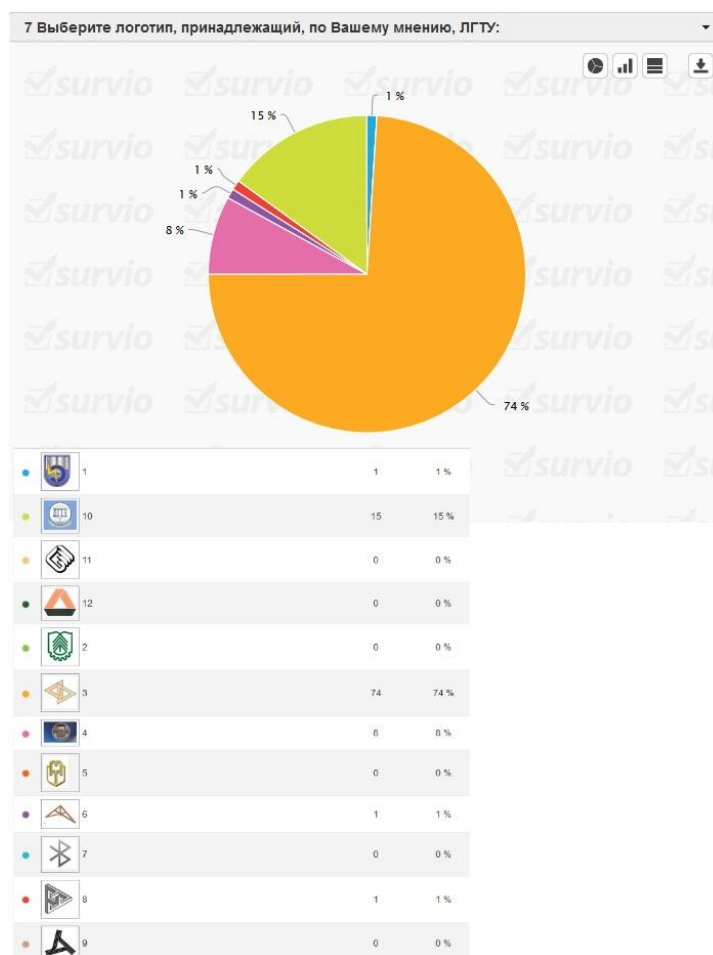

Рис. 2. Результаты опроса о значении логотипа ЛГТУ
Fig. 2. The results of the interview about the meaning of LSTU logo

Кроме прочего, в ходе исследования была поставлена задача выяснить, как целевая аудитория расшифровывает послание, заключенное в логотипе ЛГТУ. Одна часть людей просто не смогла ответить на поставленный вопрос, другая характеризовала его как точность, связь между образованием и обществом, большинство воспринимало логотип как некую связь между «техническими и химическими науками» (рис. 2).

Другой важной задачей исследования являлось выявление отношения к действующему сайту ЛГТУ. Участникам опроса были предложены следующие критерии работы сайта для оценки по десятибалльной шкале: доступность информации, простота и понятность, содержание, визуальное оформление, полезность. В целом, большинство опрошенных, посещавших сайт вуза, оценили его работу низко (рис. 3).

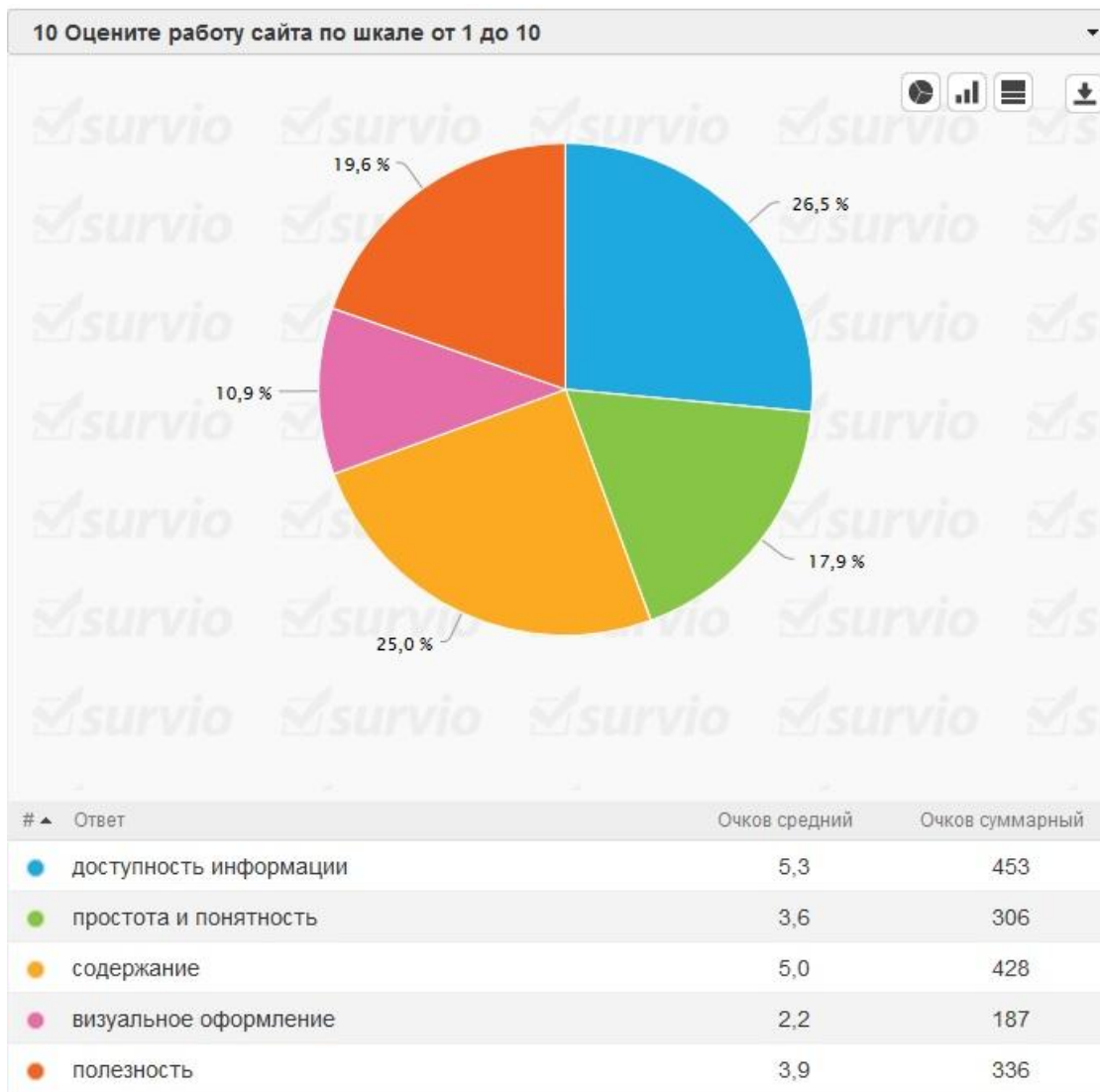

Рис. 3. Результаты опроса о действующем сайте ЛГТУ
Fig. 3. The results of the survey about LSTU current site

Заключительной важной задачей в ходе опроса являлось определение эффективного нового варианта логотипа Липецкого

государственного технического университета среди четырех разработанных макетов (рис. 4).

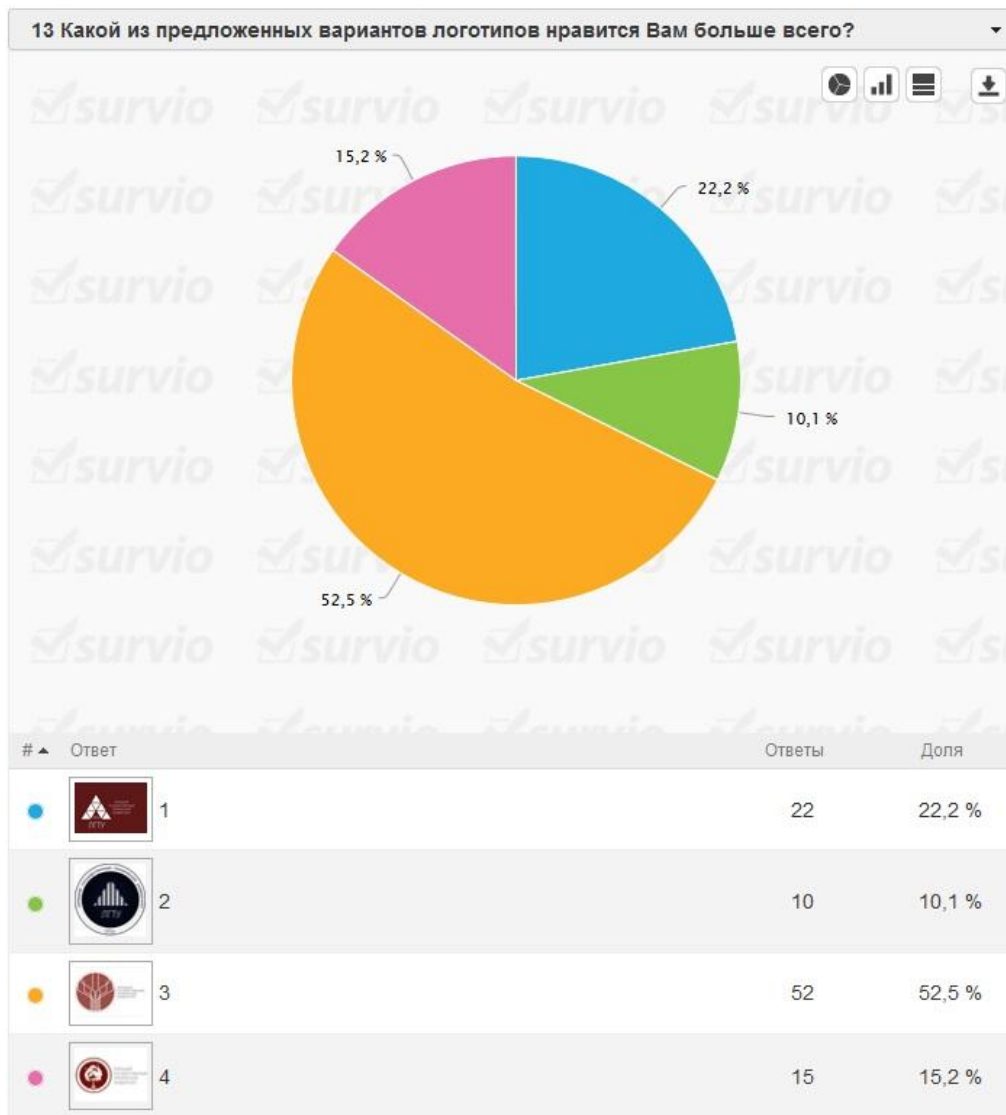

Рис. 4. Результаты опроса об эффективности новых вариантов логотипа ЛГТУ
Fig. 4. The results of the interview about the effectiveness of new LSTU logo options

Таким образом, исследование показало высокий уровень заинтересованности целевой аудитории в проведении хотя бы частичного ребрендинга ЛГТУ. Опрошенные нами люди продемонстрировали высокий уровень осведомленности о самом университете, лояльности к его деятельности и узнаваемости его главного визуального атрибута. В то же время было выявлено очень низкое понимание значения логотипа (эмблемы) вуза или ассоциирование его не с теми признаками, которые выдвигает сам университет, низкий уровень оценки качества сайта.

На основе проделанного анализа составляющих бренда ЛГТУ в настоящее время, а также опираясь на результаты проведенного исследования, было выявлено несколько важных пунктов, требующих ребрендинга: логотип, сайт, сувенирная продукция, рекламные и информационные материалы и каналы распространения информации.

В концепции логотипа, которая была разработана нами и одобрена представителями целевой аудитории в качестве нового символа ЛГТУ, описывается новый логотип, который представляет собой объединение восьми изогнутых линий, которые вместе образуют форму дерева.

Четкие, графичные линии будущего логотипа призваны возратить воспринимающего его человека к идее первостепенности именно технического образования в университете. В то же время восемь линий должны характеризовать восемь факультетов. Линии будут образовывать как ствол, так и крону дерева, которые будут восприниматься в качестве символа сегодняшних студентов вуза и его выпускников. Линии будут пересекаться между собой, как пересекаются все науки и профессии, которым обучает своих студентов ЛГТУ. Дерево будет очень симметрично и графически правильно, однако

если убрать хотя бы одну линию, рисунок будет нарушен. Это будет означать единство, целостность вуза. Все линии ветвей дерева будут устремлены вверх, символизируя движение вперед, динамику, развитие университета. Данный символ мы расположим внутри круга, так как именно эта фигура являет собой идеальную геометрическую фигуру. Круг – символ единства, целостности, сплоченности, движения.

Фирменным цветом университета был выбран бордовый цвет, который является показателем стабильности, уверенности и консерватизма. Он умеренный, ассоциируется со стабильностью и устойчивостью [8]. Бордовый считается изысканным цветом, показателем достатка и солидности.

В качестве фирменного шрифта был выбран Intro Cond Light Free – лаконичный, четкий шрифт, не давящий на потребителя, без засечек и ненужной плавности. Он утонченный, строгий и хорошо подходит для высшего учебного заведения, передавая всю его серьезность и значительность.

Свободное пространство логотипа позволяет разработать специальные варианты для каждого факультета, которые будут вместо бордового фона в круге содержать стилизованное под определенный факультет изображение. Подобное использование логотипа позволит выделить каждый факультет, при этом сохранив единую концепцию и смысловую нагрузку данного визуального атрибута.

Кроме того, нами была разработана инструкция по использованию логотипа, которая может стать частью брендбука университета. В нем показано, как правильно использовать логотип в разных ситуациях и как не следует его использовать. Также в брендбуке приведена англоязычная версия логотипа ЛГТУ.

Следующим шагом в рамках ребрендинга стала разработка сувенирной продукции. Проблема заключается в том, что сувенирная продукция в Липецком государственном техническом университете не продается. Используя подобный ресурс, ЛГТУ будет продвигать свой бренд как среди студентов, так и среди абитуриентов. Любая вещь, хранящаяся у человека дома, будь то ручка, кружка или зонт, снова и снова напоминает ему о бренде [10]. При этом университету не нужно прикладывать никаких усилий, чтобы увеличить свое влияние на рынке, повысить степень лояльности аудитории и ее объем. Но самая главная проблема заключается даже не в отсутствии возможности приобретения сувенирной продукции, а в невозможности таковую найти даже в тех отделах, которые непосредственно занимаются воспитательной работой со студентами. В

студенческом профкоме в наличии не оказалось предметов, содержащих символику университета, в студенческом клубе хранилось лишь два предмета с нанесенной на них фирменной символикой вуза. Мы считаем, что подобное незаинтересованное отношение к сувенирной продукции должно быть изменено. Ведь сами студенты демонстрируют заинтересованность в обладании предметами с фирменной символикой ЛГТУ, однако любой, кто захочет приобрести, например, кружку, столкнется с проблемой отсутствия их в наличии и невозможности приобретения.

Уровень патриотизма и любви к своему университету у студентов Липецкого государственного технического университета, как показывают социологические опросы, регулярно проводимые нами, очень высок. Поэтому необходимо создать такую сувенирную продукцию, которая будет отражать интересы современной молодежи, будет современной и модной. Кроме классических кружек, блокнотов, ручек, папок и маек, можно разработать дизайн толстовок, сумок для ноутбуков, чехлов для телефонов и планшетов. В самом здании ЛГТУ расположено множество столовых, кафе и киосков, в которых студенты могут приобрести кофе. Создание специальных кофейных стаканчиков с символикой университета станет интересным решением, особенно актуальным во время работы приемной комиссии. Кроме того, такие стаканчики можно дополнить интересными фактами о вузе, таким образом привычный ежедневный ритуал станет частью образовательного процесса для любого человека. Создание стаканчиков для кофе также может в будущем становиться частью неких рекламных акций, как с коммерческим, так и с образовательным уклоном.

Следующим шагом ребрендинга Липецкого государственного технического университета должна стать корректировка системы массовых коммуникаций. Здесь мы подразумеваем активное использование вузом социальных сетей как точек присутствия, так как именно социальные сети являются местом максимального сосредоточения целевой аудитории университета – молодежи [9]. Использование подобного метода работы позволит ЛГТУ создать имидж современного и инновационного университета, который будет «другом» для молодых людей, говорящим с ними на одном уровне и одном языке.

Правильный выбор социальной сети позволит грамотно выбрать целевую аудиторию и работать именно с ней. Необходимо не просто использовать социальные сети для распространения информации о вузе, но и запустить «вирусность» бренда. В компьютерных

сообществах существует понятие «хештэг». Это слово и фраза, которой предшествует символ #. Используя хештэги, пользователи могут объединять группу сообщений по теме или типу. Любой пост, фото или видео в большинстве социальных сетей может быть отмечен хештегом и позднее найден среди большого количества информации. Хештэги дают возможность группировать сообщения, объединенные общей тематикой, отраженной в самом посте.

Кроме того, нами была разработана демонстрационная версия интернет-портала университета, которая являет собой единство визуальных составляющих, качественно структурирована, проста и понятна в использовании, при этом отвечает всем современным требованиям общества.

Таким образом, построение сильного и качественного бренда Липецкого государственного технического университета поможет поднять его рейтинг, достичь качественно нового уровня лояльности целевой аудитории, студентов и сотрудников вуза, которые будут чувствовать себя частью большого единого бренда.

Литература

1. Аакер, Д. Создание сильных брендов. М.: Издательский дом Гребенникова, 2013. 440 с.
2. Батра, Р. Майерс, Д., Аакер, Д. Рекламный менеджмент. М.: Вершина, 2011. 784 с.
3. Галумов, Э.А. Основы PR. М.: Летопись XXI, 2014. 408 с.
4. Горкина, М.Б. Мамонтов, А.А., Манн, И.Б. PR на 100%: Как стать хорошим менеджером по PR. М.: Альпина Бизнес Букс, 2013. 214 с.
5. Гэд, Т. 4D брендинг: взламывая корпоративный код сетевой экономики: пер. с англ. СПб.: Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2011. 230 с.
6. Домин, В.Н. Предпочтения бренда – ключевой фактор влияния бренда на потребительский спрос и рыночные показатели фирмы. М.: Издательский дом Гребенникова, 2013. 144 с.
7. Капферер, Ж.Н. Бренд навсегда: создание, развитие, поддержка ценности бренда. М.: Вершина, 2012. 448 с.
8. Катлип, С.М., Сентер, А.Х., Брум, Г.М. Паблик рилейшнз. Теория и практика: пер. с англ. М.: Издательский дом «Вильямс», 2013. 624 с.
9. Келлер, К.Л. Стратегический бренд-менеджмент: создание, оценка и управление марочным капиталом: пер. с англ. М.: Издательский дом «Вильямс», 2015. 704 с.
10. Котлер, Ф., Армстронг, Г., Сондерс, Дж., Вонг, В. Основы маркетинга: пер. с англ. М.: Издательский дом «Вильямс», 2014. 349 с.
11. Лепла, Ф.Дж., Паркер, Л.М. Интегрированный брендинг: пер. с англ. СПб.: Издательский Дом «Нева»; М.: «ОЛМА-ПРЕСС Инвест», 2013. 320 с.
12. Магретта Дж. Ключевые идеи. Майкл Портер. Руководство по разработке стратегии: пер. с англ. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013. 272 с.

13. Перция, В.М., Мамлеева, Л.А. Анатомия бренда. М.: Вершина, 2014. 288 с.

References

1. Aaker, D. A. *Building Strong Brands*. Moscow: Grebennikov's Publishing House, 2013. 440 p. (in Russ.)
2. Batra, R., Myers, J. G. and Aaker, D. A. *Advertising Management*. Moscow: Verzhina, 2011. 784 p. (in Russ.)
3. Galumov, E. A. *PR Basics*. Moscow: Letopis XXI, 2014. 408 p. (in Russ.)
4. Gorkina, M. B., Mamontov, A. A. and Mann, I. B. *A 100 % PR: How to Become a Good PR Manager*. Moscow: Alpine Business Books, 2013. 214 p. (in Russ.)
5. Gad, T. *4D Branding: Cracking the Corporate Code of the Network Economy*. St Petersburg: The Stockholm School of Economics in Saint Petersburg, 2011. 230 p. (in Russ.)
6. Domin, V. N. *Brand Preferences as a Key Factor of the Brand Influence On Consumer Demand and the Firm's Marketing Performance*. Moscow: Grebennikov's Publishing House, 2013. 144 p. (in Russ.)
7. Kapferer, J.-N. *The New Strategic Brand Management: Creating and Sustaining Brand Equity*. Moscow: Verzhina, 2012. 448 p. (in Russ.)
8. Cutlip, S M., Center, A. H. and Broom, G. M. *Public Relations. Theory and Practice*. Moscow: Publishing House "Williams", 2013. 624 p. (in Russ.)
9. Keller, K. L. *Strategic Brand Management: Building, Measuring, and Managing Brand Equity*. Moscow: Publishing House "Williams", 2015. 704 p. (in Russ.)
10. Kotler, P., Armstrong, G., Saunders, J. and Wong, V. *Principles of Marketing*. Moscow: Publishing House "Williams", 2014. 349 p. (in Russ.)
11. LePla, F.J. and Parker, L.M. *Integrated Branding*. St Petersburg: Publishing House "Neva"; Moscow: OLMA-PRESS Invest, 2013. 320 p. (in Russ.)
12. Magretta, J. *Key Ideas. Michael Porter. Guidelines for the Development of Strategies [Understanding Michael Porter. The Essential Guide to Competition and Strategy]*. Moscow: Mann, Ivanov & Ferber, 2013. 272 p. (in Russ.)
13. Pertsia, V. M. and Mamleeva, L. A. *Brand Anatomy*. Moscow: Verzhina, 2014. 288 p. (in Russ.)

ОБ АВТОРАХ:

Бурлакова Елена Викторовна, кандидат психологических наук, доцент кафедры культуры, Липецкий государственный технический университет, ул. Московская, д. 30, г. Липецк, 398600, Россия. E-mail: bev26223@mail.ru

Качалова Светлана Михайловна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры культуры, Липецкий государственный технический университет, ул. Московская, д. 30, г. Липецк, 398600, Россия. E-mail: smkachalova@mail.ru

ABOUT AUTHORS:

Elena V. Burlakova, PhD in Psychological Sciences, Associate Professor, Department of Culture, Lipetsk State Technical University, 30 Moskovskaya St., Lipetsk, 398600, Russia. E-mail: bev26223@mail.ru

Svetlana M. Kachalova, PhD in Pedagogical Sciences, Associate Professor, Department of Culture, Lipetsk State Technical University, 30 Moskovskaya St., Lipetsk, 398600, Russia. E-mail: smkachalova@mail.ru

MISCELLANEOUS: СООБЩЕНИЯ, ДИСКУССИИ, РЕЦЕНЗИИ

УДК 821.512.133

DOI: 10.18413/2408-932X-2016-2-4-58-62

Шералиева М. И. | О ТИПИЗАЦИИ ГЕРОЕВ ИРОНИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

Андижанский государственный университет, улица Университетская, 129, г. Андижан, 170100, Республика Узбекистан.
E-mail: mashur_sher@rambler.ru

Аннотация. В статье на примере романа узбекского писателя М. Мухаммад Доста «Лолазор» («Поле тюльпанов») рассмотрена проблема типизации героев иронических произведений. В типизации героя романа автор берет за основу его своеобразное отношение к жизни. Данное отношение в основном выражается через внутреннюю позицию. Различие внутренней и внешней позиции героя является причиной его иронического отношения к жизни, в результате чего появляется различие между «я-для-себя» героя и его «я-для-других». Именно данное обстоятельство образует своеобразие иронического модуса романа. Установлено, что ироническое отношение автора и героя к действительности является результатом противоречия между личностью героя и его характером. Указано, что выбор героя данного типа в качестве главного персонажа явился оптимальным вариантом для выражения художественного замысла автора. Характер и личность главного героя сопоставлены с основными типами повестей данного периода, указаны черты их сходства и отличия.

Ключевые слова: ирония; ироническое отношение; художественный модус; иронический модус; герой; типизация; личность; характер.

Sheraliev M. I. | ON TYPIFICATION OF HEROES OF IRONICAL LITERARY WORKS

Andijan State University, 129 University St., Andijan, 170100, Uzbekistan. E-mail: mashur_sher@rambler.ru

Abstract. On the example of the novel “Lolazor” (“Tulips field”) written by M. Muhammad Do’st, the author of the article tries to study the problem of typification of the heroes of the ironical literary work. In the process of typification of the hero the author has chosen his peculiar properties of expressing his relation to the surrounding world as a basic principle. Peculiar relation to the surrounding world is mainly expressed by his inner position. The difference between inner and outer positions of the hero is the fact which serves as the main reason for his ironical relation where appears the difference between the notions ‘I-for-myself’ and ‘I-to-others’. This very reason brings on the uniqueness of the ironical modus in the novel. The ironical relation of the author and that of the hero is based on the contradiction between personality and character of the hero. It has been stressed that the choice of this type as the main hero of the work is the most optimal version for expressing the literary aim of the writer. The character and the personality of the hero are contrasted with the main types of the stories of that time and their differences and similarities have been displayed.

Keywords: irony; ironical relation; literary modus; ironical modus; hero; typification; personality; character.

Как известно, модус художественности проявляется в единстве системы «автор–герой–читатель». Типизация героя составляет второй важный аспект модуса художественности. Иначе говоря, каждый модус художественности имеет специфический способ типизации героя [9, с. 92]. Типизация героя в соответствии с модусом художественности связана с актуальностью

авторской концепции «я-в-мире». В. Тупа отмечал по данному поводу: «Зерно художественности составляет “диада личности и противостоящего ей внешнего мира”. Этим “я-в-мире” обоснована эстетическая позиция автора, экзистенциальная позиция условного героя и ответная эстетическая реакция читателя (зрителя, слушателя). Развертыванием этой универсальной

«диады» в уникальную художественную реальность рождается произведение искусства» [8, с. 469].

В ироническом модусе позиция «я-для-себя» героя произведения отличается от его позиции «я-для-других». Такова бросающаяся в глаза с первого взгляда специфика образа героя романа Мурода Мухаммад Доста «Лолазор» («Поле тюльпанов») Назара Яхшибаева – его «я-для-себя» отличается от его «я-для-других» [5]. «Я-для-других» Яхшибаева исходит из его социальной роли и статуса, «я-для-себя» же отражает точку зрения, направленную на установление истины по крайней мере для собственной личности.

Критик Рахмон Кучкор, участвовавший в «круглом столе» на страницах журнала «Ёшлик», отмечает сходство образа Назара Яхшибаева и героев произведений русского писателя Сергея Есина «Гладиатор» и «Имитатор» [4, с. 69]. По мнению Р. Кучкора, сходство героев М. Мухаммад Доста и С. Есина раскрывает их тип изменчивости. Действительно, изменчивость, присутствующая у героев С. Есина, наблюдается и у Яхшибаева. Однако цель М. Мухаммад Доста не состоит лишь в раскрытии его способности к мимикрии. Отношение Яхшибаева к действительности построено не только на основе данной черты. В различных обстоятельствах романа перед нами предстает не только поразному меняющийся Яхшибаев, но и Яхшибаев, ищущий истину в активных внутренних диалогах, стремящийся преодолеть несоответствие между «я-для-себя» и «я-для-других» и по мере возможности осуществляющий это преодоление. Если взглянуть на Яхшибаева лишь как на изменчивый тип и признать различие его внутреннего и внешнего мира результатом его двуличности, будет снижена художественная ценность его образа, предусматриваемая автором в позиции Яхшибаева, занимаемой им в своих внутренних диалогах.

М. Бахтин писал об одной важной особенности героев Достоевского: «Герой интересует Достоевского не как явление действительности, обладающее определенными и твердыми социально-типическими и индивидуально-характерологическими признаками, не как определенный облик, слагающийся из черт односмысленных и объективных, в своей совокупности отвечающих на вопрос “кто он?”. Нет, герой интересует Достоевского как особая точка зрения на мир и на себя самого, как смысловая и оценивающая

позиция человека по отношению к себе самому и по отношению к окружающей действительности. Достоевскому важно не то, чем его герой является в мире, а прежде всего то, чем является для героя мир и чем является он сам для себя самого» [1].

В образе Яхшибаева можно наблюдать особенности, отмеченные выше М. Бахтиным. Данный образ интересует М. Мухаммад Доста как обладатель особой точки зрения по отношению к миру, «смысловая и оценивающая позиция» в его отношении к себе самому и окружающей действительности выполняет в романе важнейшую художественную функцию. Внешних социальных признаков, характеризующих Яхшибаева, недостаточно для того, чтобы понять, кто он, и вынести в отношении его наш вердикт. Ибо внутренняя социализация Яхшибаева отличается от его внешней социализации. При исследовании данной особенности образа Яхшибаева литературная критика зачастую шла неверным путем и судила о нем поверхностно [6]. По сути дела, споры критиков в основном вращались вокруг вопроса «Кто такой Назар Яхшибаев?», а подобная постановка вопроса узка для выявления значимости образа данного персонажа.

М. Бахтин пишет: «В человеке всегда есть что-то, что только сам он может открыть в свободном акте самосознания и слова, что не поддается овнешняющему заочному определению» [1]. Ввиду чего социальный статус Яхшибаева, его прошлое, отношения с окружающими, беседы, интриги – всё это лишь частично дает ответ на вопрос «Кто такой Яхшибаев?». Однако со временем диалоги, протекающие в его сознании, ставят под сомнение находящийся, казалось бы, на поверхности ответ на поставленный вопрос. В результате появляется сомнение в возможности познать Яхшибаева, узнать о нем правду больше, чем знает он сам. Поэтому, когда речь идет об образе Яхшибаева, критики в основном опираются на его позицию, что в особенности часто наблюдается у Р. Кучкора [3; 4]. Следовательно, для автора самопознание и самоанализ героя – его собственное «слово» важнее внешне опредмеченной характеристики.

Для осуществления художественного замысла в романе «Поле тюльпанов» автору был необходим герой с различием внешнего и внутреннего миров, способный установить истину внутренними диалогами, а введение подобного героя в центр произведения должно было служить для раскрытия художественной

правды (и отражаемой ею правды жизненной). Автор избрал в качестве такого героя Назара Яхшибаева.

Личностные (сохранение в любой ситуации внутренней свободы, стремление не заниматься самообманом) и социальные (обязанности, вменяемые его социальной ролью) особенности Яхшибаева, его социальный статус («причастность» к лицу из высших кругов республиканского значения) выбраны писателем как оптимальный вариант для реализации художественного замысла. Автору нужен герой – не лицемер, хотя и имеющий различия во внутреннем и внешнем аспекте, свободный от нравственных масок и инерционности социальной роли.

Из этих наблюдений можно сделать вывод о том, что Яхшибаев интересует автора не только как социальный характер, но и в качестве обладателя своеобразного отношения к миру. Отношение героя к миру в основном выражается посредством его внутренней речи.

Итак, почему же «я-для-себя» Яхшибаева разнится с его «я-для-других» и в чем состоит социально-психологическая основа данного явления? Нам кажется, что данное явление зиждется на противоречии между личностью героя и его характером. В телепередаче «Игра в бисер» российский писатель Михаил Веллер обратил внимание на один аспект характеристики героев пьесы драматурга Евгения Шварца «Голый король»: «Как сказки Салтыкова-Щедрина существуют в системе административных отношений тогдашней России, точно так же и сказки Шварца, “Голый король” в частности, существуют в системе королевско-государственных отношений. Вне этих структур их в общем и целом нет, и мы имеем постоянно конфликт сущности личностной и сущности социальной человека. Личностно он представляет из себя одно, а по должности он представляет из себя другое. Это то, с чем сталкиваются люди в любом государстве, в любую эпоху»¹.

Герой романа «Поле тюльпанов» Назар Яхшибаев также обнаруживает разницу между собственной личностью и социальным обликом. Мы судим о личности человека по его характеру. Характер – внешняя сторона личности, личность

же – внутренняя сторона характера. Личность проявляется через характер. Отсюда можно заключить, что личность и характер – две стороны единого целого. В. Тюпа, анализируя произведения А.П. Чехова, предполагал необходимость различения двух вышеназванных понятий: «...в центре художественного внимания писателя (Чехова – М. Ш.) оказывается не столько характер человека, сколько его личность, иначе говоря, общечеловеческая (угол зрения притчи) природа и природа индивидуальности (угол зрения анекдота) – природа внутреннего “я”, составляющего фундамент любого характера, складывающегося под воздействием внешних обстоятельств» [10, с. 32].

В. Тюпа для аргументации тезиса о том, что рассуждение посредством раскрытия характеров не является единственной основой художественного мышления, приводит ряд высказываний из истории литературно-эстетических взглядов. В частности, такое: «Древнейшими архитектурными модификациями персонажа следует, по-видимому, признать “действующее лицо” и “психологическое состояние”, т.е. “эпическую” и “лирическую” формы героя. В ходе многовековой эволюции искусства слова на основе первой из названных форм складывается литературный “характер”, о котором говорить становится возможным не только в рамках эпоса; на основе второй формируется категория “личности” литературного героя – художественное образование, отнюдь не сводимое к лирическому персонажу» [10, с. 32]. В. Тюпа считает раскрытие значения социальной адаптации в развитии характера великим открытием классического реализма. Как он считает, первоначально в литературе классицизма как творческая доминанта проявился характер, впоследствии же в поэтике романтизма данное преобладающее положение заняла личность. Критический реализм добился взаимообъединения двух данных полюсов в изображении человека и общества: посредством характеров, формировавшихся под влиянием условий, отражалась личность героя. По мнению В. Тюпы, в произведениях Чехова данное единство двух полюсов, достигнутое в реалистическом романе, нарушается и в каком-то смысле ставит в тупик современных критиков.

Мировоззрение героев узбекской прозы поколения 70-х годов прошлого века также по некоторым особенностям не вмещается в рамки взглядов, сформированных под влиянием литературы социалистического реализма. По

¹ Игра в бисер с Игорем Волгиным. Евгений Шварц - Голый король. Передача телеканала “Россия. Культура” [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=FgXIF9VVvH0>
Опубликовано: 27 апреля 2014 г.

многим аспектам литература социалистического реализма, приняв в наследство исторический детерминизм реализма критического, требует изображения в качестве черт характера всех особенностей человека, формирующихся под влиянием социальной среды, в связи с чем некоторые критики с трудом воспринимают образы, отличающиеся противоречием между внешней социализацией (характером) и социализацией внутренней (личностью) [2; 7; 11]. В качестве яркого примера можно вспомнить статью Ибрагима Гафурова «Зерикарли одамнинг истеъфоси» («Отставка скучного человека»). Критик высказывает замечания М. Мухаммад Досту за то, что образ его героя Эломонова из повести «Истеъфо» («Отставной») не вписывается в известные ранее шаблоны социальных характеров [2].

В целом, повести «Возвращение в Галатепе» и «Отставной» М. Мухаммад Досты, «Ответ» Э. Агзама и «В сторонах Аскартага» А. Агзама являются произведениями о людях, переживающих ресоциализацию, людях с воспрянувшей или активизирующейся личностью. Их ироничность по отношению к действительности и самим себе (своему характеру) в качестве ее части проявляется как результат оценки, которую они как личности дают данной действительности. Различия во внутренней и внешней адаптации, несоответствие характера (внешней адаптации) и личности (адаптации внутренней) позволяют причислить Назара Яхшибаева к вышеназванному ряду героев. Точнее, здесь речь идет о создании образа в художественном произведении, о методе его типизации. В качестве же социального характера Назар Яхшибаев резко отличается от героев многих повестей.

Имеется масса причин отрицать образ Яхшибаева как социальный характер. Однако возникает вопрос: имеет ли тогда эстетическую ценность для автора ироническая точка зрения, проявляющаяся во внутренней речи Яхшибаева? При анализе повестей того времени мы отметили, что персонажи, добившиеся и добивающиеся должности, богатства, престижа и почета за счет отречения от собственной личности, – Нодир Файзуллаевич, Хайдар Самадович (Э. Агзам, «Ответ»), Самад, Борода (М. Мухаммад Дост, «Возвращение в Галатепе») и другие герои, возвышаясь над другими образами, находящимися в тяжелом социальном положении, приобретают иронический вид, над ними подсмеиваются, их высмеивают. Их иронизация не имеет большой социально-этической ценности для авторов, они лишь служат для раскрытия

нравственно-психологического облика персонажей.

В данном аспекте Назар Яхшибаев имеет сходство с вышеназванными героями как человек, в какой-то степени отрекшийся от своей личности. Можно ли так же охарактеризовать и его ироническую позицию? Безусловно, нет. Ибо он иронически относится не только к окружающим, но и к собственной личности: последнее слово правды о самом себе автор оставляет за Яхшибаевым. Не только читатель, но и автор не скажет о социальном значении Яхшибаева, о смысле его жизненного пути больше, чем говорит нам сам герой. Соответственно следует воспринимать и художественную ценность его иронии – ее следует оценивать не только в качестве средства, отражающего отношение к высокомерию поднявшихся по социальной лестнице персонажей, но и как позицию человека, видящего собственный истинный облик и облик окружающих.

Итак, автор романа «Поле тюльпанов» в типизации героя ставит особый акцент на различие его «я-для-себя» и «я-для-других». Определенные особенности образа Назара Яхшибаева возникли в результате противоречия между его личностью и характером. В свою очередь, данное обстоятельство обнаруживает ироническую позицию героя и автора к действительности.

Литература

1. Бахтин, М.М. Проблемы творчества Достоевского. Киев, 1994. [Электронный ресурс] URL: <http://www.vehi.net/dostoevsky/bahtin/> (дата обращения: 16.03.2016).
2. Гофуров, И. Зерикарли одамнинг истеъфоси // Ўзбекистон адабиёти ва санъати. 6 июля 1984.
3. Кўчкор, Р. Искандару Доролардан колган латифа // Мухаммад Дўст, М. Лолазор. Тошкент: Шарк, 1998. Б. 552–559.
4. Маънавий инкироз илдиэлари (Давра сухбати) // Ёшлик. 1989. № 3. С. 66–72.
5. Мухаммад Дўст, М. Лолазор. Тошкент: Ғ.Ғулом номидаги Адабиёт ва санъат нашриёти. 1988. 512 б.
6. Отабой, А. Биз билган одамларми? // Ўзбекистон адабиёти ва санъати. 23 сентября 1988.
7. Содик, С. Ёшлар киссачилиги хақида ўйлар // Шарк юлдузи. 1983. № 12. Б. 160–165.
8. Тюпа, В.И. Художественность // Введение в литературоведение / Под ред. Л. Чернец. М.: Высшая школа, 2000. С. 463–482.
9. Тюпа, В.И. Художественность литературного произведения. Вопросы типологии. Красноярск: Изд-во Красноярского университета, 1987. 224 с.

10. Тюпа, В.И. Художественность чеховского рассказа. М.: Высшая школа, 1989. 135 с.

11. Худойберганов, Н. Ҳақиқат ёғдулари. Тошкент: Ғ.Ғулом номидаги Адабиёт ва санъат нашриёти, 1985. Б. 212-213.

References

36. Bakhtin, M.M. *The Problems of Dostoevsky's Creative Activity*. Kiev, 1994. [Online] URL: <http://www.vehi.net/dostoevsky/bahtin/> (date of access: March 16, 2016). (in Russ.)

37. G'ofurov, I. The Resignation of a Boring Person. (in Uzbek.) *Literature and Art of Uzbekistan*, 1984. Yule 6.

38. Kuchkor, R. Anecdotes of Iskander and Doro. (in Uzbek.) In: Muhammad Dost, M. *Tulips Field*. Tashkent: Publishing House "East", 1998. Pp. 552–559.

39. The Roots of Spiritual Crisis (Round Table). *Yoshlik*. No. 3 (1989). Pp. 66–72. (in Uzbek.)

40. Muhammad Dost, M. *Tulips field*. Tashkent: Publishing House of Literature and Art Named after G. Gulyam, 1988. 512 p. (in Uzbek.)

41. Otaboyev, A. Do We Know People? (in Uzbek.) *Literature and Art of Uzbekistan*, 1988. September 23.

42. Sodiq, S. Thoughts of Story Telling of the Youth. (in Uzbek.) *East Star*, 1983. № 12. Pp. 160–165.

43. Tyupa, V.I. *Artistry. Introduction to Literary Studies*. Ed. L. Chernetz. Moscow: Vysshaya shkola, 2000. Pp. 463–482. (in Russ.)

44. Tyupa, V.I. *Artistry of a Literary Work. Typology Questions*. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk University Publishing House, 1987. 224 p. (in Russ.)

45. Tyupa, V.I. *Artistry of Chekhov's Story*. Moscow: Vysshaya shkola, 1989, 135 p. (in Russ.)

46. Hudoiberганov, N. *Sparks of True*. Tashkent: Publishing House of Literature and Art Named after G. Gulyam, 1985. Pp. 212-213. (in Uzbek.)

ОБ АВТОРЕ:

Шералиева Маишхура Икромжоновна, старший преподаватель, кафедра узбекского языка и литературы, Андижанский государственный университет, улица Университетская, д. 129, г. Андижан, 170100, Республика Узбекистан.
E-mail: mashur_sher@rambler.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Mashkhura Sheraliyeva, Senior Lecturer, Department of the Uzbek Language and Literature, Andijan State University, 129 University St., Andijan, 170100, Uzbekistan. E-mail: mashur_sher@rambler.ru
УДК 130.2:271.2:726.5(470 + 571)

УДК 130.2:271.2:726.5(470 + 571)

DOI: 10.18413/2408-932X-2016-2-4-63-67

Кантарюк Е. А.

**ЛЮДИ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ФИЗИЧЕСКИМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ
В ПРАВОСЛАВНОМ ХРАМЕ (ОПЫТ ЦЕРКОВНО-
КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ ГЕРМЕНЕВТИКИ БЕЗБАРЬЕРНОЙ СРЕДЫ)**

Липецкий государственный технический университет, ул. Московская, д. 30, г. Липецк, 398600, Россия.
E-mail: e.abaeva@mail.ru

Аннотация

В статье актуализируются и уточняются основные условия, при которых возможно проектирование православных храмов (храмов-часовен, молельных комнат) – с учетом потребностей людей с ограниченными физическими возможностями. Первичное условие корректного проектирования задается установкой на понимание инвалидности как приближенности к Богу, как богоизбранного удела, которому следует иметь свое воплощение в особом устройстве храма. В связи с этим условием раскрываются возможные формы организации безбарьерной среды, обеспечивающей церковно значимое соучастие в богослужении людей разной телесной и душевной организации в их общем молитвенном делании «единными усты и едином сердцем», неслитном и нераздельном единстве Причастия и Богообщения.

Ключевые слова: православный храм; Богообщение; причастие; церковно-культурологическая герменевтика; люди с ограниченными физическими возможностями; инвалидность; безбарьерная среда.

Kantariuk E. A.

**PEOPLE WITH DISABILITIES ARE IN THE ORTHODOX CHURCH:
THE CHURCH AND CULTURAL HERMENEUTICS OF BARRIER-FREE
ENVIRONMENT**

Lipetsk State Technical University, 30 Moskovskaya St., Lipetsk, 398600, Russia. E-mail: e.abaeva@mail.ru

Abstract

The article is devoted to updating and refining of the basic conditions under which the possible design of the Orthodox churches (chapels, prayer rooms), taking into account the capabilities of people with disabilities. The primary condition of the correct design of that orientation is defined in the understanding of disability as a proximity to God, as God's chosen destiny, which should be fully realized in a special unit of the church. The possible forms of organization of a barrier-free environment for meaningful participation in church worship of people of different physical and mental organizations reveal in certain connection with this condition. It is the perspective of the common pray acting "with one mouth and one heart" without confusion and indivisible unity of the Communion, communion with God.

Keywords: Orthodox church; communion with God; Communion; church-cultural hermeneutics; people with disabilities; disability; barrier-free environment.

*Ученики Его спросили у Него: Равви! кто согрешил,
он или родители его, что родился слепым?*

*Иисус отвечал: не согрешил ни он, ни родители его,
но это для того, чтобы на нем явились дела Божии. (Иоан.9:2-3).*

Инвалидность как судьба – это направление человека на особый духовный путь. И всеведущий Бог направляет на такой путь только того, кто способен по нему идти. На Руси к инвалидам было особое уважительное отношение, их называли «убогими», что означает «у Бога», т.е. приближенными к Богу [1].

В одной из книг «Инвалид в храме» владыка Пантелеимон, епископ Орехово-Зуевский,

указывает на то, что примерно 10 % из всех людей, живущих на Земле, – инвалиды. Мы как будто хорошо знаем, что нам малополезно будет рассуждать о том, каким попушением Божиим случилась инвалидность; нам не полезно судить о том, насколько заслужил человек такой венец. Мы знаем это на словах, но так ли хороши дела наши? В наших храмах инвалидов единицы – а что мы делаем для того, чтобы они смогли прийти в

храм? Как мы приспособляем устройство наших храмов к тому, чтобы сделать их технически доступнее для незрячего, глухого, или иным образом ограниченного в своих физических возможностях человека? Помним ли мы о главном – о любви и понимании того, «что человек с инвалидностью – это наш брат и друг, просто со своими особенностями» [2]?

Церковь Божия не есть учреждение, помогающее гражданам в силу неких формальных, внешних или безличных обязательств перед законом, снисходящее к неполноценности людей с ограниченными физическими возможностями. Церковь – семья, единый организм, в котором каждый его член, вне зависимости от его духовной крепости, душевных или телесных несовершенств является нашим братом или сестрой; у каждого свой путь к Господу. Особенный, счастливый венец страдания инвалида – в самой его ограниченности, его возможности пребывать в сосредоточенном состоянии, приближаясь таким образом к Богу. Счастье общины, куда приходит инвалид, – в

возможности позаботиться об устройении «дверей» – особенном, дополнительном благоустройении всего пространства храмового богослужения, в котором инвалиду таким образом проявляется деятельное сострадание. Это сострадание нельзя сводить к внешней жалости; это сострадание есть сордование встрече с убогими, вхождению их в церковную жизнь, делание этой жизни для них доступной, хотя бы в малом, техническом устройении храма.

В технически доступном для инвалидов храме решается целый комплекс эстетико-культурных и организационных проблем: требуется оборудование пандусами или специальными подъемниками входа в храм, а иногда и перестройка самого дверного проема, ширина которого оказывается недостаточной для проезда на инвалидной коляске [3]; важна организация сурдоперевода для глухих прихожан, для незрячих и слепоглухих – тактильные указатели и рельефные иконы [3] и др. Эти проблемы можно увидеть схематически на рис. 1.

ПРОБЛЕМЫ ИНВАЛИДА В ПРАВОСЛАВНОМ ХРАМЕ

Рис. 1. Проблемы инвалида в православном храме¹.
Fig. 1. Problems of persons with disabilities in the Orthodox Church.

¹ Источник схемы: <http://blagoudm.ru/zhdut-li-invalidov-v-pravoslavnykh-xramax/>

Как замечает руководитель фонда «Сила Духа» А. Шлычков, все вновь строящиеся храмы сразу стоит оборудовать, принимая во внимание нужды людей с ограниченными физическими возможностями; при этом следует не забывать, что доступность определяется по тому, как приспособлен к преодолению инвалидом его «последний барьер». Это означает, что следует установить и навигацию для слабовидящих, и низкие подсвечники, свечные ящики и т.д. Ширина дорожек на прихрамовой территории должна быть не менее двух метров – так, чтобы на них могли разехать два человека на колясках (или должны быть специальные карманы). Для людей слабовидящих края всех дорожек должны быть оборудованы бордюрным камнем контрастного цвета и т.д. [см. 3].

Возможности современного архитектурного и строительного дизайна вполне позволяют создать в храме технически безбарьерную среду. Но формирование такой среды нельзя, на мой взгляд, свести к внешней эклектике уже известного, некоей простой комбинации принципов и приемов, применяемых, например, в учреждениях социальной защиты и социального обеспечения. Храм нельзя переустроить для инвалида, подобно тому, как его нельзя устраивать только для физически здоровых людей; требуется основательная проработка тех культурологических условий, при которых станет возможно конкретно-богослужбное единение физически страждущих и им заботливо сострадающих. Перспективной в этой связи представляется разработка общих принципов и модельных образов больничных храмов, в которых встреча страждущих и сострадающих происходит по необходимости часто. Больничный храм – это максимальная концентрация духовно-душевной энергии, синтез многогранных целебных средств, врачующих всего человека в целом, позволяющих ему стать подвижным. Подвижность – это некоторое общее стремление людей с ограниченными физическими возможностями, и именно проблема подвижности должна прежде всего ставиться и решаться при благоустройстве больничного храма.

В больничном храме прихожане стремятся исповедоваться и причащаться – участвовать в Божественной Литургии. Человек с ограниченными возможностями, будь то слабослышащий, слабовидящий или на инвалидной коляске, должен чувствовать себя в больничном храме деятельным соучастником Божественной Литургии. Проектируя больничный

храм для таких малоподвижных в силу естественных причин прихожан, следует предполагать следующие его особенности (изложу их по мере движения инвалида в храме).

1. Образно-выразительный смысл иконы является символом связности всех трех миров, изначально присущих Божественной и человеческой природе. Для людей-инвалидов особыми чтимыми иконами являются: Матерь Божия «Всецарица», Св. Пантелеимон, Св. Лука, Св. Косма и Дамиан и др. К их иконам прежде всего стремится инвалид, оказавшийся в храме.

1.1. Высота аналая – так, чтобы он был доступен инвалиду в кресле-коляске, должна быть 100 см от пола. Внизу аналая необходимо свободное пространство (подстолье), которое позволяет инвалиду-колясочнику подъехать близко [4]. Следует также учесть опыт европейских храмов, в которых для инвалидов-колясочников применяются специальные лифты для вертикального перемещения икон или других святынь [4].

1.2. Для инвалидов с нарушением зрения в храме должны быть рельефные (объемные) иконы. Они дают возможность слабовидящему и незрячему прихожанину на ощупь прочувствовать, как «выглядит» Спаситель, Богородица, Иоанн Предтеча и др. Тактильные иконы также могут быть репликами писаных икон и находиться под ними. Особо почитаемые плоские иконы должны быть подписаны шрифтом Брайля. Для слабовидящих часть икон также может быть выполнена в технике витража с внутренней подсветкой. Писаные иконы должны подсвечиваться сверху локальными светильниками направленного действия и при развеске иметь наклон от стены 5°, чтобы уменьшить бликование стекла. Чтобы удобнее было прикладываться к иконе, важно разместить под ней горизонтальные поручни [4].

2. Пребывание на богослужении требует закрепления за его участником своего молитвенного места. Во время богослужения желательно освободить для инвалидов места ближе к солею, чтобы с близкого расстояния они могли полноценно воспринимать богослужение.

2.1. Место перед солеей удобно, в частности, и для инвалидов-колясочников. Можно обозначить эти места на полу контрастным цветом. Размер одного места с учетом сопровождающего – 120 x 180 см.

2.2. Для инвалидов по зрению во время службы удобны места около стен или колонн, оборудованных поручнями или сиденьями. Если

сопровождающий или социальный работник храма будет комментировать происходящее, незрячий человек сможет лучше воспринять богослужение. Можно заранее познакомить инвалида с последовательностью службы. Каждое из перечисленных целевых мест обозначается соответствующим информационным знаком в соответствии с ГОСТ Р 52131-2003 [4].

2.3. Места для инвалидов по слуху желательно размещать около церковного хора, клироса, амвона. Места могут быть оборудованы специальными персональными приборами усиления звука. Количество и оборудование таких мест тоже составляет 5 % общей вместимости храма. При отсутствии сурдопереводчика могут использоваться трансляция на экран текста богослужения или бегущая строка. Места, оборудованные индивидуальными беспроводными устройствами, должны быть расположены там, где хорошо видно слово и переводчика жестового языка. Такие места обычно размещают напротив алтаря – справа и слева. Желательно, чтобы переводчик стоял на возвышении – так его руки будут хорошо видны из разных мест храма. Аналог, на котором будут тексты для перевода, лучше поставить справа или слева от переводчика.

Малоподвижные прихожане должны иметь возможность находиться в зоне, имеющей самостоятельный путь эвакуации, не пересекающийся с путями эвакуации остальных прихожан и на возможно минимальном расстоянии от эвакуационных выходов из здания наружу.

Мотивационным смыслом деятельности медицинского персонала в сотрудничестве с Церковью является осуществление христианского служения ближнему; область больничного покоя – это та область, к которой стремится врач и больной, и каждый из них, будучи христианином. Целебный эффект такой встречи многократно усиливается, если встреча эта оказывается укрепленна и продолжена в совместной молитве.

Во время богослужения люди с ограниченными возможностями невольно обращают взор на окружающих и, зная последовательность литургии, придерживаются правил при богослужении, а именно: тихое стояние или сидение во время чтения Апостола, Евангелия, Иже Херувимской песни, а на молитвах «Символ Веры» и «Отче наш» изображение крестного знамения. Чтобы благоговейно подойти к Таинствам Исповеди и Причастия, обязательно должно быть присутствие

сопровождающего. По мере возможности в храмах для инвалидов слабослышащих и слабослышащих необходимо создать условия, такие как: присутствие сурдопереводчика, аудиодуш, использование персональных информаторов, световая сигнализация и т.д. Сила молитвы и искреннее покаяние грехов идет через коленопреклонение. Это трудно сделать инвалидам-колясочникам, и на посильную меру их труда указывают священнослужители; слабослышащие и слабослышащие сами и с помощью сопровождающих или просто прихожан стремятся сделать земные и поясные поклоны. Для того чтобы облегчить действия инвалидов, существуют тактильные напольные указатели и цветовая разметка.

Благоустройство пространства богослужебных взаимодействий – это то, к чему очевидным образом следует стремиться при организации больничных храмов. Искомое и обретаемое в таком благоустройстве – это взаимная терапия и страждущих, и сострадающих, соучастие, всеобщая пастырская, братская и сестринская взаимность. В больничном храме встречаются и лекари, и пациенты, усиленно создается безбарьерная среда подлинного общения о Боже Спасе – общения, в котором каждый и все в меру своей очищаемой страданием и состраданием взаимной любви «едиными усты и единым сердцем» взыскуют единого на потребу, близятся к нетленному Царству Божию и правде Его (Лк 10, 42; Ин 6, 27). От благоустройства – к ничем не смущаемому Богообщению: «Христос посреде нас!»

Литература

1. Манохин, Д. Ждут ли инвалидов в православных храмах? [Электронный ресурс] URL: <http://blagoudm.ru/zhdut-li-invalidov-v-pravoslavnykh-khramakh> (дата обращения: 25.03.2016)
2. Инвалид в храме: помощь людям с проблемами слуха и зрения. В.З. Денискина, иеромонах Мелитон (Присада), Т.А. Соловьева [и др.]. М.: Лепта Книга, 2015. 176 с.
3. Суперека, А. Московские храмы оборудуют навигацией для прихожан с ограниченными возможностями // MosDay.ru [Электронный ресурс] URL: <http://mosday.ru/news/item.php?708666&view=full> (дата обращения: 28.06.2016)
4. Чистый, С.В., Зальцман, Т.В. Как сделать храм доступным для всех: технические нормы и архитектурные решения. М.: Лепта Книга, 2015. 112 с.

References

1. Manokhin, D. *Do Orthodox Churches Wait for People with Disabilities?* (in Russ.) [Online] URL:

<http://blagoudm.ru/zhdut-li-invalidov-v-pravoslavnykh-xramax> (date of access: March 25, 2016)

2. Deniskina, V. Z. et al. *The Disabled in The Church: To Help People with Problems of Hearing and Vision*. Moscow: Lepta Kniga, 2015. 176 p. (in Russ.)

3. Supereka, A. *Moscow Temples are Equipped with Navigation for Parishioners with Disabilities* (in Russ.) [Online]

URL:
<http://mosday.ru/news/item.php?708666&view=full> (date of access: June 28, 2016)

4. Chisty, S. V. & Zaltzman, T. V. *How to Make the Temple Accessible to All: Technical Standards and Architectural Solutions*. Moscow: Lepta Kniga, 2015. 112 p. (in Russ.)

ОБ АВТОРЕ:

Кантарюк Екатерина Анатольевна, ассистент кафедры дизайна и художественной обработки материалов, институт машиностроения, Липецкий государственный технический университет, ул. Московская, д. 30, г. Липецк, 398600, Россия. E-mail: e.abaeva@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Ekaterina A. Kantaryuk, Teaching Assistant, Department of Design and Materials Processing Art, Mechanical Engineering Institute, Lipetsk State Technical University, 30 Moskovskaya St., Lipetsk, 398600, Russia. E-mail: e.abaeva@mail.ru